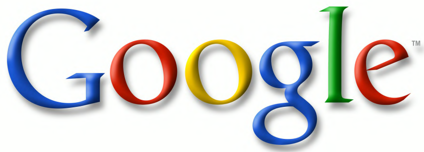

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА

Отъ куда пошла земля русская

И рече Олегъ Кіевъ се буди мати градомъ рускимъ

ВИЛЬНА

1865.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ФЕВРАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ II.

ВИЛЬНА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЫРКИНА.

1865.

Дозволено цензурою 7 Мая 1865 г. Вильна.

I.

№ 10.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ДРЕВНЫХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКВЕЙ ВЪ ГРОДНѢ.

1.

Копія документа Кунцевичей 2-го марта 1814 года на землю въ пользу Пречистенской церкви.

„Року тысяча шессотъ четырійнадцатого мѣсяча октобра двадцать третяго дня.

„Передъ нами врадниками судовыми земскими повету Городенского Кондратомъ Мелешкомъ судею Яномъ Боуффаломъ подсудкомъ и Стефаномъ Нешковскимъ писаромъ на мейсцу судовымъ постановившисе очевисто Земенинъ господарски повѣту Городенского панъ Захарія Стефановичъ протопопа Городенски оповедалъ и покладалъ вырисъ зъ книгъ гродскихъ Городенскихъ врѣчи внимъ мяновите подостатку описанной и заховуючи водле науки въ справѣ посполитомъ описанной перенесечисе тотъ вырисъ помененны Захарія Стефановичъ протопопа Городенски просилъ абы до книгъ здѣшнихъ Земскихъ Городскихъ уписанъ былъ которы уписуючи до книгъ слово отъ

слова такъ всоби маіетъ, *Выпись зъ книгъ справъ Гродскихъ* повету Городенскаго лѣта Божого Нароженя *тысяча тесоть чотеринадцятого мпсяча марца третяго дня* на.... судовыхъ Гродскихъ водле порадку статутового сего мысяча марца припалыхъ и судовне отправованыхъ, передъ нами Миколаіомъ Сопоцькомъ подстаростымъ, Андреіомъ Чижомъ судею и Александромъ Снарскимъ писаромъ врадниками судовеми Гродскими повету Городенского одъ вельможного пана его милости пана Андрея Войны краучаго Великого Княжтва Литовского старосты Городскаго, на справы судовые высаженые, постановившисе очевисто его милость панъ Якубъ Кунцевичъ хоружи земски повету Городенского посполъ зъ малжонкою своею ей милости паней Барбарою Фурсовною добровольное очевистое и устное сознаніе свое учинить рачилъ и ку записаню до книгъ Гродскихъ Городенскихъ зъ листу запису своего на Врадѣ передъ нами зрукъ ихъ милости покладаного и устне признаного втые слова писаного, *Я Якубъ Кунцевичъ хоружи повету Городенскаго* а я Барбара Фурсовна малжонка мене Якуба Кунцевича хоружого, чинимъ явно и сознаваемъ симъ нашимъ листомъ добровольнымъ записомъ своимъ кождому кому бы о томъ ведати належало нынейшимъ и напотомъ будучого вѣку людемъ ижъ мы маючи пляцы свое власные шляхетскіе и будованые на тыхъ пляцахъ шляхетскихъ и на церковномъ протопопскимъ пляцы будучіе въ Городнѣ при пляцахъ церкви святои Пречистои лежачіе мяновите межами зодной стороны одъ пляцу церковного ажъ до дому его милости отца Очинского на пляцу церковномъ стоячого ажъ до другои стороны пляцу паней Криштофовой Клоцкой Воеводычиной Плоцкой и одъ двора и одъ пляцу ихъ милости пановъ Халецкихъ а стретей и четвертой стороны одъ пляцу Ноэкевича жида и церковного которые тые уси пляцы и со всимъ будованіемъ намъ принадлежачіе некоторые пляцы *наше ойчизные* а другіе *купили есьмо* за

сто тридцать копъ гроши литовскихъ ничого на себе не заховуючи даемъ даруемъ и вѣчными часы записуемъ на церьковь святои Пречистои въ Городнѣ Соборной маютъ и вольны будутъ священники а меновитей отецъ протопопа теперешни и на потомъ будучи со всею братіею своею духовниками тоей церкви святои Пречистои споконо на себе держать будовать на ней мешкать пожитки вшелякіе зтыхъ пляцовъ и збудованя приходячіе на себе брати и оными водлугъ воли и подобаня своего што которому належати будетъ доходами шафовати а пляцы вѣчными часы на церковь святои Пречистои где тѣло матухны моей лежитъ належати маютъ, зачимъ за душу паней матки ойца моего Бога просити повинны будутъ и задушные обѣдни або панахиды бываючи одправовать, а мы сами и потомки наши втые се пляцы наши и не у которую часть и будованя и грунтъ въ кажды тежъ рокъ зъ тыхъ пляцовъ уступоватисе и переказы чинити не маемъ выймуючи зъ тыхъ подданыхъ моихъ Вуйтика на потребу маютъ за которую нашу тую даровизну отецъ протопопа и вси священники тоей церкви святои Пречистои теперишніе и напотомъ будучіе повинны будутъ зъ порадку себе одного знихъ священника для отправованія службы Божіи черезъ недѣлю только на одинъ день недѣльны и на Боже Нарожене и на Великдень и на два празники Причистои Богородицы которое тоей церкви есть Заложене Успеня и Рождество Святои Богородицы беручи доходы церковные ярмарочное на себе до церкви именя нашого Зарославски въ поветѣ Городенскомъ лежячого посылати маютъ и повины будутъ, а потемъ священникъ пріѣзджаючи до церкви для отправованя службы Божои въ дворѣ нашомъ Зарославскомъ на тотъ день ясти и пити самому и дяку и на коня што потреба, вино и ладенъ зъ двора до службы Божои маютъ давати, якое и право свое все на тые пляцы и будованые намъ належачые до рукъ отца протопопы теперешного отца Заха-

рія Стефановича протопопы Городенского и всихъ священниковъ тоей церкви святои Пречистои Соборнои оддали есьмы и знего се вѣчне зрекли и на то есьмы дали сей нашъ листъ на церковь Божую святои Пречистои подъ печатми и зподписами рукъ нашихъ до которого сего листу нашого за устною очевистою прозбою нашою люде зацные попове пріятеле наши печати свое приложить и руки подписать рачили то есть панъ Янъ Сципіонъ Янъ Кампо панъ Андржей Эйсьмонтъ а панъ Габріель Кодлубай а панъ Якубъ Малащинскій земляне господарскіе повѣту Городенского. Писанъ въ Городнѣ року *тысяча шесотъ чотыринадцятого мѣсяча марца второго дня*. У того листу печати притисненныхъ шесть а подписаны естъ теми словы Якубъ Кунцевичъ хоружи Городенски рукою власною, Янъ Кампо ренко власно, Габріель Кодлубай ренко власно, Якубъ Малащински ренко власно, Андржей Эйсьмонтъ ренко власно, которы тотъ листъ по очевистомъ и добровольнымъ сознаню его милости до книгъ Гродскихъ уписано естъ а по уписаню и сей выписъ зкнигъ подъ нашими печатми священникомъ Городенскимъ естъ выданъ. Писанъ въ Городнѣ у того выпису Гродского Городенского печати притисненныхъ двѣ а подписъ рука писарская теми словы Александеръ Снарскій писарь . . . . Внизу: Correxit Olizarowicz."

2.

Копія документа, даннаго 28 сентября 1634 г. Николаемъ Гнойницкимъ на землю съ домовъ въ Гроднѣ въ пользу Пречистенской церкви.

„Року тысячя шецьсотъ тридчець четвертого мисеча октобра пятого дня."

„На рокахъ судовыхъ земскихъ водле порадку статутового о светомъ Михаилѣ святѣ Римскомъ припалыхъ и

судоуне одправованыхъ, передъ нами Яномъ Мицутою судею, Кристофомъ Толодзкомъ подсудкомъ и Остафіемъ Кердеемъ писаромъ, врадниками судовыми земскими повету Городенскаго постановившисе очевисто у суду земянинъ господарски повѣту Городенского панъ Миколай Рабей Гнойницкій добровольнее очевистое и устное зознаніе свое учинилъ ку записаню до книгъ земскихъ Городенскихъ зъ листу запису своего вѣчистого одцомъ свещенныкомъ старшимъ церкви Городенской светои Пречистое даного зъ рукъ его передъ нами врадомъ покладаного читаного и устне сознаного, втые слова пысаного *Я Миколай Рабей Гнойницки земенинъ Е. К. М. повету Городенского* ознаймую то тымъ моимъ листомъ добровольнымъ записомъ нынешнимъ и напотомъ будучого века людемъ кому о томъ будетъ належети ижъ томъ мялъ пляцъ свой материсты понебощицы княжне Томилѣ Данилевнѣ Жижемской паней Рабеіовей Гнойницкой матце своей тутъ у месте Городнѣ *на подолѣ на улицы Дубовской лежачи* подъ правомъ земскимъ и вольносцю шляхетскою будучи которы тотъ пляцъ и домъ на немъ побудованы продалисмы были Ивану Онисимовичу москалю на Полоцку за щесливаго панованя короля Е. М. Стефана наузетому, по которого смерти и сыновъ его тотъ пляцъ и домъ зосталсе знову водле права и статуту сеймового В. К. Литовского и водле кольку конституціи сеймовыхъ мнѣ Миколаеви Рабеіови Гнойницкому нижлимъ я тыхъ грошей што былъ у оного Ивана Онисимовича москаля за тотъ пляцъ узялъ никомумъ неоддалъ бо ужво потомкоу того москаля не стало, оно я теперъ тотъ пляцъ увесь якъ сенъ самъ въ собѣ въ шерокосци своей маіетъ ку чти и хвалѣ всемогущого Бога на церкоу мурованую заложеня светой Пречистое старшимъ свещенникомъ оддалъ, а самъ зъ него неодзовне зрекаю и потомство свое оддаляю вольны будутъ старшіе свещенныки тотъ пляцъ поменены на помененую церкоу державъ и уживать и на

немъ людей осадать и дворы будовать и усякіе пожитки собѣ зъ него примнажать, а нжъ и звыкли некоторые священныки тожъ то церкви светои належитъ продавать и на свой а жонъ своихъ неслушны пожитекъ оборочать оно я то такъ варую ижъ того пляцу помененого и никоторые части зъ него одъ церкви никому продавать не будутъ могучи а гдебы комукольвекъ одъ церкви и повинности церковнее продали тогдывже тотъ пляцъ увесь знову маетсе вернути въ домъ мой Рабеіовски зусимъ тыми што на немъ и въ немъ будетъ и на томъ далъ церкви помененой сей мой листъ доброволъны запись подъ моею печацію и зъ подписемъ руки моей а до того просидесьмы о приложене печати людей зацныхъ его милости пана Яна Сапоцька суди, его милости пана Миколая Эйсьмонта писара врадниковъ Гродскихъ повету Городенского. Писанъ у Городнѣ лета одъ Нароженя Христа Сына Божого тысяча шесцьсотъ трицьчецъ четвертого мисеча сентембра двадцаць осьмого дня У того листу печати притисненыхъ три а подпись рукъ судь подписаны тыми словы: Миколай Рабей Гнойницки ренко, одъ егомосци пана Миколая Рабея Гнойницкого прошоны печентаржъ Янъ Сопоцько сендзя Гродзки Гродзенски, прошоны печентаржъ одъ егомости пана Рабея Миколай Эйсьмонтъ писаржъ Гродзки Гродзенски. Которы же тотъ листъ по очевистомъ и устнымъ зознаню особъ вверху мененое до книгъ земскихъ Городенскихъ естъ уписаны. Зъ которыхъ и тенъ Vidimus въ року теразнейшимъ 1765 месіонца новембра 7 дня подъ печенціонъ земсконъ повяту Гродзенскего parti requirenti естъ выданы Actum въ Гроднѣ ut supra.“ „Correxit: Kotowicz.“

№ 11.

ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УНІИ.

1.

Жалованная королевская грамота архимандриту Самуилу Сенчилѣ,

о предоставленіи ему въ пожизненное управленіе виленскаго Троицкаго монастыря, съ удаленіемъ отъ завѣдыванія онымъ тамошнихъ православныхъ магистратскихъ урядниковъ. 1605 г. ноября 16.

Жикгимонтъ третій, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, и пр. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ што перво сего, въ року тысеча пятьсотъ осмдесять четвертомъ, мѣсяца Мая двадцать семого дня, бурмистрове, райцы и лавники мѣста нашого Виленского, лавицы Рускоѣ, одержали были привилей отъ продка нашого, святобливоѣ памяти короля его милости Стефана на манастыръ Виленскій святоѣ Тройцы, и на два дворцы церковные до того монастыря належачіе, а меновитѣ, на дворецъ Свинтинники и на дворецъ Корысть. Который-то манастыръ передъ тымъ завжды былъ въ подаванью королей ихъ милости Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ, продковъ нашихъ: ино король его милость Стефанъ, за прозбою и чоломбитьемъ тыхъ бурмистровъ Виленскихъ лавицы Рускоѣ, яко тотъ монастыръ Виленскій святоѣ Тройцы, такъ и тые дворцы оба-два до манастыря належачые подалъ былъ въ опеку и оборону тымъ бурмистромъ Виленскимъ Рускимъ, которые тотъ манастыръ въ рукахъ и въ подаванью своемъ

маючи, пожитки всякіе до него належачые выбирати и на потребы церковные и на служителей того манастыря оборочати, и отъ всякихъ кривдъ добра церковные боронити мѣли и были повинны, яко то ширей на привилью короля его милости Стефана описано есть, который потомъ, за прозбою ихъ, и мы господаръ листомъ привильемъ нашимъ ствердити есьмо были росказали. Нижьли теперь маючи мы того справу отъ велебного въ Бозѣ отца Ипатія Потѣя, архіепископа митрополита Кіевского, Галицкого и всея Руси, яко старшого пастыря религѣи Рускоѣ въ панствахъ нашихъ, ижъ тые бурмистрове Виленскіе лавицы Рускоѣ о тотъ манастыръ ничого не дбаютъ, и пожитки до того манастыря належачые съ помѣненыхъ фольварковъ нѣтъ вѣдома гдѣ оборочаютъ; а што большого, ижъ фольварокъ Свинтинники до того манастыря належачый нѣтъ вѣдома якъ зъ рукъ своихъ комусь иншому пустили и утратили, и до сихъ часовъ его доходити и отыскивати не хочутъ: про то съ повинности нашее господарской, яко зверхный оборонца и опекунъ церквей Божіихъ, постерегаючи того, яко бы добра церковные въ своей цѣлости зоставали, а укривженья и шкоды ни отъ кого не мѣли, и видѣчи, же бурмистрове Виленскіе лавицы Рускоѣ, про недбалость свою, тому всему яко ся подняли досыть не чинятъ, тотъ манастыръ Виленскій святоѣ Тройцы, со всими добрами до него належачими, знову зъ рукъ ихъ до владзы и шафунку нашого господарского взявши, зъ ласки нашее господарской и за причиною отца митрополита Кіевского, Галицкого и всея Руси, дали есьмо и симъ листомъ нашимъ даемъ отцу Самойлу Сенчиловичу, архимандриту тогожъ монастыря святоѣ Тройцы, которого отецъ митрополитъ на тотъ станъ архимандричій посвятивши, намъ господару залѣтилъ. Маетъ прежречоный отецъ Самуйло Сенчиловичъ, архимандритъ Троецкій, тотъ манастыръ Виленскій святоѣ Тройцы, со всими пожитками до него належачими и съ

фольварками, Свинтинниками и Корыстью и со всими поддаными и грунтами до тыхъ фольварковъ прислухаючими, въ рукахъ своихъ ажъ до живота своего спокойнѣ держачи, о порядокъ добрый въ томъ манастыру и о помноженье хвалы Божоѣ съ пильностью старатися; братью чернцовъ водлугъ заможности доходовъ того манастыря тамъ ховати и опатровати, такъ много, иле бы здостатчити могли пожитки того манастыря на выхованье братьи; а за насъ господаря пана Бога просити, будучи въ единости святой съ костеломъ Римскимъ и въ послушенствѣ старшого пастыря своего, митрополита Кіевского, Галицкого и всея Руси. Къ тому, штобы-кольвекъ отышло грунтовъ и пожитковъ отъ того манастыря, позволяемъ того всего прежречоному архимандриту Троецкому у держачихъ правнѣ доходити и отыскивати, а отыскавши, при томъ манастыру спокойнѣ держати; а бурмистрове Виленскіе лавицы Рускоѣ не маютъ ему въ томъ ниякоѣ перекаэы чинити, и во всемъ до отысканья того што сами упустили, допомогати ему повинны будутъ. И на то дали есьмо отцу Самойлу Сенчиловичу, архимандриту Троецкому, сесь нашъ листъ съ подписомъ руки нашее господарской и съ нашою печатью. Писанъ у Краковѣ, лѣта Божого нароженья 1605, мѣсяца Ноября 16 дня. Подписъ руки господарской. „Остафей Воловичъ, пробощъ Троцкій, писарь и референдаръ.“

Изъ литовской метрики (запис. кн. LXXXV, л. 371 и слѣд.), *хранящейся при правительствующемъ сенатѣ, въ С.-Петербургѣ. Въ заглавіи грамоты отмѣчено:* Привилей архимандриту Самойлу Сенчиловичу на манастыръ святоѣ Тройцы въ мѣстѣ Виленскомъ съ фольварками, Свинтинниками и Корыстью.

2.

Грамота кіевскаго уніятскаго митрополита Ипатія Потѣя виленскимъ бургомистрамъ,

о пріемѣ въ вѣдѣніе свое виленскихъ и окрестныхъ православныхъ церквей со всѣмъ ихъ имуществомъ, и недопущеніи къ нимъ тамошняго духовенства, яко непреклоннаю къ уніи и отрекшагося отъ повиновенія ему. 1609 г. января 2.

Ипатій, архіепископъ митрополитъ Кіевскій, шляхетнѣ урожонымъ ихъ милости паномъ бурмистромъ мѣста Виленского лавицы Рускоѣ, сыномъ возлюбленнымъ смиренія нашого. Певенъ есми того, изъ листы моѣ первшые, . . . передъ сими святы писаные, до рукъ вашихъ милостей дошли, въ которыхъ писалъ есмъ до нашихъ милостей зъ стороны церквей Виленскихъ, до юрисдикцыи моей митропольей прилеглыхъ, абысте ваша милость яко благочеетивыи ктиторове и дозорцы ихъ старанье о нихъ въ томъ теперешнемъ замѣшанью мѣли: понѣважъ протопопа Виленскій съ иными всими тамошними попами ласкою Божою и господарскою взгордили, и торгнувшися безъ всякоѣ причины на юрисдикцыю мою, привильями господарскими утверженую и посессіею черезъ колько лѣтъ ненарушоную, послушенство свое мнѣ выповѣдили, и чрезъ то сами тыхъ церквей негодными осудилися, которыхъ безъ благословенія моего (яко и власные. . . самихъ вашихъ милостей посвѣтчаютъ) держати и въ нихъ дѣйствовати никако не могутъ. А про то, съ повинности моее пастырьской, вашихъ милостей яко сыновъ послушныхъ прошу и упоминаю, и зверхностью мнѣ отъ Бога и отъ господаря короля его милости даною повелѣваю, абысте ваша милость яко соборную церковъ, такъ и вси окрестные церкви отъ тыхъ зрадецъ, кривоприсяжцовъ

и отступниковъ моихъ зъ моцы ихъ взяли, и скарбы вси церковные отъ мала до велика списали, и если бы чого въ нихъ не доставало, пильнѣ оглядѣли (бо дошли до мене таковые слухи, ижъ немало перелъ и клейнотовъ на тыхъ часѣхъ, по отъѣханью моемъ, зъ скарбу церковного погибло), абы потомъ вѣдомость была, гдѣ ся што подѣло. А што ся дотычетъ Самойла Сенчила, бывшого архимандрита Виленского, ижъ онъ взгордивши добродѣтелью права, не хотѣлъ отца Рутского, для знесенья декрету зъ себе, ... позывать и невинность свою передъ нами показати (на-што ему отъ мене и позовъ былъ даный, абы могъ справы своее ратовати, а для того и съ публикацыею декрету нашого розказали есмы были отцу Рутскому задержатися), а ижъ тою ласкою нашою погордилъ и на учтивость нашу пастырскую непристойнѣ торгнулся, и сповадивши насъ рѣчми небылыми, послушенство намъ . . . выповѣдалъ, и самъ гордостію своею, яко Григорій Богословъ мовитъ, на себе клятву наволокъ, отъ которой снаднѣ могъ быти воленъ: про тожъ абысте ваши милости оного яко за проклятого и за изверженного мѣли, и за архимандрита не почитали, и до манастыра Святые Живоначальные Троицы Виленского его не припущали, подъ таковою жъ клятвою. Писанъ у Берестьи, лѣта Божого нароженья 1709, мѣсяца генваря 2 дня, по старому.

Черновый подлинникъ писанъ весь рукою митрополита Потѣя, съ поправками. Ветхъ.

Изъ архива бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ, находящагося при святѣйшемъ синодѣ.

3.

Окружное посланіе патріаршаго кіевской митрополіи екзарха, подляшскаго протопопа Нестора Козменича литовско-русскому православному духовенству и мірянамъ,

въ которомъ, поставляя имъ въ примѣръ ревность по вѣрѣ виленскаго духовенства и гражданъ, убѣждаетъ не обольщаться хитрыми и льстивыми обѣщаніями кіевскаго уніятскаго митрополита Ипатія Потѣя, но стоять твердо въ православіи и дѣйствовать совокупными силами противъ его преслѣдованій. 1609 г. января 4.

Всимъ вообще и кождому особно ихъ милостямъ отцомъ священникомъ собору Пинскаго обоего и посельскимъ, братьи о Христѣ возлюбленой, благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога Отца, и причастіе Святого Духа буди со всими вами, аминь. Ознаймую вашимъ милостямъ, ижъ сего дня, въ среду, року 1609 Генваря 4, послове мѣста Виленского отъ всего духовенства, напродъ отецъ Самоилъ Сенчило, архимандритъ Троецкій Виленскій, другій священноинокъ отецъ Павелъ, третій отецъ Леонтій священникъ Воскресенскій Виленскій, четвертый ієродьяконъ отецъ Макарій Кголимонтъ, а особно отъ свѣтскихъ панъ Арнольфъ Вириковскій, дворянинъ короля его милости, староста брацства церковного Виленского, панъ Иванъ Порошко, панъ Тимоѳей Репницкій, панъ Миколай Воронецъ и панъ Логинъ Карповичъ и другихъ немало, ѣдучи на сеймъ, были у мене въ дому и ознаймили мнѣ, „ижъ дей былъ у насъ тыми часы у Вильни домниманый и декградованый митрополитъ панъ Потѣй, и злохитрьствомъ своимъ, яко волкъ до овецъ дыбати звыклъ, хотѣлъ дей затягнути насъ у свою и папежову яскиню, обѣцуючи всимъ стати съ нимъ готовымъ, чого бы одно по немъ мѣти хо-

тѣли, а подаючи опять отъ себе намъ на письмѣ, чого по насъ самъ мѣти хочетъ; а такъ дей, скоро есьмо писанье его намъ поданое взяли и прочитали, але знашли есьмы явное и блюзнерству великому згодное огиженіе, отъ самого сатаны вырыгнутое на святое православіе наше; и уже дей далѣй не могучи отъ него жадной направы дождатися, учинивши вси и вси Виленское духовенство совѣтъ, явнѣ выреклися есьмо его, яко законопреступника дознаного и прелестника, взявшого, по пророку, на себе неправду свою, емуже яко льстивому левгиту Богъ не кажетъ служити собѣ и ни приступати ко святымъ святыхъ." А такъ, честные отцы, именемъ и статечностью и благословенною ревностью онѣхъ пословъ, и самъ отъ себе, яко старый православникъ, упоминаю и взываю васъ у тотъ святый полкъ: рачьте намъ прихильны и помочны и прилучны быти, а спосродку себе пословъ на посилокъ оному полку выправити, и свѣтскихъ парафіянъ своихъ до тогожъ побудити, да по Соломону, изжденемъ изъ собору губителя, и изыйдетъ съ нимъ побѣда, аминь. Прочее, радуйтеся о Господѣ и просвѣщени будьте во истинный разумъ его, аминь. Писанъ въ Заблудовью, Генваря 4 дня, року 1609.

Подлинникъ писанъ на бумажномъ листѣ, крупною скорописью. Внизу акта подписано: в. м. повольный братъ Несторъ, екзарха митрополіи Кіевскоѣ, протопопъ Подляшскій, рокою своею. *Печать подъ кустодіею, малая. Въ срединѣ ея имя екзарха изображено вязью, а кругомъ надпись:* екзарха патріаршій митрополіи Кіевскоѣ.

Изъ архива бывшихъ греко-уніятскихъ митрополитовъ, находящагося при святѣйшемъ синодѣ.

4.

Челобитная православнаго духовенства и жителей города Ратна кіевскому уніятскому митрополиту Іосифу Рутскому,

о непринужденіи ихъ къ уніи. 1614 г. октября 17.

Року 1614, мѣсяца Октобря семогонадцать дня. Въ Бозѣ достойный преосвещенный, а нашъ милостивый пане и пастыру, отче архіепископе всего Російскаго языка! Мы убогіе мѣщанове, посполу съ священниками, а духовными отцами нашими, покорнѣ просимо милостивой ласки и благословенства пастырского вашей милости, нашого милостивого пана, абысмы убогіе и грѣшные люде могли быти захованы при всѣхъ стародавныхъ и отъ святыхъ богоносныхъ Отцевъ преданыхъ церемоніяхъ и набоженствѣ звыкломъ святые восточные церкви, яко матки нашее, и абысмы никгды ненарушоны въ нихъ были сами и потомки нашѣ, то есть: абы намъ, милостивый пане и пастыру, календаръ стародавный и при немъ мы захованы были, также порядкомъ своимъ свята припадаючіе абы отправовали; до того, милостивый пане, абы священницы нашѣ въ костелѣ службы не отправовали, тылько въ своихъ церквахъ; также (съ) стороны крещенія дѣтокъ, абы у своихъ парафіановъ наши священницы ихъ охрещивали, а не ксендзы, кдыжъ по насъ того хотятъ пилно. Съ стороны тежъ исповѣди, Римлянинъ абы въ своего ксендза споведался, а насъ абы до того не примушали, але абысмы передъ своимъ духовнымъ споведалися и дары божественные пріймовали; а который бы схотѣлъ по доброй воли своей утечися до ксендза, жадаючи исповѣди, того вольно приняти. А што ся ткнетъ сакраментовъ костелныхъ и церкви нашее, признаваемо и вѣримо; также (съ) стороны братства намъ съ католиками, давно мы маемо ихъ за братію, а не

маемо (Боже уховай!) ихъ за геретиковъ. Про то просимо покорнѣ милостивого благословенства вашей милости, нашого милостивого пана и пастыря, абы есьмо при томъ всемъ, што есьмо верху намѣнили, захованы были. До которого листу и писанья нашого печать наша мѣстская есть притиснена. Данъ на ратушу Ратенскомъ.

Подлинникъ писанъ мѣлкою скорописью. Внизу акта приложена городская печать, вытиснутая на бумагѣ, на красновосковой массѣ, которою склеены оба полулиста. Подписей нѣтъ, а на печати оттискъ неявственъ.

Изъ архива бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ, находящагося при святѣйшемъ синодѣ.

5.

Посланіе виленскаго православнаго братства львовскому ставропигіяльному братству,

съ извѣщеніемъ о сооруженіи каменнаго дома для славяно-греко-латинской школы, и съ просьбою найти способныхъ учителей, православныхъ, а не иновѣрцовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прислать нѣсколько книгъ богослужебныхъ и духовнаго содержанія. 1619 г. января 21.

Возлюбленніи намъ о Христѣ господіе и братія! Благодати Господа нашего Іисуса Христа во всѣхъ благочестія подвизѣхъ любоподвижному вашему духови и благословеннаго въ домашнихъ попеченіихъ успѣянія люботерпѣливому поистиннѣ душъ вашихъ селенію отъ вседаровителнаго Бога нашего усердно желаемъ. Псалмопѣвецъ Божій, царь и пророкъ, богосадныя любве изводство, душевныхъ и тѣлесныхъ красотъ вину прозорливыма богомыслныя душя усмотряя очима, и гортанемъ лѣпотно и сердцемъ сладостнѣ воспѣ, высокогласуя: „се что добро или что красно, яко жити братіи вкупѣ.“ Братіемъ убо

сущымъ намъ, Христова порожденія купѣлію отрожденнымъ и вкупѣ живущимъ приповелѣнныя любве союзомъ неразъятнѣ совокупленнымъ, что тожде со блаженнымъ симъ пѣснопѣвцемъ сладцѣ воспѣти возбанитъ? Разстояніе бо мѣста единогласію, благочестія подвигомъ, миру и любви разстояніа, не речемъ, разъятія принести не возмогаетъ. Аще бо и мѣста селиками поприщами разстоимъ, любимъ обаче васъ честную нашу братію, возлюбльшаго ради насъ туне; миръ имамы къ вамъ, миръ свой оставившаго дѣля. Но благочестію подвигомъ вашимъ въ-толико ревновати убѣждаемъ себе, въ-елико силъ свыше на се дароватися намъ ощущаемъ, яко да равностопнѣ съ вами подъ сладостнымъ душеспасенныя Христовы работы игомъ текуще обрѣтаемся, съ вами и здѣ во земныхъ Христови благословенному Богу нашему послѣдовати тщащеся, съ вами и онамо въ небесныхъ тогожде царствующихъ царя наслаждатися желающе. Нѣсть вамъ благодатію Божіею попеченіе вящшее, надъ еже по евангельскимъ Христа Бога нашего заповѣдемъ ходити; нѣсть и прилежаніе усерднѣйшее, надъ еже спасенную пречестныя матере нашея восточныя святыя церкве догматовъ и преданій цѣлость неподвижну сохранити. О сею двою днемъ и нощію поучаетеся; о сею гоними терпите, хулими утѣшаетеся, укоряеми благословляете. Отъ сею двою васъ, по Апостолу, ни мечъ, ни огнь, ни настоящая, ни грядущая разлучити не могутъ: хранити бо заповѣди Господни и творити повелѣнія его, есть Христа въ себѣ царствующа имѣти и ему соцарствовати; лишити же ся сихъ, Христа есть лишитися. Тожде двое, заповѣди, глаголемъ, Христа Бога нашего евангельскія и церкве его святыя догматы и преданія, и намъ равностопнѣ, якоже предьрекохомъ, съ вами въ-супругъ ига Христова выя наша слякшимъ, на нивѣ, яже церковь его святая есть, по дарованнѣй намъ отъ него силѣ дѣлающимъ, рало вспять зрѣнія, зане управленное, не терпящее

радостнѣ тягнути, и тощнѣ бразды ея бѣдами, досажденьми и тѣснотами по Христѣ изглубяти во винѣ есть. Въ неюже сладостнѣ похвалени, не мнимъ несмыслнѣ похвалшеся, за хвалу, ей же вы предводителе есте, мы споспѣшницы истинна Христова правителя. Тѣмъ же толикимъ и сицевымъ единомыслія согласіемъ совокупленымъ намъ и соединенымъ, что (да второе реку) въ лѣпоту пѣснопѣвцево оно слово высокогласно воспѣти возбранитъ, намъ, глаголемъ, въ немощехъ нашихъ, въ нихъ же Христа Бога нашего сила совершается, сладцѣ хвалящимся? Обаче хвала сія нѣсть наша хвала, ни васъ глаголемъ, ниже насъ въ настоящее живущихъ хвала сія есть, но братій нашихъ благочестивно теченіе временнаго сего житія совершившихъ и во святыя небесныя обители преселшихся. Мы бо еще въ подвизѣ хвалы сея, они уже отчасти въ наслажденіи. Блажимъ прежде смерти никтоже по долгу быти удостоися. Аще Божіею благодатію и мы по познанной и пріятой отъ Востоку нами истиннѣ душя нашя положити сподобимся (*), и насъ хвалы сея лѣпота постигнетъ. Подвизаимся убо, братіе, выну въ лучшая преуспѣвающе, и благочестія нашего достойными плоды иновѣрныхъ обличающе и исправляюще; а вся вѣры ради бывающая намъ отъ супостахъ вѣры Христовой въ терпѣніи и благодареніи пріемлѣмъ, на началника и совершителя вѣры нашея Іисуса взирающе (иже намъ житія образъ оставляя, досажденъ, поруганъ, изгнанъ, біенъ и убіенъ, претерпѣвъ не воздаде), да животодателными пресвятыхъ его ногъ стопами шествовавше, и мы отъ по насъ жити хотящихъ сеяжде хвалы вѣнцы вѣнчаны быти удостоимося, со отъ вѣка избранными Божіими въ немерцаемомъ небеснаго царства свѣтѣ вселени: егоже Христе, превѣчный царю, сподоби насъ. Не безвременнѣ оное

(*) Въ подл. написано было «сподобихомся», но поправлено, какъ требовалъ составъ рѣчи.

Христомъ Господемъ нашимъ ко Іудеомъ реченное, и мы нынѣ во винѣ подобныя вещи о себѣ привнесше возмнимся, глаголющимъ: „кому уподоблю родъ сей? подобенъ есть дѣтемъ сѣдящимъ на торжищихъ, и на други своя глашающимъ и глаголющимъ: пискахомъ вамъ, и не плясасте, плакохомъ вамъ, и не рыдасте.“ Не имѣхомъ прибѣжищу мѣста въ трудолюбезное о благочестіи нашемъ поученіе и наказаніе, и глаголахомъ: не имамы гдѣ главы приклонити; имуще же нынѣ благодатію Божіею, глаголемъ: что къ намъ сіе? О, рода нашего! Наказаніемъ свободныхъ художествъ себе отъ людинъ иземшихъ и испрятшихъ подобіе сіе намъ, во ихже трудолюбивъ быти держащійся житія подвигъ и не у кимъ преподатливъ наказанія и ученія талантъ, мѣсто на неже бы главы своя приклонили, благодатію вседаровителнаго Бога мы нынѣ упрятанное и всякими нуждными удоволенное поднесше, любве и возванія долгомъ обязаны взываемъ, просимъ, умоляемъ: ничтоже обаче успѣваемъ и ко плакавшимъ намъ, древле, и ко пишущимъ нынѣ, непорушнымъ пребывающимъ имъ, овѣмъ село во извѣтъ непщеванія, овѣмъ волы, овѣмъ жену привносящимъ, и веліяХристовы вечеря вкусити отмещущимся. Нѣсть истинно въ та времена подъ небесемъ инъ родъ, сице ко благодѣніемъ Божіимъ неблагодаренъ, яко родъ нашъ, иже самоизволнѣ презорливымъ окомъ и горделивою бровію благодарованія Божія преноситъ и отмещетъ. Толико смирихомся, яко заедва тѣнь лѣпоты и величества широковладного рода Россійскаго и благочестія его оста намъ. Толико обаче ненаказаны своимъ злымъ пребываемъ, яко видяще и осяжуще уже, видѣти сего не хощемъ, и ко повѣствующимъ намъ о семъ аки аспидове ушеса затыкаемъ. О слѣпоты, душямъ вкупѣ и тѣлесемъ геенскую плѣнь наводящія! Цѣль глаголемыхъ, благочестивыи братіе, сей есть, яко лѣта 1617-го Божіею помощію соорухихомъ каменнымъ назданіемъ домъ школный, въ пять училищъ раздѣленый,

отъ нихже во трехъ Латинская наука иновѣрными (скудости ради своихъ) Нѣмцами чтется, въ четвертомъ Руская, пятое во Славенскаго и Греческаго языка наказаніе: въ нихже всѣхъ своего рода и благочестія трудолюбны учителя имѣти промысляюще, посылахомъ, о нихже искусныхъ на дѣло сіе вѣдѣхомъ, молихомъ и убѣждахомъ; донынѣ обаче соизволенія ихъ не улучихомъ. За еже и васъ братію благочестивую, о полезномъ церкви Христовы многопромысливую, и родови своему теплѣ прилежащую братію умолены быти симъ посланіемъ нашимъ тщимся, и уповаемъ, да егоже таковыхъ мужей близъ васъ быти вѣсте, или увѣсте, моленіемъ вашимъ убѣжденна къ намъ, во общую рода нащего пользу, препослете. Полезнаго бо паче (въ сія тяжкая намъ и въ человѣка убогая времена), нежели мнимаго славнаго ищуще, всѣхъ насъ общимъ и единодушнымъ промысломъ и попеченіемъ, едино первѣе мѣсто учеными мужмы удоволити достоитъ: ихже бы трудолюбное, сыновнее, а не наемничее о матери своей церкви Христовѣ попеченіе, не точію во градѣхъ, но и въ весѣхъ искусныхъ во свое время іереевъ произвело. При сихъ, умолены васъ благочестивую нашу братію моленіемъ симъ нашимъ быти уповаемъ, не отрещи вамъ прислати намъ чрезъ сего ужитѣ посланнаго нами брата нашего, пана Іосифа Бережецкого, книги Греческаго звода, Минеи, Тріоди, Шестодневецъ и Охтаикъ, и аще кіи иныи суть вамъ церковныи. Обѣщаемъ же и симъ писаніемъ нашимъ увѣщаемъ любовь вашу, нуждная съ нихъ во всея церкве нашея пользу исчерпше, цѣлы паки любви вашей со братолюбнымъ благодареніемъ воспослати. Прочее, милостива и благоподатлива Господа Бога нашего Іисуса Христа, во всякихъ любве вашея чести и славѣ его служащихъ промышленіихъ и печалованіихъ улучаема вами быти желаемъ и молимъ: егоже милость и миръ буди съ вами. Здравствуйте господіе наши честныи и

братіе возлюбленніи. Зъ богоспасаемаго града Вильни, року 1619, генваря 21 дня.

Подлинникъ писанъ на тонкомъ бумажномъ листѣ, сложенномъ вдвое, скорописнымъ западно-русскимъ почеркомъ, съ надстрочными знаками и удареніями. Лѣтосчисленіе буквами церковными. Въ концѣ посланія подпись другою рукою: Братолюбію вашему присныи всѣхъ благъ рачителие: недостойный архимандритъ Леонтій Карповичъ, съ еже о Христѣ братіею братства церковного Виленского, православія Греческого духовными и свѣтскими люди. *Бывъ сложенъ пакетомъ, имѣетъ на немъ адресъ слѣдующій:* Благочестивымъ и пресловутымъ гражданомъ Львовскимъ, братству церкви пречистыя и преблагословенныя Божія Матере, о Христѣ братіи нашей превозлюбленной отдати. *Печать вытиснута на красновосковой массѣ, прикрытой бумажною накладкою, съ изображеніемъ св. Троицы. Круговая на ней надпись не совсѣмъ явственна.*

II.

ПОЧАЕВСКАЯ СВЯТО-УСПЕНСКАЯ ЛАВРА [1].

Изъ четырехъ св. лавръ Россіи на западной окраинѣ ея красуется почаевская свято-Успенская. Изъ благочестивыхъ поклонниковъ и поклонницъ, посѣщающихъ святую кіево-печерскую лавру, рѣдкіе не бываютъ и въ лаврѣ почаевской; а кому изъ насъ еще въ дѣтствѣ не приходилось слушать чудесныхъ разсказовъ о святой горѣ почаевской,—кому не приходилось видѣть изображеній святой Богоматери почаевской, и кто съ благоговѣніемъ не вкушалъ святой воды, почерпаемой изъ такъ называемой стопки Богоматери?... Для кіевлянъ почаевская лавра тѣмъ больше должна быть близка къ сердцу, что она имѣетъ много общаго, такъ сказать, родственнаго съ святою кіево-печерскою лаврою. И тамъ и здѣсь святыя обители расположены на величественныхъ обрывистыхъ горахъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ величію святыни; и тамъ и здѣсь издревле звучали созвучныя имена близъ лежащихъ предметовъ—Почайна и Почаевъ; и та и другая обитель имѣютъ своею небесною покровительницею Царицу небесную; и тамъ и здѣсь главныя церкви посвящены памяти Ея дивнаго успенія; и тамъ и здѣсь находятся чудотворныя иконы Божіей Матери, усвоившія и самимъ лаврамъ названіе чудотворныхъ; и гора почаевская и гора кіево-печерская, оглашаемыя неусыпнымъ служеніемъ Богу, съ давнихъ временъ прославлены пещерною

(1) Составлено на основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ сочиненіи: „Описаніе почаевскія Успенскія лавры.“ Почаевъ 1859 года.

жизнію благочестивыхъ иноковъ и пр. Такое наглядное сближеніе двухъ главныхъ южно-русскихъ обителей, безъ сомнѣнія, имѣвшихъ много общаго и въ своей исторической судьбѣ, невольно наводитъ на мысль,— нельзя ли продолжить этого сближенія и дальше: не близки ли онѣ между собою и по своему началу,—не была ли древнѣйшая кіево-печерская лавра-матерь иноческаго житія въ Россіи—основательницею и ближайшей къ ней почаевской лавры? Очень можетъ быть и это. Несомнѣнно, впрочемъ то, что основаніе почаевской лавры восходитъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ,— ко временамъ цвѣтущаго состоянія кіево-печерской лавры, почти къ домонгольскому періоду. Въ грамотахъ королей польскихъ XVIII XVII и XVI вѣковъ эта лавра всегда называлась «монастыремъ древнимъ»,—«съ незапамятныхъ временъ». Въ одной грамотѣ, данной польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ въ 1557 году, на имя владѣльца села Почаева (1) Василія Богдановича Гойскаго, король, подтверждая права его на это село, на основаніи грамоты, данной Сигизмундомъ 1-мъ его отцу въ 1527 году,—указываетъ между прочимъ на то, что уже въ началѣ XVI вѣка, при подошвѣ горы почаевской, была давняя каменная церковь во имя Успенія Божіей Матери, построенная обитавшими въ горѣ монахами, на милостыни собранныя отъ благотворителей,— что сюда издавна къ храмовому дню Успенія Божіей Матери собиралось много народа для полученія благодатныхъ даровъ Божіихъ отъ чудесной стопы Богоматери, и что тутъ издавна въ этотъ день была многолюдная ярмарка, на которой собиралась значительная пошлина отъ торговцевъ. Взявши во вниманіе то, что лѣсная окрестность горы почаевской не скоро могла заселиться до такой степени, чтобы образовать село, въ которомъ могла бы учредиться ярмарка,— что на мѣстѣ давней каменной Успенской церкви, очень вѣроятно, была прежде ветхая деревянная церковь,— мы должны отнести начало почаевской обители едва ли не

(1) Теперь мѣстечка Почаева, расположеннаго съ трехъ сторонъ святой горы почаевской.

къ XIII вѣку. Такое предположеніе подтверждается и давнимъ преданіемъ, записаннымъ въ старинныхъ книгахъ, извѣстныхъ подъ названіями: «Описаніе горы почаевской» и «Новое небо съ новыми звѣздами», сочиненной Іоанникіемъ Галятовскимъ: тутъ, напр., говорится о явленіи Божіей Матери на почаевской горѣ въ виду одного инока почаевской горы и одного жителя села Почаева еще въ 1261 году; а въ одной старинной рукописной книгѣ, извѣстной подъ названіемъ «Памятникъ монастыря Почаевскаго», которой теперь не отыскивается въ лаврѣ, но о которой упоминается въ документахъ лаврскаго архива, положительно говорилось, что почаевская обитель основана была еще въ 1240 году какими то пришельцами — иноками восточнаго исповѣданія. Очень можетъ быть, что эти иноки— пришельцы были подвижники святой кіево-печерской лавры. Извѣстно, что въ 1240 году, татары, опустошившіе Кіевъ, опустошили и святую кіево-печерскую лавру; въ то время иноки ея, избѣгая татарскаго меча и плѣна, спасались бѣгствомъ въ дремучихъ лѣсахъ и въ другихъ безопасныхъ мѣстахъ. Ближайшія же безопасныя мѣста были именно— лѣса волынскіе, въ окрестностяхъ города Кременца, при осадѣ котораго татары потерпѣли неудачу и потомъ принуждены были выступить изъ тѣхъ мѣстъ; да и въ послѣдствіи Волынь, входившая въ составъ галицкаго княжества, защищаемаго храбрыми князьями галицкими, болѣе другихъ мѣстъ, сосѣднихъ Кіеву, была безопасна отъ татарскаго ига. И такъ, безопасность мѣста, величіе горы почаевской, покрытой и окруженной дремучими лѣсами, живо напоминавшей боголюбивымъ инокамъ святую гору кіево-печерскую, удобство въ этой горѣ продолжать пещерную жизнь, какую они вели въ Кіевѣ,— названіе близь лежавшаго селенія Почаева, напоминавшее священную кіевскую рѣку Почайну— Іорданъ русскій и пр.,—все это вмѣстѣ очень легко могло остановить на святой горѣ почаевской благочестивыхъ иноковъ кіево-печерской лавры. Глубокая память и благоговѣніе ихъ къ небеси подобному храму Богоматери во святой кіево-печерской лаврѣ могли быть побужде-

ніемъ къ тому, что они свой храмъ посвятили памяти всечестнаго Успенія Богородицы. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но отвергать въ глубокой давности близкія отношенія знаменитыхъ южно-русскихъ обителей едва ли было бы справедливымъ. Къ сожалѣнію, въ самой почаевской лаврѣ сохранилось весьма мало историческихъ памятниковъ, на основаніи которыхъ можно было бы вполнѣ представить историческую судьбу святой обители. Базиліане, владѣвшіе почаевскою лаврою въ продолженіи почти всего XVIII вѣка и начала XIX, по обыкновенію, постарались истребить всѣ давніе памятники лавры, напоминавшіе объ ея давнемъ православіи.

Подъ управленіемъ могущественныхъ и благочестивыхъ князей галицкихъ, обитель почаевская могла благоденствовать, такъ какъ въ это время и во всей Волыни православная вѣра находила полную свободу и поддержку со стороны благочестивыхъ князей и народа. По давнему преданію, въ это время, около 1261 года, какъ сказано выше, на почаевской горѣ было чудесное явленіе Богоматери, оставившее всегдашній слѣдъ и прославившее святую обитель почаевскую. Вокругъ почаевской горы, на разстояніи трехъ верстъ, вѣроятно, не было, какъ и теперь нѣтъ, годной для питья воды; это обстоятельство не могло не тяготить иноковъ. Царица небесная, покровительница своей новой обители, явила въ этомъ случаѣ свое дивное благоволеніе къ святымъ молитвенникамъ. Однажды одинъ благочестивый инокъ почаевской горы, вышедши изъ пещеры, взошелъ на вершину горы, тутъ онъ увидѣлъ чудное явленіе: Преблагословенная Дѣва въ огненномъ видѣ стояла на одной изъ скалъ горы, предъ нею стоялъ какой то благоговѣйный инокъ. Въ это же самое время видѣлъ такое явленіе и одинъ житель стараго Почаева Іоаннъ Босый, пасшій въ близкомъ разстояніи отъ горы стадо овецъ. Пастухъ немедленно поспѣшилъ къ инокамъ и разсказалъ имъ о видѣнномъ явленіи; но иноки уже сами знали объ этомъ, и передали ему, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла Преблагословенная Дѣва, остался на скалѣ углубленный слѣдъ Ея правой стопы,

и что въ ней стала сочиться чистая и пріятнѣйшая вода. Съ того времени чудная стопа горы почаевской, съ неизсякаемымъ источникомъ воды, стала привлекать сюда поклонниковъ, число которыхъ умножалось тѣмъ больше, что эта вода во многихъ случаяхъ оказывалась цѣлебною. Въ продолженіи XIV, XV и XVI вѣковъ Волынь находилась подъ властію то князей литовскихъ, то королей польскихъ. Католическая пропаганда, дѣйствовавшая въ это время въ юго-западной Руси, касалась ли и горы почаевской, слѣдовъ сего не осталось никакихъ, такъ какъ и вообще о почаевской обители сего времени трудно сказать что нибудь положительное. Извѣстно только, что къ концу XVI вѣка почаевская обитель не отличалась богатствомъ: она владѣла въ это время только пещерами въ горѣ, источникомъ въ стопѣ Божіей Матери и каменною церковью во имя Ея Успенія при подошвѣ горы; земля же вокругъ монастыря принадлежала владѣльцамъ Гойскимъ. Но съ конца XVI вѣка, благодаря усердію поклонниковъ, обитель стала быстро распространяться и благоустрояться. Около этого времени она прославилась, кромѣ цѣльбоносной воды, еще новыми святынями, разумѣемъ чудотворный образъ почаевской Божіей Матери и мощи святаго подвижника почаевскаго, игумена Іова.

Исторія чудотворнаго образа почаевской Божіей Матери такова: въ 1559 году, греческій митрополитъ Неофитъ, путешествовавшій изъ Константинополя въ Русь, проѣздомъ чрезъ волынскую землю останавливался для отдыха въ мѣстечкѣ Орлѣ, въ домѣ владѣтельницы его Анны Гойской (урожденной Козинской), по ея усиленной просьбѣ. Пробывши здѣсь нѣсколько времени, при отъѣздѣ своемъ, въ знакъ благодарности за радушный пріемъ, Неофитъ благословилъ хозяйку дома иконою Божіей матери, привезенною имъ изъ Константинополя. Икона эта была поставлена хозяевами въ приличномъ мѣстѣ, въ ряду другихъ иконъ. Чрезъ нѣсколько времени домашніе Гойской стали замѣчать по временамъ, что икона осіявалась какимъ то необыкновеннымъ свѣтомъ; они извѣщали объ этомъ свою госпожу, но она не вѣрила разсказамъ, пока не убѣдилась въ этомъ.

Въ непродолжительномъ времени госпожа Гойская видѣла, и во снѣ и на яву, тоже самое чудное явленіе, а главное — она сама была свидѣтельницею чудесныхъ благодѣяній, неоднократно совершавшихся надъ тѣми, которые благоговѣйно молились предъ этой иконой. Въ это время въ домѣ Гойской былъ родной братъ ея Филипъ Козинскій, страдавшій отъ рожденія слѣпотою; по совѣту своей сестры онъ сталъ молиться предъ этою иконою и во время молитвы совершенно прозрѣлъ. Послѣ такого очевиднаго чрезвычайнаго чуда, благочестивая Гойская уже считала свой домъ недостойнымъ вмѣщать въ себѣ такое безцѣнное сокровище и разсудила за лучшее передать святую икону въ почаевскую обитель. Въ 1597 году чудотворная икона была перенесена на почаевскую гору, въ древнюю небольшую каменную церковь, при многочисленномъ стеченіи народа, съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, въ которомъ принималъ участіе приглашенный на этотъ случай епископъ съ священниками и иноками. Съ того времени многіе, молившіеся съ вѣрою предъ этимъ образомъ, получали исцѣленія благодатною помощію Царицы небесной (1). Благовѣйные поклонники стали усерднѣе жертвовать какъ на благоукрашеніе чудотворнаго образа Божіей Матери, такъ и на благоустройство почаевской обители. Сама Гойская, владѣтельница почаевской мѣстности, вскорѣ послѣ перенесенія иконы на почаевскую гору, надѣлила почаевскую обитель землями, лѣсомъ и крестьянами, и дала средства завести тутъ типографію. Благодаря ея усердію и заботамъ, почаевская обитель расширялась и устраивалась: число братій увеличилось и мало по малу устроился общежительный монастырь. Къ сожалѣнію, наслѣдники Гойской оказались злѣйшими врагами той обители, которой она такъ много благодѣтель-

(1) Чудеса эти описаны, въ книгѣ: „Гора Почаевская", а о современныхъ намъ чудотвореніяхъ свидѣтельствуютъ многочисленныя привѣски къ этой иконѣ, ежегодно приносимыя богомольцами. Нѣкоторые благочестивые кіевляне на память чудеснаго избавленія, помощію Божіей Матери почаевской, отъ холеры, свирѣпствовавшей въ Кіевѣ въ 1847 и 1848 годахъ, пожертвовали въ почаевскую лавру въ 1848 году икону Божіей Матери съ приличною подписью. Подобныхъ иконъ здѣсь есть нѣсколько.

ствовала. Дворяне Фирлеи — лютеране хотѣли было не только отнять отъ монастыря фундушныя земли завѣщательницы, но и завладѣть самою почаевскою горою: они портили межевыя знаки монастырскихъ земель, сожигали келіи, били монаховъ, прогоняли богомольцевъ, грабили церковное имущество и самую икону взяли было въ свой Козинскій замокъ; впрочемъ такое преслѣдованіе монастыря со стороны Фирлеевъ продолжалось не долго. Когда жена Андрея Фирлея была чудеснымъ образомъ наказана за кощунство надъ православною святынею, чудотворная икона изъ Козинскаго замка опять была возвращена на почаевскую гору, а чрезъ нѣсколько времени, по судебному приговору, монастырь былъ совершенно удовлетворенъ за свои потери. Вскорѣ послѣ того, въ 1649 году, нашлись опять усердные благотворители почаевской обители: это были Ѳеодоръ и Ева Домашевскіе. Они между прочимъ воздвигли надъ стопою Божіей матери большую каменную церковь во имя Пресвятой Тройцы. Послѣ нихъ много находилось вкладчиковъ, на пожертвованія которыхъ въ непродолжительномъ времени было устроено шесть малыхъ деревяныхъ церквей. Въ числѣ благотворителей почаевской лавры XVII вѣка извѣстны—князья Вишневецкіе Михаилъ и Адамъ, — княжна Збаражская, дворяне Малинскіе, Пузины, Сташкевичи, Куликовскіе, Ушковскіе, Долинскіе, Жабокрицкіе, Червинскіе, Ясногородскіе и другіе, которые въ это время еще были вѣрны древнему отеческому православію.

Но въ числѣ благодѣтелей лавры этого времени самое видное мѣсто долженъ занять, бывшій тутъ игуменомъ, преподобный Іовъ, котораго мощи, какъ сказано выше, нетлѣнно почиваютъ въ почаевской обители. Не только во время своей жизни онъ много трудился для лавры, но и по смерти не престаетъ источать благодатныя дарованія поклонникамъ ея, искренно вѣрующимъ въ его святое заступленіе. Преподобный Іовъ родился въ половинѣ XVI вѣка въ землѣ галицкой, отъ православныхъ родителей Желѣзовъ, и при крещеніи названъ былъ Іоанномъ. Еще въ малолѣтствѣ, оставивъ домъ своихъ родителей,

онъ поселился въ Угорницкомъ монастырѣ, гдѣ на 12-мъ году отъ рожденія, за свою строгую жизнь, былъ постриженъ въ монашество и названъ Іовомъ. Достигши совершеннолѣтняго возраста, былъ рукоположенъ во священника и принялъ схиму съ именемъ Іоанна. Святостію своей жизни онъ вскорѣ сталъ извѣстенъ ревнителю православія Константину Острожскому, который вызвалъ его въ свой Дубенскій монастырь для показанія, какъ онъ писалъ, братіи этого монастыря образа иноческихъ подвиговъ. Чтобы избѣжать славы людской, чрезъ 20 лѣтъ игуменства въ этомъ монастырѣ, блаженный Іовъ отсюда ушелъ тайно въ почаевскую гору, гдѣ также былъ игуменомъ, по усердной просьбѣ иноковъ. И здѣсь онъ продолжалъ прежнюю жизнь: ночи проводилъ въ пещерѣ на молитвѣ, а днемъ занимался рукодѣльемъ, садилъ деревья, выкапывалъ сажалки и высѣкалъ пещеры въ скалахъ. И до сихъ поръ остаются на почаевской горѣ памятники его трудовъ: рыбный прудъ и изсѣченная въ скалѣ его руками пещера съ церковью. Особенное благодѣяніе для лавры онъ оказалъ тѣмъ, что защитилъ ее предъ судомъ отъ притѣсненій наслѣдниковъ Гойской. Наконецъ, послѣ столѣтней многотрудной жизни, преподобный Іовъ скончался и былъ погребенъ на почаевской горѣ. Дивныя знаменія на его гробѣ и чудесныя явленія въ скоромъ времени побудили благочестивыхъ почитателей открыть его гробъ; и мощи Іова, почти чрезъ восемъ лѣтъ, были найдены нетлѣнными, не смотря на то, что лежали въ сырой землѣ, и хотя тѣло его при жизни гнило до такой степени, что кусками отпадало отъ костей. Сначала мощи были поставлены въ Троицкой церкви, построенной Домашевскими,—а потомъ перенесены въ высѣченную имъ пещерную церковь, гдѣ и нынѣ благочестно почиваютъ, изливая источники исцѣленій всѣмъ требующимъ.

Въ концѣ XVII вѣка, именно въ 1675 году, почаевская обитель подверглась опасности отъ турковъ, опустошавшихъ Волынь; но чудеснымъ образомъ была защищена, по заступленію Царицы Небесный, безоружными иконами, не смотря на то, что враги дѣлали приступъ къ почаевскому монастырю въ продол-

женіи трехъ сутокъ, и—монастырь въ то время былъ огражденъ деревяными стѣнами, да и всѣ почти его постройки были деревяныя. Но спасшись отъ воинственныхъ турковъ, почаевская обитель, въ началѣ XVIII вѣка пострадала отъ другихъ враговъ: въ 1704 году, во время нашествія шведовъ на Галицію и Волынь, игуменъ почаевскій, Іосифъ Саевичъ, желая спасти монастырскія сокровища отъ грабежа, по совѣту малороссійскаго гетмана Ивана Мазепы, перевезъ ихъ въ Батуринъ; но съ измѣною Мазепы и всѣ сокровища монастырскія тамъ погибли, а между тѣмъ въ слѣдующемъ 1705 году саксонскія войска расхитили все оставшееся въ монастырѣ—хлѣбъ въ зернѣ, рогатый скотъ,—даже и столовую посуду.

Почаевской обители грозила опасность и съ другой стороны. Католическая пропаганда издавна уже подкапывалась подъ православную почаевскую гору: въ XVII вѣкѣ католическіе монахи и ксендзы старались вредить почаевской обители чрезъ ближайшихъ къ почаевской горѣ владѣльцевъ,—благословляли на всевозможныя преслѣдованія почаевской обители графовъ Тарновскихъ, дворянъ Гойницкихъ, Корчиковскихъ, Сагурскихъ, Искръ и другихъ, измѣнившихъ православію; но гора Божія стояла непоколебимо въ православіи до втораго десятилѣтія XVIII вѣка. Наконецъ, около 1713 года, по хитрымъ проискамъ враговъ и по допущенію Божію, гора почаевская очутилась въ рукахъ уніатскихъ монаховъ—базиліанъ. (1) Болѣе столѣтія она оставалась у нихъ, пользуясь однако большимъ уваженіемъ между католиками и особенно уніа-

(1) По свидѣтельству очевидца, записанному въ 1770 г., около 1720 г. игуменъ почаевскаго монастыря Лука Пелеховскій, изгнанный уніатами, прибылъ около 1720 г. въ черкасскій уѣздъ, кіевской губерніи, съ св. утварью, и поселившись близъ м. Смѣлой, подлѣ запустѣлаго Ирдынскаго монастырища, положилъ основаніе нынѣшнему Виноградскому монастырю, въ которомъ, по благословенію переяславскаго епископа Кирилла Шумлянскаго, построилъ церковь во имя Успенія Божіей Матери; но спустя 10 лѣтъ, испугавшись татарскихъ набѣговъ, ушелъ съ братіей и церковнымъ имуществомъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Вѣроятно, это былъ послѣдній православный игуменъ почаевской обители, при которомъ она захвачена уніатами.

Р. е. д.

тами, такъ что послѣдніе ей одной только усвоивали почетное названіе лавры.

Въ продолженіе базиліанскаго періода почаевская лавра не мало потерпѣла даже отъ самыхъ кажущихся улучшеній и преобразованій. Базиліане, какъ вездѣ, такъ и тутъ, руководились правиломъ истреблять и переиначивать все, что только напоминало о православіи: на этомъ основаніи они истребили православный древній архивъ почаевской обители, уничтожили почти всѣ прежнія ея церкви и устроили новыя въ католическомъ вкусѣ и съ другими названіями; едва только сохранены были названія древнихъ церквей Успенской и Троицкой, и то безъ сомнѣнія, потому, что съ ними, по народному преданію, сохранялись извѣстныя воспоминанія и тѣсно были связаны фундаціонныя записи благочестивыхъ вкладчиковъ. Въ этомъ періодѣ особеннымъ благотворителемъ почаевской лавры былъ староста Каневскій, графъ Николай Потоцкій. Сначала онъ велъ жизнь очень разгульную и своевольную; его удовольствіемъ было бить до смерти своихъ крестьянъ и стрѣлять въ евреевъ, какъ въ дичь; но одно чудесное обстоятельство произвело въ немъ совершенную перемѣну. Однажды, говоритъ преданіе, онъ ѣхалъ въ коляскѣ близь почаевской обители; вдругъ испуганныя лошади помчали его экипажъ и опрокинули, не смотря на то, что дорога была ровная. Считая это оплошностію кучера, который тутъ же съ нимъ былъ опрокинутъ, взбѣшенный графъ выхватилъ изъ запояса заряженный пистолетъ и съ словами—«умри злодѣй!» спустилъ курокъ у самой его груди. Кучеръ, въ виду явной смерти, обратившись къ почаевской обители, воскликнулъ: «Матерь Божія, сіяющая чудесами въ почаевской иконѣ, спаси меня!—«и пистолетъ осѣкся. Три раза Потоцкій пытался стрѣлять въ кучера, три раза кучеръ взывалъ къ почаевской заступницѣ, и три раза пистолетъ осѣкался, не смотря на то, что Потоцкій владѣлъ самымъ исправнымъ оружіемъ. Пораженный такимъ явнымъ чудомъ, Потоцій простилъ кучера, велѣлъ ему сейчасъ же ѣхать въ почаевскую лавру,— и тутъ навсегда остался, посвятивши ей свою остальную жизнь.

Обладая огромными средствами и строительными познаніями, онъ обстроилъ монастырь весьма прочно и красиво, хотя и съ ущербомъ православнаго въ этомъ характера. Надъ стопою Божіей Матери онъ построилъ большую каменную церковь во имя Успенія пресвятой Богородицы,—а внизу, при пещерѣ преподобнаго Іова, устроилъ престолъ во имя святой великомученицы Варвары; также построилъ прекрасный помѣстительный братскій корпусъ, въ которомъ отчасти сохранена и древняя Троицкая церковь; внѣ монастыря имъ построена церковъ во имя Рождества пресвятой Богородицы. Къ этимъ великолѣпнымъ постройкамъ Потоцкаго немного капитальнаго прибавлено въ почаевской лаврѣ и въ послѣднее время: въ это время только устроены три придѣльныя церкви въ прежнихъ зданіяхъ и одна въ отдѣльномъ, вновь выстроенномъ, настоятельскомъ корпусѣ.

Время плѣненія почаевской лавры базиліанами продолжалось до 1831 года, наконецъ ихъ время миновало. Принявши дѣятельное участіе въ польскомъ возмущеніи 1831 года, они навлекли на себя справедливый судъ покойнаго государя императора Николая Павловича. По высочайшему повелѣнію, 10 октября 1831 года, почаевская лавра была возвращена въ православное вѣдомство. На память этого освобожденія, въ лаврѣ, въ Успенской церкви, доселѣ еженедѣльно по субботамъ отправляется молебенъ съ акафистомъ Божіей Матери предъ чудотворною Ея иконою. Съ того времени, почаевская лавра по прежнему стала славиться благодатными чудотвореніями, изливающимися отъ чудотворной иконы Божіей Матери, отъ святой воды изъ Ея стопы, и отъ мощей преподобнаго Іова.

Въ числѣ своихъ многочисленныхъ, знатныхъ и незнатныхъ, поклонниковъ чудотворная почаевская лавра неоднократно удостоивалась высочайшихъ посѣщеній. Въ 25-й день сентября 1842 года, ее удостоилъ своимъ посѣщеніемъ блаженной памяти государь императоръ Николай Павловичъ, и отъ своихъ царскихъ щедротъ пожаловалъ сюда богатую парчевую ризницу; а признательная лавра, въ знакъ этого посѣщенія, въ Успенской церкви на хорахъ устроила церковъ во имя святителя Николая.

3-го октября 1859 года, удостоилъ почаевскую лавру своимъ посѣщенiемъ и нынѣ благополучно царствующiй Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, пожаловавъ ей 100 рублей серебромъ. Въ память и этого Высочайшаго посѣщенiя, въ той же большой Успенской церкви на хорахъ, пораллельно съ Николаевскою церковью, устроена подобная же церковь во имя святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго.—Благодаря усердiю благочестивыхъ поклонниковъ и поклонницъ, почаевская лавра теперь находится въ очень благолѣпномъ видѣ, не смотря на то, что, при бѣдности ея домашнихъ средствъ и при значительности штата (1), она не пользуется отъ казны никакимъ окладомъ.

Священникъ П. Троцкiй.

---

1) Служащихъ въ ней теперь считается до 100 человѣкъ.

КОВЕНСКІЕ ПРОТЕСТАНТЫ XVII И XVIII СТОЛѢТІЙ.

(Окончаніе).

1716 годъ составляетъ эпоху въ судьбѣ литовскихъ диссидентовъ: удостовѣрясь, что никакое смиреніе, никакія жалобы и мольбы къ польскимъ королямъ не могутъ спасти ихъ отъ гоненій, они рѣшились искать иноземной защиты. Съ этого времени отношенія диссидентовъ къ католикамъ, которыя до тѣхъ поръ носили характеръ домашнихъ споровъ, или мелкихъ стычекъ, порѣшаемыхъ вышеупомянутыми средствами, принимаютъ характеръ болѣе обширный; гоненія происходятъ теперь не изъ своеволія отдѣльныхъ интригантовъ и фанатиковъ, а на основаніи конституцій государственныхъ сеймовъ, и принявъ на себя так. обр. характеръ государственный, влекутъ за собою вмѣшательство сосѣднихъ державъ и окончательно потрясаютъ политическое устройство Посполитой Рѣчи. Для лучшаго пониманія послѣдующей судьбы протестантовъ, необходимо припомнить себѣ внутреннее состояніе польскаго государства въ XVIII столѣтіи. Въ правленіе Фридриха Августа II (этого «саксонскаго султана») и сына его Фридриха Августа III достигло высшаго развитія все то зло, которое разстраивало прежнюю Польшу: страсти партій, вооруженныя конфедераціи, бурныя пренія (которыя ввели польскій сеймъ въ пословицу), наполняли политическую жизнь этой страны; успѣхи европейской образованности были ей почти совершенно чужды: она упорно оставалась при средневѣковомъ порядкѣ, съ его строгимъ различіемъ сословій и религіозною нетерпимостью, между тѣмъ какъ вся остальная Европа стремилась къ устраненію сословныхъ разграниченій и сліянію въ одно цѣлое разнороднаго состава общества. Высшее духовенство пользовалось преимуществами магнатства и дружбою іезуитовъ, а низшее, будучи слугами іезуитовъ, по невѣжеству и суевѣрію не отличалось отъ безправной массы крѣпостныхъ (которые составляли девять десятыхъ всего народонаселенія). Шлях-

та хвасталась равенствомъ между собою, но это равенство существовало только на словахъ, потому что каждый богатый магнатъ имѣлъ при себѣ многочисленную челядь изъ простыхъ и бѣдныхъ шляхтичей и распоряжался ихъ голосами на сеймахъ; подкупность сдѣлалась при этомъ такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, что она перестала слыть позорною. Отъ европейской гражданственности, которая во всѣхъ другихъ странахъ дѣлала огромные успѣхи, Польша заимствовала одинъ внѣшній лоскъ, тщеславіе и надменность; нравы по большей части сохраняли прежнюю грубость: драки и насилія были весьма обыкновенны, а судебная расправа слишкомъ слаба, такъ какъ на обиды отъ сильнаго негдѣ было искать удовлетворенія. Кулачное право очень нравилось магнатамъ: соперничая съ своими недругами, они увлекали въ эту вражду свою шляхетскую челядь и безнаказанно нарушали общественное спокойствіе. Преданные совершенно чувственнымъ удовольствіямъ, рѣдкіе изъ нихъ могли блеснуть постоянствомъ характера, безкорыстной честностью и истиннымъ патріотизмомъ: да и какъ было возникнуть этимъ качествамъ при томъ уродливомъ воспитаніи, какое они подъ плетьми получали въ іезуитскихъ коллегіяхъ! Въ цѣлой Европѣ уже давно чувствовалось стремленіе къ религіозному просвѣщенію и къ устраненію гражданскаго неравенства вѣроисповѣданій, а въ Польшѣ, ко множеству другихъ золъ, присоединилось еще самое свирѣпое преслѣдованіе иновѣрцевъ. Всѣ привиллегіи диссидентовъ, которые, какъ мы видѣли, де facto давно уже не существовали, были при Августѣ II отняты у нихъ де jure и въ политическомъ и въ религіозномъ отношеніи: постановленіемъ чрезвычайнаго сейма (1717 г.) построеніе православныхъ церквей было имъ запрещено, а король не отваживался сдѣлать ни одного шага въ пользу протестантовъ, боясь навлечь себѣ упрекъ въ тайномъ сочувствіи къ лютеранской вѣрѣ (которую онъ исповѣдывалъ до вступленія на польскій престолъ); постановленіемъ сейма 1733 г. диссиденты (въ томъ числѣ и православные) были устранены отъ народнаго представительства и отъ всѣхъ

государственныхъ должностей. Судьба Польши была совершенно похожа на положеніе фанатической Испаніи. Только Испанія, благодаря своему уединенному положенію въ самомъ концѣ Европы, спаслась отъ вмѣшательства иноземныхъ державъ, а Польша, окруженная сильными сосѣдями, по-неволѣ должна была возбудить ихъ вниманіе; и когда диссиденты обратили свои мольбы къ Россіи и Пруссіи, эти государства, и изъ сочувствія къ притѣсненнымъ, и изъ политическихъ видовъ, воспользовались своимъ превосходствомъ надъ разстроенною Польшею. Протестанты, почуявъ, что поляки приготовляются уничтожить самую тѣнь ихъ привиллегій, рѣшились принять серьезныя мѣры къ самосохраненію, такъ какъ (по выраженію ихъ) «ухищренія дьявола» (die Machinamenta des Teifels) дѣлаются все сильнѣе, и «сатана, разрушитель мира и единодушія, сталъ экстраординарно свирѣпствовать въ послѣднее время.»

Въ 1716 г. ковенскіе лютеране получили отъ виленскихъ своихъ собратовъ извѣщеніе, что въ трактатахъ р. католической конфедераціи находятся въ высшей степени вредныя для нихъ пункты, которыми уничтожаются всѣ ихъ старыя права, свобода и обычаи; поэтому предлагается послать на предстоящій государственный сеймъ отъ всѣхъ находящихся въ Литвѣ лютеранскихъ и реформатскихъ общинъ нѣсколькихъ депутатовъ, чтобъ хлопотать о соблюденіи права liberi exercitii religionis; выборныхъ этихъ необходимо снабдить значительными суммами для ихъ содержанія, но «преимущественно для того, чтобъ нѣкоторыхъ господъ коммиссаровъ конфедераціи склонить на нашу сторону, что безъ денегъ совершенно невозможно», съ этою цѣлью (такъ какъ виленская касса слишкомъ скудна деньгами)—просить прихожанъ сдѣлать поскорѣе складчину. Ковенская община изъявила искреннее сочувствіе этому распоряженію, и послала въ Вильну незначительную сумму (100 талеровъ) для подкупа ревнителей р. католицизма. Надежда протестантовъ однакожь не осуществилась: въ декабрѣ 1716 г. виленскіе лютеране объявляютъ ковенскимъ, что посылать де-

путатовъ поздо, такъ какъ сеймъ уже собрался, а потому остается единственное средство: «искать убѣжища у его величества короля прусскаго, какъ покровителя и вѣрнаго заступника Corporis Evangelici, а также и у другихъ державъ, въ особенности у его царскаго величества, отъ котораго у насъ уполномоченнымъ и посредникомъ князь Долгоруковъ; и просить ихъ, на основаніи Богомъ данной имъ власти, всемилостивѣйше заступиться за всѣхъ угнетаемыхъ въ этой странѣ диссидентовъ, и настоять, чтобъ соблюдаемы были старыя наши вольности, клятвенно утверждаемыя за нами всѣми королями». Съ этою цѣлью были ко всѣмъ сосѣднимъ дворамъ разосланы депутаты, «русскіе также горячо приняли къ сердцу наши религіозныя дѣла, и двое изъ ихъ духовныхъ уже прибыли съ инструкціями изъ С.-Петербурга въ Гродно на находящійся тамъ сеймъ» (1718 г.). Былъ отправленъ посолъ и въ Пруссію, составляли коллекты изъ добровольныхъ приношеній «(потому что въ это время съ пустыми руками ничего нельзя предпринять)» и стали собираться на синоды или соборы для совѣщанія о дѣлахъ своей церкви. Между всѣми диссидентами проявилась необыкновенная дѣятельность. Но вскорѣ пришло отъ старшинъ кенигсбергскаго магистрата письмо, въ которомъ совѣтуется лютеранамъ не слишкомъ горячиться и дѣйствовать поосторожнѣе; тутъ говорится, что «собирать синоды безъ разрѣшенія правительства, во всѣхъ странахъ, а особенно въ Королевствѣ Польскомъ, гдѣ слишкомъ господствуетъ папская религія, дѣло въ высшей степени опасное» и можетъ повлечь за собою болѣе вреда, чѣмъ пользы, «тѣмъ болѣе, что папскіе епископы, какъ конечно слѣдуетъ полагать, будутъ держать ухо востро и выставлять эти съѣзды не какъ управленіе дѣлами евангеликовъ, а какъ новую дерзновенную попытку», поэтому лучше дѣйствовать скрытнѣе, вести переговоры письменно, что тѣмъ легче, такъ какъ каждая община имѣетъ уже своихъ выборныхъ директоровъ и сеніоровъ; должно неусыпно слѣдить за всѣми распоряженіями сеймовъ, искать протекціи у вельможъ и по-

чаще дѣйствовать жалобами и слезами, «которыя суть оружія церкви» (quae arma Ecclesiae sunt), а что всего важнѣе: дѣйствовать единодушно и избѣгать религіозныхъ споровъ и диспутовъ съ реформатами, чтобъ тѣмъ отнять у противниковъ случай пользоваться политикою «divide et impera». Этими совѣтами ограничилось (сколько видно изъ актовъ) вмѣшательство прусскаго правительства въ дѣло диссидентовъ: прусская политика очевидно была менѣе настойчива, чѣмъ русская, и думала удовлатворить угнетенныхъ добродушными обѣщаніями. Въ 1726 г. король польскій снова подтвердилъ за протестантами ихъ прежнія права, но это не принесло имъ никакой пользы, также какъ и Умиротворительный сеймъ (Pacifications-Reichstag) 1735 г., собранный вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Августа III: протестанты оставались въ прежнемъ несчастномъ положеніи, которое было тѣмъ несноснѣе, что въ Вильнѣ свирѣпствовалъ въ 1737 г. сильный пожаръ, истребившій почти цѣлый городъ, а вмѣстѣ и всѣ церковныя и частныя зданія лютеранъ, такъ что они для дальнѣйшаго существованія вынуждены были просить милостыни у своихъ единовѣрцевъ. Письмо отъ Совѣта 30-ти, описывающее это событіе, замѣчательно также по своему схоластическому краснорѣчію, тутъ напр. говорится: «Какъ въ свое время языческій Анхизъ горько оплакивалъ разореніе города Трои, и какъ нѣкогда пророкъ Іеремія въ своихъ жалобныхъ пѣсняхъ возноситъ плачь и стенанія по опустошенномъ Іерусалимѣ, такъ и въ Вильнѣ, столицѣ великаго герцогства литовскаго, собравшаяся бѣдная толпа евангелическихъ лютеранъ имѣетъ причину проливать самыя кровавыя слезы» и т. д. (слѣдуютъ тексты изъ Іереміи); а р. католики и этимъ несчастіемъ воспользовались, чтобъ запретить протестантамъ отстраивать развалины ихъ церквей. Положеніе ковенскихъ протестантовъ становилось съ каждымъ годомъ несноснѣе: въ 1763 году, въ день магистратскихъ выборовъ, лютеране явились въ ратушу съ требованіемъ, чтобъ сообразно ихъ привиллегіямъ половина магистратскихъ членовъ была избрана изъ ихъ среды; едва

старшина ихъ Лиціусъ (которому когда-то прежде удалось быть бургомистромъ) высказался объ этомъ предметѣ, какъ чиновники римско-католической вѣры обступили его, а войтъ Глембоцкій кричалъ, чтобъ выбросить его за окно, или тащить внизъ по лѣстницѣ, и при этомъ «угасить его жизнь», послѣ чего его насильно потащили, и «если бъ Богъ не спасъ, то произошелъ бы крыминалъ», тутъ-же явился ксендзъ-плебанъ ковенскій и упросилъ войта пріостановить суматоху, но тотъ все еще свирѣпѣлъ и кричалъ, что «ужь на будущее время Лютеръ не будетъ болѣе управлять»; при этомъ потерпѣли и многіе другіе протестантскіе старшины, которые силились вломиться въ дверь для спасенія Лиціуса: всѣ они были избиты и возвратились изъ свалки съ окровавленными руками. Изъ процесса, произшедшаго вслѣдствіе этого поступка, оказалось, что войтъ (онъ разумѣется остался безъ всякаго наказанія) хотѣлъ замѣстить магистратскія должности своими приверженцами, и для того самовольно избралъ въ бургомистры «особъ такихъ, которые ни читать, ни писать не умѣютъ, ко вреду цѣлаго города, такъ какъ отъ удачнаго выбора этихъ особъ весьма много зависитъ», и эти люди, бывшіе вполнѣ его креатурами, обѣщали давать ему взятки, «собирая деньги съ хлоповъ.» При этомъ войтъ выразилъ непримиримую ненависть къ нѣмцамъ, желая отнять у нихъ право голоса, и уговаривалъ р. католическое духовенство дѣлать имъ всевозможныя непріятности; а протестантамъ объявили, что если они желаютъ видѣть признанными свои привиллегіи, то пусть представятъ оригиналы ихъ въ магистратъ, «гдѣ они должны постоянно храниться.» Лютеране, замѣтивъ, что войту хочется завладѣть этими важными манускриптами, отказали; за то старшину ихъ «какъ ослушника и утаивателя документовъ» взяли подъ арестъ и посадили въ башню. Нарушая даже самую форму судебной справедливости, диссидентовъ обложили тяжкими поборами на разныя издержки, которыя должны быть покрыты изъ общей городской кассы, «а если они захотятъ противиться», говорилъ войтъ, то я такъ имъ задамъ,

что парики полетятъ съ головы» (1764 г.). Тотъ же войтъ въ союзѣ съ нѣкоторыми ксендзами устроилъ нападенiе на похоронное шествiе лютеранъ, при чемъ жестоко былъ обиженъ ихъ пасторъ, почтенный 70 лѣтнiй старикъ. Протестанты занесли въ Вильну жалобу и на ксендзовъ, и на войта (который высказывалъ свой патрiотизмъ тѣмъ, что постоянно твердилъ: «первый руки свои умою въ крови нѣмцевъ)», но канцлеръ велик. княжества литовскаго ограничился, по обыкновенiю, только выговоромъ войту и вѣжливымъ совѣтомъ быть справедливѣе. Подробности этого нападенiя описаны въ церковной книгѣ (въ похоронномъ спискѣ) самимъ пасторомъ слѣдующими словами: «1765 г., апрѣля 20 дня въ субботу хоронили крестьянина Iогана Вольца. При этомъ погребенiи случился слѣдующiй необыкновенный казусъ: когда мы, провожая покойника (безъ пѣнiя и избѣгая близости костеловъ) хотѣли повернуть изъ заулка на Длинную улицу, то изъ плебанiи выбежалъ съ сильнымъ крикомъ ксендзъ-коммендарiй, напалъ на меня съ страшными ругательствами и кричалъ, чтобъ принесли плети, которыя дѣйствительно сейчасъ-же явились. Гробъ былъ поставленъ среди улицы и сопровождавшiе хотѣли меня защищать и спасти. Но я просилъ своихъ, ради Бога воздержаться и никого не трогать. Потомъ коммендарiй разсвирѣпѣлъ еще болѣе, нѣсколько дюжихъ мущинъ бросились повалить меня и бить плетьми. Богъ защитилъ меня однако и даровалъ мнѣ притомъ большое хладнокровiе. Самъ ксендзъ-плебанъ Фронцкевичь взлѣзъ въ своемъ дворѣ на заборъ и сверху ударилъ палкою по головѣ нашего звонаря, стоявшаго за мною, а потомъ меня нѣсколько разъ по головѣ и плечамъ и велѣлъ тащить меня въ плебанiю. Дѣло это, какъ показываютъ всѣ обстоятельства, было устроено городскимъ войтомъ Глембоцкимъ, который въ то время пьянствовалъ тамъ, и хотѣлъ произвести кровопролитiе, которое легко могло и произойти, если бы хотя одинъ изъ нашихъ нанесъ противникамъ ударъ: потому что плотники и мастеровые войта, которые работали на супротивъ, сбѣжались по его прика-

занію съ топорами, заступами и дубинами; они повлекли меня, и занесли топоры надъ господиномъ бургомистромъ Лиціусомъ, хотѣвшимъ еще выручить меня, но слава Богу, онъ избѣгъ смерти. Меня втащили въ плебанію. Ворота и двери были сейчасъ-же заперты, чтобъ никто изъ нашихъ не могъ за мною послѣдовать. Тутъ очутился я какъ овца между волками и вспомнилъ слова изъ 22 псалма: псы обступили меня и пр. Плебанъ ужасно свирѣпствовалъ и ругалъ меня, потомъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, какъ я осмѣливаюсь носить такого рода воротникъ и, не дождавшись отвѣта, обѣими руками сорвалъ у меня съ шеи воротникъ, изорвалъ его въ клочки и бросилъ на-земь. Потомъ поднялъ руки, чтобъ бить меня въ лицо и вырвать послѣдніе сѣдые волосы; но тутъ вломились нѣкоторые изъ нашихъ старшинъ и упрекали его въ такомъ поступкѣ; онъ однакожь объявилъ, что онъ правъ и приказалъ мнѣ выйти. Потомъ я безбоязненно продолжалъ шествовать за гробомъ, пропѣлъ съ нашими учениками (такъ какъ г. канторъ куда-то скрылся) нѣсколько пѣсень и тѣмъ окончилъ обычныя погребальныя церемоніи. Даруй Господи мнѣ терпѣніе, а врагамъ моимъ прощеніе.» Въ похоронномъ спискѣ и лютеранскихъ церковныхъ книгахъ упоминается еще слѣдующее необыкновенное происшествіе, напоминающее средневѣковое уголовное судопроизводство: «1749 года по Рождествѣ Христовѣ. Съ нами Богъ!—20-го марта былъ здѣсь на Лобномъ мѣстѣ одинъ охотникъ по имени Михаилъ Тепферъ, сынъ содержателя гостинницы близь Фридланда въ Пруссіи, публично обезглавленъ и потомъ сожженъ на кострѣ. Его преступленіе состояло въ слѣдующемъ: онъ укралъ у управляющаго чецевскимъ имѣніемъ, во время его отсутствія, 50 талеровъ, потомъ поджегъ усадьбу, чтобъ подозрѣніе въ кражѣ не пало на него; во время пожара ужаснымъ образомъ погибла пятилѣтняя дочь управляющаго. При допросѣ упомянутый охотникъ сознался также въ томъ, что будучи 12 лѣтъ отъ-роду, онъ былъ другимъ охотникомъ, по имени Христофомъ Нортомъ, соблазненъ къ тому, чтобъ

отказаться отъ Тріединаго Бога и предать душу свою сатанѣ, чтобъ только хорошо и счастливо стрѣлять и пр. Этого несчастнаго человѣка Богъ по великому Своему милосердію обратилъ къ истинному раскаянію въ его грѣхахъ, такъ что онъ встрѣтилъ смерть съ увѣренностью въ прощеніи, и спокойно перенесъ возложенное ему наказаніе. Господа Іезуиты, а также ихъ студенты, пытались уговорить его перейти въ ихъ религію, обѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ освободить его.., но онъ съ твердостью отказалъ имъ, и рѣшился перенести вожложенную ему по приговору кару, въ надеждѣ, что Іисусъ умилосердится и надъ нимъ. Я публично при стеченіи всего евангелическаго общества сопровождалъ его къ мѣсту казни, пропѣлъ надъ нимъ нѣсколько молитвъ, послѣ чего ему отрубили голову и сожгли. Слава Богу, что Онъ умилосердился надъ этимъ тяжкимъ грѣшникомъ. Слава Господу и за то, что экзекуція совершилась безъ помѣхи со стороны нашихъ противниковъ. Аминь!»

Тѣмъ временемъ на польскій престолъ вступилъ въ 1764 г. Станиславъ Августъ. Хотя онъ отличался безхарактерностью и нерѣшительностью, но все-таки сознавалъ, что польское государство было «гнилымъ зданіемъ», которое держалось только раздорами и соперничествомъ сосѣднихъ державъ, а отнюдь не собственною силой. Чтобъ исцѣлить ту нравственную порчу, которая была плодомъ іезуитскаго вліянія, онъ сталъ заводить новыя училища, независимыя отъ іезуитовъ. Послѣдніе почувствовали, что—чего—добраго—имъ скоро придется отказаться отъ своего владычества въ Польшѣ и Литвѣ, какъ это незадолго предъ тѣмъ уже случилось съ ними во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ. Они еще разъ (къ счастію, послѣдній) попробовали пустить въ дѣйствіе свои пружины и возбудить фанатизмъ. Протестанты ковенскіе жалуются въ 1766 г., что р. католики закрыли ихъ единственную школу, находящуюся при церкви, гдѣ канторъ обучалъ лютеранскихъ дѣтей первоначальнымъ предметамъ, да и за границу запретили посылать, такъ

что нѣмецкая молодежь должна была остаться совершенно безграмотною. Диссиденты снова обратились къ сосѣднимъ дворамъ съ мольбами о ходатайствѣ. Прошеніе ихъ, поддерживаемое многими европейскими государствами, преимущественно Россіею и Пруссіею, и одобренное Станиславомъ-Августомъ, было отвергнуто на сеймѣ р. католическимъ дворянствомъ по проискамъ духовенства. Тогда диссиденты, въ союзѣ со множествомъ другихъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ дѣлъ въ Польшѣ, составили радомскую конфедерацію (въ 1767 г.), чтобы подъ защитою русскаго уполномоченнаго,—князя Репнина, имѣвшаго большую силу въ Варшавѣ, и призваннаго имъ русскаго войска настоять силою на своихъ требованіяхъ. Сеймовые депутаты, встревоженные тѣмъ, что Репнинъ арестовалъ ревностнѣйшихъ противниковъ терпимости, и что русскія войска вступили въ Польшу, подписали предъ портретомъ императрицы Екатерины II «Актъ Терпимости», принятый съ большимъ восторгомъ во всей Европѣ. Теперь наступила рѣшительная минута для всѣхъ защитниковъ прежняго порядка,—для фанатиковъ и іезуитовъ: имъ оставалось или распрощаться навсегда съ своимъ бывшимъ могуществомъ, или защищать его жестокою борьбою съ диссидентами и королемъ. Они рѣшились на послѣднее, и довели государство до кризиса. Тогда то составилась въ 1768 г. знаменитая барская конфедерація, разославшая своихъ агентовъ по всей Польшѣ и Литвѣ для возбужденія шляхты на защиту р. католицизма. Въ разбираемомъ нами архивѣ находится и прокламація барскихъ конфедератовъ, изданная въ Вилкомірѣ. На первый взглядъ можетъ показаться, что приведенные въ ней факты можетъ-быть справедливы, но всякій, сколько-нибудь знакомый съ тогдашнимъ внутреннимъ состояніемъ Польши, или прочитавшій хоть нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ фактовъ (изложенныхъ словами самихъ документовъ), легко удостовѣрится, что фразы конфедератовъ, дышащія фанатическою нетерпимостью, суть гнусная ложь на положеніе диссидентовъ и извращенныя извѣстія о распоряженіяхъ Репнина.

Барская конфедерація разлила по всему государству мятежъ противъ короля и гоненіе на диссидентовъ. Конецъ ея извѣстенъ: первый раздѣлъ Польши былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ мнимо-патріотическаго возстанія. Но и послѣ этого тяжкаго урока фанатическая шляхта и іезуиты не опомнились. Ковенскіе протестанты жалуются королю (въ 1776 и 1777 гг.), что войтъ по прежнему не допускаетъ лютеранъ къ занятію общественныхъ должностей, что велитъ возбуждать противъ нихъ р. католиковъ разными скверными сочиненіями и пасквильными обвиненіями, что лютеранскую церковь и принадлежащій ей домъ (по привиллегіямъ свободный отъ всякихъ повинностей) отдалъ на постой польскимъ офицерамъ. Сумятица была тѣмъ бѣдственнѣе, что въ это время не было единодушія между лютеранами и кальвинистами (они составляли отдѣльные синоды въ Литвѣ и Самогитіи). Когда протестанты представили въ Вильну жалобу о притѣсненіяхъ, то великій канцлеръ литовскій, князь Сапѣга, посовѣтовалъ имъ «помириться съ католиками!» (1776). Эта ѣдкая насмѣшка надъ положеніемъ литовскихъ диссидентовъ заставила ихъ снова молить сосѣднія государства о защитѣ; и бѣдствія протестантовъ не прекращались до тѣхъ поръ, пока окончательно не была уничтожена самостоятельность польскаго государства.

Заключаемъ этимъ разборъ актовъ ковенскаго лютеранскаго архива. Мы не нашли между ними ни одного факта, который бы указывалъ на какое-нибудь преступленіе, со стороны протестантовъ, и могъ бы послужить причиною тѣмъ безпрестаннымъ преслѣдованіямъ, которымъ они подвергались въ весь періодъ своего существованія въ польско-литовскомъ государствѣ. Характеристическія подробности этихъ памятниковъ даютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о бѣдствіяхъ диссидентовъ православнаго исповѣданія въ этой странѣ, потому что они въ одинакой мѣрѣ (если не въ большей) съ протестантами подвергались нарушенію своихъ правъ и самымъ возмутительнымъ гоненіямъ: цѣлыхъ два столѣтія іезуиты, съ свойственными имъ

ухищреніями трудились надъ тѣмъ, чтобъ распространить обскурантизмъ, чтобъ удержать страну, сдѣлавшуюся ихъ гнѣздомъ, сколь можно долѣе при средневѣковомъ порядкѣ съ сословною раздѣльностью и свойственнымъ однимъ испанцамъ, религіознымъ фанатизмомъ противъ всего того, что не носитъ на себѣ печати католицизма. Но фанатизмъ и нетерпимость, развиваемыя въ теченіе столѣтій, конечно должны были укорениться такъ глубоко, что зло это можетъ быть исцѣлено только вѣками... Эти-то вѣковыя гоненія и коварства отчасти объясняютъ намъ, почему лютеране и православные питаютъ въ настоящее время такое недовѣріе къ польскимъ католикамъ, и почему всѣ золотыя грамоты и другія приманки шляхты не могли возбудить сочувствія въ православномъ народѣ западнорусскаго края.

Н. Великановъ.

Слуцкій свято-Троицкій монастырь.

Во времена насильственнаго введенія уніи во всей Западной Россіи, г. Слуцкъ, минской губерніи, съ прилегающею къ нему мѣстностью, представлялъ утѣшительное зрѣлище небольшаго уголка земли, твердо стоящаго въ неравной религіозной борьбѣ и сохранившаго нерушимо первоначальное восточное богослуженіе, такъ что и нынѣ въ Слуцкѣ находится: соборъ, 5 приходскихъ церквей, 1 кладбищенская и свято-Троицкій, первоклассный монастырь.

Если унія не овладѣла Слуцкомъ, то заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ единственно св.-Троицкому монастырю, который стоялъ какъ бы на стражѣ православія въ теченіи двухъ столѣтій и, выдержавъ до конца всѣ козни и насилія польско-латинской пропаганды, давалъ долгое время пріютъ всему духовному управленію минской епархіи, такъ что и нынѣ минскіе архіепископы именуются священно-архимандритами сего монастыря; поэтому считаемъ не лишнимъ бросить взглядъ на настоящее его значеніе и на его прошлое, на сколько можно было судить о немъ по извлеченіямъ изъ архивовъ, какъ самаго монастыря, такъ и сосѣдняго несвижскаго замка.

Св.-Троицкій монастырь стоитъ въ предмѣстьи г. Слуцка, на высокомъ берегу рѣки Случи. Основаніе его теряется въ глубокой древности; но особенными его благотворителями считаются православные князья слуцкіе Олельковичи и въ позднѣйшія времена Радзивиллы. Каменная монастырская церковь, неизвѣстно кѣмъ и когда построенная, была разрушена до основанія въ XVII столѣтіи, во время польскихъ смутъ; но въ 1789 году возобновлена въ настоящемъ ея видѣ. Всѣ же прочія монастырскія зданія были древянныя.

Еще въ 1659 г. кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ, съ разрѣшенія князя Радзивилла, учредилъ при монастырѣ духовную консисторію, а съ 1792 г. по 1840 годъ при немъ на-

ходилась и минская духовная семинарія, а нынѣ осталось духовное уѣздное училище для своекоштныхъ учениковъ.

Въ монастырѣ этомъ сохранились многія достопримѣчательности, между которыми нѣкоторыя обращаютъ на себя особенное вниманіе; такъ напр. въ церкви находятся: древнее евангеліе, собственноручно писанное княземъ слуцкимъ Юріемъ Олельковичемъ и имъ же пожертвованное въ 1582 году, какъ видно изъ надписи, сдѣланной на немъ литыми серебряными буквами, и серебрянная съ финифтивыми изображеніями чаша, имъ же пожертвованная монастырю. Въ настоятельскихъ покояхъ красуются портреты 4-хъ православныхъ слуцкихъ князей изъ рода Олельковичей, княжившихъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, и хранится любопытный сунодикъ, въ коемъ записаны имена митрополитовъ кіевскихъ, отъ Михаила (998 г.) до Самуила (1796 г.), и имена многихъ великихъ князей и княженъ русскихъ, между прочими Андрея Можайскаго; туда же занесены до 80 знатныхъ православныхъ родовъ; изъ нихъ большая часть, принявъ впослѣдствіи латинство, сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ поляками и злѣйшими гонителями всего русскаго и православнаго въ здѣшней странѣ.

Въ склепѣ подъ церковью погребено тѣло Маріи, супруги князя Януша Радзивилла, урожденной Могилы, дочери молдавскаго господаря и племянницы кіевскаго митрополита Петра Могилы; тамъ же въ склепѣ другой гробъ православнаго князя отрока, по мѣстному преданію сына той же княгини Маріи, Радзивиллъ, отравленнаго по проискамъ іезуитовъ.

Въ самой же церкви покоятся нетлѣнныя мощи св. мученика младенца Гавріила, пострадавшаго отъ евреевъ въ 1690 году, почивающія въ правомъ придѣлѣ церкви; тамъ же въ свинцовой ракѣ покоится тѣло св. Софіи, послѣдней владѣтельной княжны слуцкой изъ рода Олельковичей, со слѣдующею надписью:

«Лѣта 1617 марта 19 преставися благовѣрная Софія, княжна Слуцкая Олельковна Юрьевичевна, Ольгердово племя, и

положена бысть въ Слуцку въ монастырю святое, живоначальное Тройцы.»

Жители минской губерніи, безъ различія исповѣданія, чтятъ память этой послѣдней отрасли православныхъ слуцкихъ князей, княгини Софіи, которая при жизни была покровительницею простаго угнетеннаго народа и защитницею гонимаго православія. Ежегодно къ 17 сентября отовсюду стекается въ слуцкій монастырь православный людъ, служитъ панихиды по почившей и приноситъ посильную лепту на украшеніе древняго своего святилища. Но, какъ видно, не одни мѣстные жители умѣли цѣнить значеніе этой древней святыни и слава о ней была распространена далеко за предѣлы минской губерніи, какъ въ 1849 году знаменитая ревнительница православія графиня Орлова-Чесменская записала св.-Троицкому монастырю 5,000 руб. сер.

Въ настоящее время трудами игумена и братіи воздвигаются новыя каменныя кельи съ теплою церковью и принимаются мѣры къ поддержанію изъ доброхотныхъ пожертвованій въ достойномъ видѣ этой древней обители, служившей въ теченіи двухъ вѣковъ оплотомъ православія въ здѣшнемъ краѣ и сохранившей столько предметовъ и воспоминаній дорогихъ для каждаго русскаго сердца.

10-го марта 1865 г.

„СВЯТАЯ ЖМУДЬ“ [1].

Нѣсколько времени удалось мнѣ провести на Жмуди, и вотъ результатъ вынесенныхъ изъ нея мною наблюденій.

Жмудскій народъ достоинъ изученія во всѣхъ отношеніяхъ. Серьезное его изслѣдованіе во многомъ помогло бы нашему русскому дѣлу въ краѣ. Мы наглядно убѣдились бы что главный нашъ противникъ, врагъ русскаго дѣла есть латинство, или точнѣе представители польской доктрины ксендзы. Они крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ жмудскій народъ, фанатизируя его весьма удобною для этой цѣли внѣшностію папизма, одуряющею умъ; образованіе допускаютъ лишь на столько, чтобы жмудинъ могъ прочитать и пропѣть *кантычку*, (2) а не въ видахъ просвѣщенія темнаго народа. Жмуди ксендзъ—все. Народъ питаетъ къ ксендзу, не просто уваженіе, но суевѣрный страхъ. «Каждому ксендзу, съ великою охотою и радостію, каждый жмудинъ всегда окажетъ гостепріимство и всякую выгоду, но кому либо другому, особенно незнакомому, тотъ же жмудинъ рѣдко захочетъ даже дорогу указать» (3). И какъ не бояться этого человѣка, когда онъ грозитъ адомъ, держитъ въ рукахъ своихъ ключи рая и пекла, чему частая исповѣдь служитъ нагляднымъ доказательствомъ. Жмудинъ, въ слѣдственныхъ коммиссіяхъ показывающій на ксендза, что онъ пѣлъ, наприм., революціонные гимны, говорилъ возмутительныя проповѣди, тотчасъ же начинаетъ отнѣкиваться, труситъ, блѣднѣетъ, лишь только входитъ для очной ставки ксендзъ. А ксендзъ имѣетъ еще дерзость тутъ-же грозить всевѣдущимъ Богомъ, карающимъ за поношеніе служителей своихъ ксендзовъ. Жмудинка-прихожанка охотно рѣшается на сожитель-

---

(1) Такъ называютъ жмудины свою область.

(2) Сборникъ священныхъ пѣсенъ.

(3) Цитовано въ изданіи Pismo Zbiorowe Wileńskie на 59 г. въ ст. Ярошевича, стр. 101, ч. I, пр. 3—изъ Хорографіи Жмуди кс. Кантія Балинскаго, помѣщ. въ Athenaeum г. 1845, т. IV.

ство съ ксендзомъ, потому что онъ — не обыкновенный человѣкъ, но служитель Божій; слѣдов. сожительство съ нимъ — не грѣхъ, а подвигъ, совершаемый для спасенія души: ксендзъ грѣшитъ, ксендзъ же и разрѣшаетъ грѣхъ — говоритъ, въ успокоеніе своей совѣсти, жмудинка. Сожительство съ нимъ, по ея понятію, предметъ не позора, но похвалы. Во всякомъ случаѣ, кажется, должно признать, что возможность всегда видѣть въ особенно большомъ числѣ лицъ духовныхъ не очень препятствуетъ огрубѣнію нравственнаго чувства, я слышалъ, что напримѣръ, въ Ворняхъ, бывшей столицѣ ксендзовства, — самое большее (относительно къ другимъ приходамъ) число незаконно-рожденныхъ дѣтей (1). Такимъ образомъ физическая природа прихожанъ и прихожанокъ — въ обладаніи ксендза: онъ заставляетъ ихъ на себя работать безъ прекословія; онъ же весьма легко склонялъ жмудина къ мятежу, уводилъ въ лѣсъ. Мацкевичъ, имѣвшій, говорятъ, найбольшую шайку, найдолѣе державшійся, — въ самое безнадежное для мятежа время, привлекавшій къ себѣ жмудиновъ, не смотря на то, что вѣшалъ своихъ повстанцевъ, — наглядный примѣръ вліянія ксендза на жмудина. Все міросозерцаніе жмудина располагается по указаніямъ ксендза. Жмудинъ повѣрилъ ксендзу, что чрезъ новые буквари правительство хочетъ совершенно искоренить жмудскій языкъ, а нѣкоторыми мѣрами противъ ксендзовскаго фанатизма подорвать римско-католическую вѣру у жмудяковъ. Впрочемъ ксендзъ на столько имѣетъ вѣры у прихожанъ, что самая вѣра держится по его рекомендаціи. Одинъ ксендзъ, (мнѣ говорили его имя), давалъ, сказывали, обѣщаніе ковенскому губернатору чрезъ годъ, по полученіи прихода, обратиться въ православіе со всѣми прихожанами.

(1) Лицо, имѣвшее въ своихъ рукахъ статистическія объ этомъ свѣдѣнія, говорило, что пропорція незаконнорожденныхъ дѣтей по приходамъ, одинаковой и населенности съ ворненскомъ, относится къ нему 2: 50, — т. е. въ ворн. прих. въ 25 разъ болѣе дѣтей незаконнорожд., не смотря на то, что половина мѣстечка заселена евреями, между которыми незаконнорожденныя бываютъ рѣдко. Данныя эти впрочемъ требуютъ подтвержденія.

Обществами трезвости и, пожалуй, различными братствами, столь широко привившимися на Жмуди, ксендзы доказали, что могутъ всегда стать во главѣ общественнаго движенія и народъ пойдетъ за ними. Тоже нужно сказать и о школахъ. Сколько жмудины-крестьяне умѣютъ грамотѣ, этому выучились въ ксендзовскихъ школкахъ, потому что ихъ образованію вѣрятъ, тогда какъ поначалу неохотно рѣшались устроять и брать въ свое распоряженіе школы съ учителями отъ правительства; «издавна (?) (слова паписта) каждый деревенскій ребенокъ на Жмуди учится читать, писать, ариѳметикѣ и катихизису. Жмудскіе ксендзы издавна (?) съ истинною ревностію трудятся для блага своей паствы, сами устроиваютъ школки, сами добываютъ учителей, сами учатъ или чрезъ своихъ органистовъ. Большую помощь въ этомъ дѣлѣ оказываютъ имъ почтенные помѣщики, которые съ охотою берутся устроить школу и дать содержаніе учителю, такъ что дѣти получаютъ образованіе почти даромъ. На челѣ этого рвенія, по примѣру, своихъ предшественниковъ, стоитъ ксендзъ епископъ жмудскій Матвѣй Волончевскій, и словомъ и примѣромъ старающійся о религіозномъ просвѣщеніи въ своей епархіи, основывающій, по мѣрѣ возможности, во всѣхъ приходахъ начальныя школки, не щадя собственныхъ издержекъ. Ежегодно ксендзы должны подавать епископу своему вѣдомость, сколько въ каждомъ приходѣ обоего пола умѣющихъ читать. Поэтому почти каждый жмудинъ умѣетъ читать, молитьтя по книжкѣ и набожно пѣть въ костелѣ пѣсни. Если бы какой крестьянинъ жмудскій пришелъ въ костелъ безъ книжки, всѣ бы такого осудили» (1). Духовнымъ владыкою и внѣшнимъ руководителемъ жмудина является прежде всѣхъ, и почти во всемъ, ксендзъ,—и надобно сказать правду, что и для скудной,

(1) Zbiorek rzeczy swojskich ku nauce i rozrywce dla młodzieży, Ewarysta Estkowskiego. Poznań. 1859, стр. 57. Въ сборникѣ есть историческія и этнографическія замѣтки о Жмуди „хотя болѣе лжи, чѣмъ правды." Говорится, наприм., что жмудинки, близь прусской границы носятъ украшенія, осыпанныя драгоцѣнными камнями. Вообще духъ сочиненія польско-ультрамонтанскій.

конечно, литературы жмудской, и для филологической разработки языка, и для сохраненія пѣсень народныхъ поработали исключительно почти ксендзы;—нѣкоторыя ксендзовскія пѣсни даже сдѣлались народными.

На основаніи приведенныхъ фактовъ, Жмудь по справедливости должно назвать царствомъ ксендзовъ. Это ихъ плодоносная нива. Здѣсь они пастыри, интеллигенція; *ихъ* идеалы, *ихъ* стремленія обязательны для массы руководимыхъ ими слѣпыхъ пасомыхъ. Въ рукахъ своихъ ксендзъ имѣетъ оружіе, которымъ во всякое время можетъ поразить жмудина—религію. Издавна еще, во времена язычества, жмудины отличались привязанностію къ жрецамъ и религіознымъ учрежденіямъ языческимъ; невѣжество религіозное, въ которомъ доселѣ коснѣетъ народъ, конечно не содѣйствовало уничтоженію этой привязанности. Въ настоящее время жмудинъ—христіанинъ, но по своимъ понятіямъ о сущности и значеніи христіанства—язычникъ. Исторически образовавшіеся, глубоко засѣвшіе въ душу, взгляды на языческую религію жмудинъ перенесъ и на христіанство. Христіанство привилось къ нему только внѣшнимъ образомъ, какъ религіозное учрежденіе. Ксендзъ для него—тотъ же креве или вайделотъ,—епископъ тотъ же креве-кревейто. Струна религіозная въ немъ, конечно, живая струна, но звучитъ она привязанностію къ ксендзу и къ тому, что внѣшнимъ образомъ соотвѣтствуетъ историческимъ, отъ отцовъ по преданію къ жмудину перешедшимъ, религіознымъ стремленіямъ. Въ жмудинѣ не должно видѣть религіознаго мистика, потому что существенная, внутренняя сторона христіанской религіи еще не затронула и не дала движенія народной мысли. Но жмудинъ — послѣдователь обряда, стараго обряда, старообрядецъ. Онъ язычникъ въ христіанствѣ, христіанинъ въ духѣ язычества. Съ этой точки зрѣнія мы совершенно поймемъ силу ксендзовъ на Жмуди. Ихъ авторитетъ поддерживаетъ историческая сила жмудскаго язычества; папизмъ только совпалъ съ язычествомъ, сталъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть по сущности своей,—языческимъ латинствомъ;

іерархически-обрядовымъ учрежденіемъ, христіанскимъ фетишизмомъ. Съ введеніемъ въ Жмуди римской вѣры, уничтожилась только грубая форма прежняго язычества. Нѣтъ Знича, Перкунасъ болѣе— не богъ, и судья судей, креве-кревейто, не вѣщаетъ болѣе глаголовъ высшихъ судебъ. Но раздвоенія въ сознаніи жмудина не произошло никакаго, ни малѣйшаго нѣтъ въ немъ убѣжденія, что его христіанскій папизмъ долженъ быть безусловно враждебенъ язычеству. То наблюденіе, что новообращенные христіане съ ревніемъ уничтожаютъ слѣды прежнихъ своихъ вѣрованій, не имѣетъ никакого почти примѣненія къ жмудинамъ. Если князья ихъ, Ягайло и Витовтъ, были рьяные написты,— то не должно ли скорѣе видѣть въ этомъ космополитическій характеръ норманнскихъ князей—пришельцевъ въ Литву, чѣмъ проявленіе жмудской преданности новой вѣрѣ. Нечего искать въ жмудинахъ рѣшительнаго разрыва съ язычествомъ, просознаннаго отказа отъ него, какъ ложнаго принципа, съ принятіемъ христіанства: исторія нисколько не подготовила жмудина къ такому именно разрыву. Обратимъ вниманіе на то, какъ приняла Жмудь западное христіанство.

За долго до введенія папизма, Жмудь начала вести войну за свою языческую религію, около которой сосредоточивалось все для жмудина дорогое: самостоятельность политическая и народная. Народно-религіозныя учрежденія, которымъ обязанъ былъ жмудинъ устройствомъ формъ своей жизни, въ эту долговременную ихъ защиту, стали для жмудина вопросомъ жизни и смерти. Трогательна эта привязанность цѣлаго народа къ своему главному капищу въ Ромновѣ. Уничтожено капище крестоносцами въ Пруссіи, Жмудь переноситъ его на берега Дубиссы,—уничтожено здѣсь, она переноситъ къ берегомъ Невяжи и Виліи. Народъ носитъ въ сердцѣ чувство свободы, неразрывно въ немъ слившееся съ представленіями религіозными и внѣшне проявляющееся въ уваженіи къ его святынямъ. Трудно допустить чтобъ эта привязанность была неискренная, притворна. Много должна будетъ работать новая

религія, чтобы вытѣснить изъ сердца новообращенныхъ старую, къ которой привязанность повита, вспоена и вскормлена кровавыми за нее боями. Но именно тѣмъ, что языческая религія для жмудина приняла характеръ отечественно-народный, она устроила себѣ паденіе, если можно назвать паденіемъ переходъ язычества естественнаго, своебытнаго въ форму привносную извнѣ. Въ своихъ богахъ и капищахъ, въ своемъ Зничѣ и жрецахъ язычникъ дорожилъ символами своей независимости, цѣлости своего народнаго строя; боги должны были быть, по понятію жмудина, покровителями, защитниками, сподвижниками Жмуди. На дѣлѣ же сильный, страшный своею жестокостію напоръ крестоносцевъ и меченосцевъ, опустошавшихъ землю, истреблявшихъ народъ, убѣждалъ, что рука боговъ покровительствуетъ только тогда, когда своя рука умѣетъ мстить врагамъ за обиду оружіемъ. Мы не можемъ представить, какъ болѣзненно должна была отзываться въ сердцахъ жмудиновъ и вмѣстѣ—колебать ихъ вѣру въ внѣшнюю силу боговъ неоднократное уничтоженіе рыцарями ихъ капищъ. Гдѣ же Божія мощь? отчего не караютъ боги смертію враговъ отечества, когда сынамъ его грозила смерть за одинъ доступъ въ мѣста, посвященныя божеству? Между тѣмъ — поруганіе боговъ и святынь языческихъ враги совершаютъ съ цѣлію, предлагая вмѣсто нихъ религіозное учрежденіе новое, въ которое вступить должно чрезъ крещеніе и которое влечетъ за собою соотвѣтственные религіозные символы, храмы, кресты, священниковъ и проч. Жмудины думаютъ, что выборъ религіи можетъ рѣшить толвко сила, и поминутно ожидали, что ихъ боги скоро покажутъ свою силу. Но сила — не на сторонѣ Жмуди, по крайней мѣрѣ большею частію не на ея сторонѣ. Рыцарство постоянно пополняетъ свои ряды,— выходцы изъ всѣхъ странъ спѣшатъ стать подъ его знамя, чтобы, подъ покровомъ религіи, совершать крестовые походы для грабежей и всякаго рода приключеній. Оттого, при всѣхъ пораженіяхъ, рыцарство наступаетъ снова и снова, дѣлаетъ набѣги на Жмудь по нѣскольку разъ въ годъ, и даже, окончательно истомленное

войною, соглашается только на десятилѣтнее перемиріе. Жмудь же истощается болѣе и болѣе,—ни на одно мгновеніе не знаетъ покоя,—въ цѣлыхъ пограничныхъ областяхъ ея нѣтъ уже ни одного жителя. Можно слѣдить, какъ наплывъ этого рода тяжелыхъ впечатлѣній, при сознаніи безвыходности положенія, при безпомощности со стороны боговъ и религіи, защитѣ которыхъ принесено столько безплодныхъ жертвъ,—постепенно подрываетъ въ сознаніи жмудина авторитетъ его боговъ и религіи. Жмудь не можетъ не сознаться, что его боги не имѣютъ силы отстоять самобытность народа, превозмогаемаго силою народовъ чуждой религіи. Въ концѣ XIII в., по уничтоженіи Ромнова въ Пруссіи, креве-кревейто Алепсъ самъ проситъ у крестоносцевъ крещенія,—говоря, что въ теченіи многихъ лѣтъ своей жизни убѣдился ясно въ томъ, что боги его утратили свою силу. Глава и воплотитель стремленій язычества, который не усомнился бы принести себя, по обычаю, въ старости, на кострѣ, въ жертву богамъ, теперь сознается, что боги его безсильны и принимаетъ религію сильнѣйшихъ. Но еще народъ не покорился, еще нашелся новый креве-кревейто, и новый воздвигся храмъ перкуну на берегахъ Дубиссы въ Жмуди. Народъ, вопреки очевидности, еще силился увѣрить себя въ силѣ боговъ и, самъ не имѣя отъ нихъ защиты, защищалъ ихъ. Безполезна была защита и ненадежна увѣренность! Тѣснимый отовсюду, народъ начинаетъ поговаривать уже о совершенномъ переселеніи изъ страны своей, съ богами своими. А позднѣе, когда при Ягайлѣ уже стала носиться молва, что скоро потушенъ будетъ неугасимый зничъ, на сходкахъ народныхъ жмудины прямо рѣшили выселиться съ имѣніями своими и основать новое отечество (1), такъ какъ и боги и люди оставили ихъ. Бѣдствія естественныя, сильный голодъ и проч. усиливали какъ увѣренность въ беззащитности отъ боговъ, такъ и намѣреніе выселиться, чему примѣры видимъ въ 1390 и 1391 гг. Когда же, наконецъ,

(1) Длугошъ, х. 44.

вѣра христіанская стала распространяться уже самими князьями, тогда эту рѣшимость выселиться жмудины гласно заявили своимъ князьямъ, такъ что Витовтъ на нѣсколько времени отложилъ крещеніе Жмуди. Во всѣхъ этихъ фактахъ безнадежнаго отчаянія видно усвоенное народомъ убѣжденіе, что новая христіанская религія превозмогаетъ, что христіанскій Богъ есть Богъ силы, языческіе же боги, въ защиту которыхъ, въ теченіи двухъ вѣковъ, принесено столько жертвъ, совершенно лишились своей силы, такъ что сохраненію національности можетъ помочь не сила боговъ, а совершенное выселеніе изъ края. Послѣ двухвѣковыхъ боевъ за религію, язычникамъ приходилось измѣнять ей, т. е. старую, какъ безсильную, оставить, а признать главенство новой—религіи сильной. И вотъ, когда жмудины почувствовали на себѣ могущество христіанской вѣры, когда сначала Жмудь уступлена крестоносцамъ, которые принимаются крестить дѣтей силою,—а потомъ, хотя и возвращается князьямъ, но сами же князья Ягайло и Витовтъ, всѣ мѣры, конечно и силу, (1) употребляютъ на Жмуди для тойже цѣли,— жмудины наконецъ покоряются, религія Перкунаса падаетъ. Въ 1513 г. умеръ послѣдній кревекревейто Гинтовтъ, и уже не нашлось никого болѣе, кто бы захотѣлъ стать во главѣ старой религіи. Народъ позволилъ крестить себя, говоря: «пресвѣтлѣйшій король! такъ какъ боги наши, безоружные и слабые, уничтожены богомъ поляковъ, то мы бросаемъ ихъ, а сильному Богу твоему душею отдаемся» (2).

По изложеннымъ фактамъ — слѣдя исторію подготовки и обращенія языческой Жмуди къ папизму, мы несомнѣнно убѣждаемся, что 1) подготовкою къ его принятію были только кровавые бои съ крестоносцами и поляками въ защиту стараго язычества, или національнаго принципа, а рѣши-

(1) Ярошевичъ, Obraz Litwy, т. II, стр. 40 и прим. 16.

(2) Miechovita, Chronicon Regni Poloniae, lib., IV cap. 16, стр. 284. Ср. Zbiórek—стр. 116.

тельнымъ тому содѣйствіемъ — политическія обстоятельства; 2) что самое принятіе папизма было только признаніемъ права сильнѣйшаго, которому противодѣйствіе безполезно; ибо не можетъ быть основано на силѣ собственныхъ языческихъ боговъ и слѣдовательно 3, принятіе папизма было отреченіемъ отъ язычества не въ смыслѣ сознанія ложнаго принципа язычества, или ряда религіозныхъ убѣжденій, проникнутыхъ извѣстнымъ внутреннимъ характеромъ, но только отреченіемъотъ извѣстной внѣшней политической силы и переходомъ въ новыя формы политическихъ отношеній. Прежнія понятія жмудина, въ глубинѣ его сознанія, не перемѣнились: для него перестала существовать прежній Перкунасъ, но новаго христіанскаго Бога онъ поставилъ на мѣсто Перкунаса и тѣми же одарилъ его аттрибутами; старыя капища языческія уничтожены, но подъ кровомъ новыхъ храмовъ пріютилось внутренное, духовное язычество жмудина. Язычество въ убѣжденіяхъ, чувствахъ и обычаяхъ осталось; перемѣнилась только его форма. И даже съ внѣшними формами новой религіи Жмудь не помирилась еще окончательно и побѣду бога сильнѣйшаго и паденіе потерявшихъ силу боговъ языческихъ она еще не считала заключительнымъ и рѣшительнымъ актомъ паденія язычества. Жмудь поднималась даже противъ Витовта и бояръ своихъ. уничтожая христіанскіе храмы, и только оружіемъ Витовта смирена была въ конецъ. Можно привести множество фактовъ въ подтвержденіе той истины, что язычество обычаевъ, съ введеніемъ папизма, еще долгое время оставалось на Жмуди. »Не всѣ обращенные въ новую вѣру, говоритъ Ярошевичъ, (1) могли вдругъ отречься отъ вспоенныхъ вѣками обычаевъ и заблужденій, тѣмъ болѣе, что о религіозномъ просвѣщеніи, изданіи книжекъ на народномъ языкѣ, говоря искренно, довольно долгое время никто не думалъ. Свои прежніе обычаи и заблужденія народъ старал-

(1) Нарбуттъ, Dzieje narodu litewskiego, т. 1. стр. 303, 305, 314. Замѣчательно, что и Ярошевичъ видитъ въ этомъ давнюю практику римской церкви—для поддержанія христіанства терпѣливо относиться къ народному язычеству.

ся принаровить къ новой вѣрѣ. Древнія языческія празднества приспособлены къ праздникамъ христіанскимъ, напр. Секмине, праздникъ пастуховъ, выпадавшій въ половинѣ мая, соединенъ съ праздникомъ Троицы, который по литовски тоже названъ Секмине; праздникъ Росы, 23 Іюня, соединенъ съ канунομъ (1) Иванова дня, Хауторосъ (2) соединился съ христіанскимъ поминовеніемъ усопшихъ, и проч. Память лицъ изъ временъ язычества перешла въ католичество, напримѣръ память Бируты, жены Кейстута, обоготворенной за свои добродѣтели и благодѣянія, оказанныя жмудскому народу, за вѣрность язычеству, при наплывѣ папизма,—сохранилась и доселѣ и совершается по христіанско-латинскому обряду. Въ XVI еще столѣтіи держалось въ народѣ язычество—цѣликомъ, въ своихъ обрядахъ и суевѣріяхъ. Стрыйковскій (XVI в.) самъ былъ свидѣтелемъ совершенія жмудинами многихъ языческихъ обрядовъ, которые и описалъ. О нихъ же говоритъ современникъ Ласицкій (de diis Samogitarum), подтверждаетъ и Сигизмундъ Августъ, который въ письмѣ къ епископу краковскому Самуилу Мацѣевскому пишетъ (въ 1549 г.) между прочимъ, что на Жмуди до сихъ поръ еще много идолопоклонниковъ (3). Изъ всѣхъ этихъ фактовъ слѣдуетъ заключить, что пришлый папизмъ посѣянъ въ Жмуди на языческой почвѣ, изъ прежнихъ чистыхъ язычниковъ образовались р. католическіе язычники. Подъ р. католическими формами продолжалось обоженіе природы въ разныхъ ея стихіяхъ, языческія понятія облеклись въ р. католическіе символы,—римское католичество стало продолженіемъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ развитіемъ язычества. Жмудинъ, вообще упорный въ своихъ заблужденіяхъ, къ суммѣ прежнихъ заблужденій присоединилъ, съ при-

---

(1) Съ самымъ днемъ Велико-мученика Георгія. Во многихъ мѣстахъ Литвы и даже Бѣлоруси остался обычай выходить на Росу,—на взошедшіе посѣвы,—гдѣ ликуетъ народъ заполночь. Ред.

(2) И доселѣ во многихъ мѣстахъ Литвы и Бѣлоруси простолюдины говорятъ: „ходѣмъ на хавтуры,“ — разумѣя подъ именемъ ихъ угощеніе по случаю поминовенія умершихъ. Ред.

(3) У Амвр. Грабовскаго—въ Staroż. hist. Polski т. 2. стр. 4. — Цитата у Ярошевича.

нятіемъ латинской доктрины, увѣренность, что новая религія его есть истина, поколику есть сила. Умозаключать иначе онъ не могъ, по своему развитію онъ не могъ понять христіанства въ его существенно основныхъ понятіяхъ. Онъ сталъ почитать р. католицизмъ, или точнѣе — покорился ему тѣми способностями и тѣми данными способами богопочтенія, которые выработалъ въ себѣ въ прежне время. Отыскивая въ новой религіи, въ формахъ ея, сходство съ своими прежними вѣрованіями, онъ подчинился имъ потому, что умѣлъ находить въ нихъ языческій смыслъ. Такимъ-то образомъ сохранились и до сихъ поръ эти частные остатки язычества, по выраженію Нарбутта; отсюда то произошло это приспособленіе къ р. католичеству языческихъ обычаевъ, обрядовъ, воспоминаній, 1), этимъ же, наконецъ, объясняется и то господственное положеніе, въ какое стало относительно народа жмудское католичеекое духовенство. Оно такъ сильно вліяетъ на него потому, что, снова повторимъ, стоитъ на языческой основѣ, держится историческою силою сохранившагося по Жмуди язычества и благовѣнія, перенесеннаго съ креве на ксендза.

Въ языческой Жмуди былъ разрядъ жрецовъ — креве-кревейто, — простые креве, вайделоты и проч. Съ введеніемъ р. католицизма, эти жрецы сошли со сцены, но значеніе ихъ жмудины перенесли на свое новое латинское духовенство. Разницы между жречествомъ языческимъ и священствомъ р. католическимъ они не понимали, а сходство видѣли. Духовенство р. католическое поставлено на стражѣ новой религіи, въ храмахъ, замѣнившихъ собою древнія капища и святыни; духовенство взяло на себя ту часть народнаго почитанія, рабства, пожалуй, и довѣрія, которыми прежде пользавались жрецы. Папскіе проповѣдники, отправители миссій почти тѣ же вайделоты, по своему значенію; ксендзы тѣ же креве и такъ же какъ

(1) Объ остаткахъ язычества въ народныхъ праздникахъ, повѣрьяхъ, пословицахъ подробности смотри Матеріалы для статистики—ковенск. губ. стр. 574—576,—Litwa, Ludwika z Pokiewa, стр. 93—186,—Эстковскаго, Zbiorck rzeczy swojskich, стр. 53—66.

они, послѣдніе не должны имѣть женъ. Епархіальный епископъ совершенно могъ занять мѣсто креве-кревейты, особенно при прежнемъ значеніи епископовъ жмудскихъ, въ эпоху еще темнѣйшаго невѣжества,—особенно, когда епископами Жмуди бывали изъ знатныхъ, вліятельныхъ фамилій, Тышкевичей, Пацовъ и проч., короче: свести къ одному знаменателю разныя вліянія на жмудина, его языческія понятія, нисколько не устраненныя религіознымъ и научнымъ вліяніемъ,—то мы совершенно поймемъ это утвердившееся въ народѣ и до сихъ поръ продолжающееся язычески-іерархическое значеніе р.-католическаго духовенства. Духовенство—сила, потому что на поддержку его пошла народная сила сохранившагося на жмуди язычества, если можно выразиться — духовенство самымъ существованіемъ своимъ поддержало въ народѣ остатки прежняго язычества, потому что давало жмудину случай наглядно, во всякое время, убѣдиться въ сходствѣ двухъ исторически—противоположныхъ религій.

Мы не призваны судить латинское духовенство, но дѣла его судятъ его; потому что оно ни мало не старалось выйти изъ своего ненормальнаго, недуховно христіанскаго отношенія къ народу. Историко-религіозную вину ксендзовъ противъ жмудскаго народа, или точнѣе—противъ христіанства, можетъ быть уяснитъ отчасти рѣшеніе вопроса: что сдѣлало духовенство для охристіанствованія языческаго народа?

Во первыхъ,—духовенство образовало р.-католическіе приходы, съ немалымъ числомъ костеловъ и каплицъ. Въ 1857 г., по вѣдомостямъ римско-католической духовной консисторіи, считалось въ ковенской губерніи 316 костеловъ и 137 часовенъ, (1) слѣд. по костелу на каждыя десять съ небольшимъ квадратныхъ верстъ. Въ настоящее время, съ закрытіемъ нѣкоторыхъ

1) Матеріалы для статистики ковенской губ., Афанасьева, 1861 г. Во всей же жмудской епархіи числилось въ концѣ 1864 г. 212 прих. костеловъ, 133 филіальныхъ и 183 каплицы (часовни).

спеціальныхъ церквей, костеловъ можетъ быть и меньше, но, при извѣстной намъ стойкости р.-католическаго духовенства въ проведеніи стремленій латинства и при его особенной способности весьма искусно составлять необходимыя для него статистическія данныя (1) еще нѣтъ ручательства, что чрезъ десять, двадцать, сто лѣтъ число костеловъ не увеличится въ пропорціи, несоразмѣрной потребности. Можно ли же считать заслугою римскаго духовенства умноженіе костеловъ? Костелъ самъ по себѣ ничего не даетъ для заключеній о массѣ народонаселенія,—

(1) Какъ оригинальна и выгодна эта статистика, укажу наглядно на примѣръ я за 8 лѣтъ (1857—1864) сличилъ показанія о числѣ прихожанъ по приходамъ, помѣщаемыя обыкновенно въ такъ называемыхъ директоріумахъ или рубрицелляхъ. Что же оказалось? Въ вилкомірскомъ деканатѣ въ 1858 году оказалось приращенія прихожанъ противъ 1857 года по каждому приходу, исключая двухъ, р о в н о   н а   т ы с я ч у душъ, въ самомъ же Вилкомірѣ н а   д в ѣ   т ы с я ч и   с ъ   п о л о в и н о ю.

Вотъ цифры:	г. 1857.		1858		1859
Вилкоміръ . . .	5222	д.	7760	—	4892.
Коварскъ . . .	4813	—	5813	—	4330.
Побойскъ . . .	4532	—	5532	—	5792.
Субочь	4214	—	5214	—	4350.
Сесики	3852	—	4852	—	3893.
Шаты	3700	—	4700	—	3805.
Погиры	4350	—	5350	—	3306.
Девалтовъ . . .	3315	—	4315	—	3133.
Упниковепре . .	2517	—	3517	—	2721.
Нидокъ	2537	—	3537	—	2619.
Жмуйдки	3538	—	3538	—	2239.
Буканце	1284	—	2284	—	1358.
Роговъ	2866	—	3866	—	3154.
Троупіе	4823	—	4823	—	4011.
Водокле	2313	—	3313	—	2855.
Трашкунъ . . .	2976	—	3976	—	3442. и проч.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что въ 58 году число прихожанъ вдругъ возрасло, а въ 59 г. сильно упало, въ какомъ видѣ осталось и до нынѣшняго года. Сначала я не могъ доискаться объясненія этому загадочному явленію, но потомъ уже догадался, что епархіи, вѣроятно, для какихъ нибудь цѣлей понадобился новый приходъ, съ особеннымъ штатомъ ксендзовъ. А чтобы получить разрѣшеніе правительства на открытіе новаго прихода, нужно было, въ силу существующихъ узаконеній, выставить благовидное къ тому основаніе, между прочимъ значительное приращеніе народонаселенія, каковое вдругъ и сдѣлалось по цѣлому деканату, противъ 57-го года, на цѣлыя 15

есть внѣшняя выставка господства папизма на Жмуди, но не христіанства въ нравахъ, понятіяхъ и сердцахъ жмудиновъ. Должно признать, что жмудины дѣйствительно отличаются набожностію въ посѣщеніи костеловъ, и слѣд. въ присутсвованіи при богослужебныхъ дѣйствіяхъ, символически изображающихъ великія таинственныя истины христіанства. Въ воскресный день, по дорогѣ, вы встрѣтите Жмудь, ѣдущую и идущую въ костелъ, въ приличной одеждѣ мущинъ и женщинъ съ преобладающими бѣлаго цвѣта платками на головѣ, образкомъ такъ называемой шидловецкой Божіей Матери сверхъ концовъ платка

съ половиною тысячъ. Въ $^{58}/_{59}$ году, вѣроятно и началось дѣло объ обращеніи филіи вилкомірскаго прихода — Видзики, въ отдѣльный приходъ. Эти Видзики подъ 57 годомъ показаны просто филіею, подъ 58 вдругъ филіею же, но съ 2000 душъ прихожанъ, подъ 59 годомъ—все еще филіею безъ единой души, потому что, какъ сказано, и по всему деканату народонаселеніе опять вдругъ упало. Но съ 1860 г. правительство, вѣроятно, убѣдилось представленными ему доводами и бывшая филія Видзики вдругъ красуется особеннымъ семнадцатымъ приходомъ вилкомірскаго деканата съ 2195 прихожанами. Слѣдовательно ксендзы, для своихъ цѣлей, мастера на статистику, потому что какъ же не мастерство—сочинить вдругъ пятнадцать тысячъ человѣкъ въ запасъ не только для одного, но и для нѣсколькихъ приходовъ?!— Не менѣе справедливо, поэтому и то, что, въ сущности ксендзовская статистика никуда не годна, ибо никакихъ выводовъ для науки по ней сдѣлать нельзя. Въ сличенныхъ мною цифрахъ, напримѣръ, ни по одному почти приходу, начиная съ 1860 г., нѣтъ никакого движенія народонаселенія, ни прибыли, ни убыли,—а въ одномъ—повонденскомъ приходѣ вороненскаго деканата нѣтъ ни прибыли, ни убыли во всѣ 8 лѣтъ. Даже за послѣдніе два года, когда столько народу убито и выселено, никакаго знака тому нѣтъ,— и даже въ сложности за послѣдній годъ все число р.-католической Жмуди показано нѣсколько возросшимъ противъ прежнихъ 4-хъ (1860 — 63), когда оно стояло все на одной точкѣ (884, 558 д.)

См. Directorium horarum canonicarum, auctoritate et mandato Domini Mathiae Casimiri Wołonczewski, за гг. 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864. Кстати еще объ этихъ книжкахъ. Кромѣ вышеприведенныхъ, въ нихъ много и другихъ странностей. Напримѣръ: какой нибудь ксендзъ вдругъ исчезаетъ изъ списка ксендзовъ, точно живой восходитъ на небо, потому что и въ спискѣ умершихъ его нѣтъ. (Такъ—въ 1864 г. неизвѣстно куда дѣвается ксендзъ Янъ Радовичъ, бывшій викарій въ Оникштахъ). Ксендзы, казненные за участіе въ мятежѣ (Мацкевичъ, Гаргасъ и др.) помѣщены въ спискѣ умершихъ ксендзовъ, изъ которыхъ за каждаго, по буквальному смыслу оглавленія, должна быть совершена мисса. Говорятъ даже, что ксендзы, взятые въ шайкахъ и сидящіе въ тюрьмѣ, по книжкамъ числятся въ спискѣ умершихъ.

на шеѣ, съ чотками и молитвенникомъ въ рукахъ, иногда— бѣлымъ поясомъ поверхъ платья. Мнѣ случилось видѣть отправляющихся въ костелъ, въ самую великую распутицу, когда ухабистыя дороги совершенно занесены были снѣгомъ на футъ и болѣе, и не смотря на то, набожные странники и странницы бодро вязли въ снѣгу и съ совершенно веселою и непринужденною улыбкою отвѣчали на мои привѣтствія. Такая набожность достойна удивленія, можетъ быть и похвалы, но и набожность сама по себѣ не даетъ понятія о религіозномъ состояніи извѣстныхъ лицъ, не есть признакъ того, что это чувство зиждется на христіанскомъ сознаніи и проникнуто христіанскимъ духомъ. Литовскій народъ отличался, какъ сказано, издревле привязанностію къ своимъ религіознымъ учрежденіямъ, и настоящая набожность жмудина есть продолженіе, а можетъ быть и весьма незначительный остатокъ его привязанности въ прежнимъ богамъ своимъ, и потому не столько говоритъ о миссіонерскихъ заслугахъ духовенства, сколько о языческой стойкости жмудина. Если по частямъ разобрать то, что найдетъ жмудинъ въ костелѣ, то окажется, что, конечно, не внутренній христіанскій интересъ привлекаетъ его туда,—а напротивъ чисто христіанское вліяніе остается на второмъ планѣ. Не имѣя цѣли разбирать здѣсь общіе недостатки папизма, я все—таки долженъ сказать, что латинскій языкъ богослуженія, непонятный для жмудина, привлекать его въ костелъ, конечно, не можетъ. Сущности литургіи жмудинъ не понимаетъ; самый актъ принесенія безкровной жертвы не обращаетъ на себя его особеннаго вниманія. Народъ невѣжественъ, слѣдить же за нѣкоторыми дѣйствіями богослуженія онъ можетъ только по указанію какихъ нибудь сигналовъ. Вслѣдствіе этого, живое участіе народа, паствы, церкви въ богослуженіи проявляется во первыхъ тѣмъ, что прихожане по звонку становятся на колѣна, читая про себя молитвы, и во вторыхъ тѣмъ что, имѣя у себя польскіе или жмудскіе молитвенники, они, во время богослуженія, по нѣскольку разъ прочитаютъ написанныя тамъ молитвы, безъ

сознанія, что въ нихъ содержится и на сколько онѣ, по времени и смыслу, относятся къ дѣйствіямъ священно-служителя. Такого рода участіе въ богослуженіи, конечно, не можетъ быть названо живымъ; не этимъ путемъ и не такими способами развивается христіанское сознаніе. Можно сказать, что посѣщеніе мессы для жмудина—урочный обычай, и только въ этомъ смыслѣ—обязанность,—и что именно месса менѣе всякаго другаго богослуженія оставляетъ глубокихъ, христіанскихъ слѣдовъ въ его сознаніи. Привлекаютъ же народъ жмудскій—церемоніальность, внѣшній блескъ, звукъ органа, отчасти казанье (проповѣдь). И должно при этомъ сказать, что внѣшній религіозно-церковный эффектъ—оружіе страшное въ рукахъ латинства; ибо онъ главнымъ образомъ фанатизируетъ, отнимаетъ умышленія способность критики, онъ рождаетъ пропагандистовъ и повстанцевъ. Это ли вліяніе христіанское!!!...

Есть впрочемъ богослуженія, которыя привлекаютъ жмудиновъ, потому что они дѣйствительно могутъ отчасти принимать въ службѣ живое участіе. Это богослуженія различныхъ братствъ, и обряды при извѣстныхъ святыняхъ. Члены братствъ и вообще жмудины, здѣсь поютъ религіозные гимны на своемъ родномъ языкѣ (1), иногда подъ тихіе звуки органа. Жмудины, какъ и русскіе, любятъ пѣсни; слѣдовательно религіозное пѣніе ихъ привлекаетъ и, конечно, не остается безъ соотвѣтственнаго впечатлѣнія, потому что даже самое общее впечатлѣніе пѣнія, эта извѣстная каждому восторженность настроенія и какая-то безкорыстная готовность на всякое добро,—уже благодѣтельно. Но, принявъ во вниманіе, что превосходное средство употребляется только для большаго фанатизированія народа символами папства, мы откажемъ въ сочувствіи духовенству, ибо увидимъ въ его дѣйствіяхъ нѣчто іезуитское. Въ уступкѣ народности—скрывать латинизацію духовной личности народа заключается главное и давнее правило іезуитовъ. Въ дан-

(1) Впрочемъ, отчасти это относится и къ такъ называемымъ литаніямъ.

номъ случаѣ это средство употреблено для утвержденія господства надъ совѣстію народною помощію братствъ и чтимыхъ народомъ святынь. Что же такое жмудскія братства? Братства имѣютъ смыслъ, если ихъ цѣль практически общественная, освящаемая началами религіи. Но религіозное братство, учреждаемое съ цѣлію какъ бы легчайшаго и скорѣйшаго спасенія души, успѣшнѣйшаго совершенствованія въ христіянской добродѣтели, приближенія къ вѣчному спасенію и подобн., или требуетъ особыхъ условій жизни, или есть только латинское изобрѣтеніе, которое должно назвать средствомъ пропаганды; ибо имъ можно достигнуть много совершенно одностороннихъ и чуждыхъ спасенія цѣлей. Братства это нива, которую съ величайшимъ успѣхомъ могутъ обработывать ксендзы. Братство въ рукахъ ксендза—средство фанатизаціи, потому что каждый братчикъ, имѣя нѣсколько излишнихъ обязанностей, сверхъ общехристіанскихъ, считаетъ долгомъ своимъ быть пламеннѣйшимъ приверженцемъ того строя понятій, которому служитъ, тѣмъ болѣе что здѣсь поддерживаются нѣкотораго рода религіозно-аристократическіе интересы. О братствахъ же—мысль ксендзовская такова, что не вписываться въ нихъ дѣло весьма не похвальное. Слѣдовательно, хорошаго р.-католика зазритъ совѣсть, если онъ—не братчикъ; вступая же въ братчики, онъ добровольно поддается ксендзу и, самъ того не замѣчая, дѣлается фанатикомъ, защитникомъ исключительности въ религіозныхъ понятіяхъ и дѣйствіяхъ. Онъ, напримѣръ, *обязанъ* исповѣдываться чаще другихъ папистовъ. Исповѣдь же, превращенная въ обычное дѣло, отдаетъ исповѣдника совершенно ксендзу, что доказано недавними смутами въ краѣ и засвидѣтельствовано всею исторіею іезуитовъ. Затѣмъ, братчикъ соблюдаетъ экстраординарные посты, экстраординарныя моленія подъ руководствомъ ксендза. Понятно, что я служу тому, по чьимъ указаніямъ дѣйствую. Братство же, кромѣ того (чуть ли не въ этомъ то самая суть братствъ) пользуется всякими привиллегіями относительно разрѣшенія отъ загробныхъ мученій въ чистилищѣ. Эти разрѣшенія даются на из-

вѣстное число дней, мѣсяцевъ, лѣтъ, десятковъ, столѣтій и даже цѣлыхъ тысячелѣтній. Здѣсь уже братство за извѣстную степень рабствованія іезуитизму пользуется преимущественными предъ другими папистами выгодами. Отчего же не пойдти въ братство и не дѣлаться орудіемъ ксендзовъ?! Дѣйствительно, эта вѣтвь дѣятельности развита на Жмуди ксендзами весьма успѣшно; жмудины идутъ на приманку, потому что ктоже не захочетъ облегчить себѣ доступъ въ рай, или по крайней мѣрѣ сократить будущія мученія свои? Поэтому, нѣтъ жмудина и особенно жмудинки, которые не принадлежали бы къ тому или другому братству и не имѣли бы знака этого братства; изъ всѣхъ же братствъ особенно между ними процвѣтаютъ братства: Розоваго вѣнка, или такъ называемаго Рожанца, и Божіей Матери шкаплера, какъ и вообще эти братства у папистовъ найболѣе популярны.

Рожанецъ есть богослуженіе въ честь Божіей Матери, раздѣляющееся на три части, и каждая часть снова—на пять, такъ называемыхъ, таинствъ. 1-я часть называется веселою, 2-я печальною, 3-я радостною. Таинства затѣмъ, не что иное, какъ молитвы, пріуроченныя къ извѣстнымъ евангельскимъ событіямъ. Въ каждой изъ трехъ частей Рожанца пять разъ читается Отче нашъ, а послѣ каждаго изъ пяти Отче нашъ—десять разъ—Богородице Дѣво радуйся, одинъ разъ—Слава Отцу и Сыну,—въ концѣ же каждой части читается апостольскій Сѵмволъ вѣры. Всего такимъ образомъ въ Рожанцѣ прочитывается Отче нашъ пятнадцать разъ, Богородице Дѣво—150 разъ, апостольской Сѵмволъ—трижды. Для избѣжанія ошибокъ въ счетѣ такаго количества неоднократно повторяемыхъ молитвъ употребляются нанизанные на шнурокъ чотки, которые раздѣлены по десяткамъ, на подобіе нашихъ монашескихъ. Молящійся по нимъ отсчитываетъ свои молитвы и не безъ усердія, полагаю, потому что послѣ ста пятидесяти разъ не слишкомъ-то захочется добавить еще разъ. Вотъ эти-то, собственно, чотки, которые должны быть освящены ксендзомъ, и, кажется, непремѣнно доминиканскаго ордена, или по его полномо-

чію, и называются Рожанцемъ или розовымъ вѣнкомъ Богородицы, потому что имѣютъ яко бы сходство съ вѣнками, изъ розъ сплетенными, которыми былъ обычай украшать образа Богородицы. Каждый братчикъ розоваго вѣнца имѣетъ у себя такія четки, какъ символъ братства; съ ними весело идетъ въ костелъ, потому что за извѣстную долю долбни сказанныхъ молитвъ, онѣ даютъ ему привиллегію въ адѣ и раѣ. Привиллегіи эти дѣйствительно таковы, что, по сличенію папскихъ на этотъ счетъ буллъ, братчикъ можетъ получить не только индульгенцію полную, но и еще разъ, и нѣсколько разъ, полную же, и еще на нѣсколько дней (1), значитъ зарабатываетъ уже на другихъ, и затѣмъ—вся эта сумма заработковъ частію составляетъ такъ называемую «сокровищницу сверхдолжныхъ дѣлъ»— или opera operata, въ силу которой даются индульгенціи, и проч. Ктоже не признаетъ, что безсмысленная долбня молитвъ есть средство во первыхъ дурачить, тупить мысль, что собственно и имѣлъ въ виду Доминикъ, когда вводилъ Рожанецъ во время инквизиціи между непокорными римскому престолу, вольномыслящими альбигойцами,—и во вторыхъ— что чрезъ это религіозное чувство держится совершенно на степени языческаго, внѣшняго, формальнаго бого-почтенія. «Держу въ рукахъ святыя четки, скороговоркою читаю молитву—и я чрезъ это дѣлаюсь благочестивымъ католикомъ, и я получаю разрѣшеніе отъ грѣховъ?!», такъ разсуждаетъ Жмудь и не сомнѣвается; оттого-то ее и величаютъ ксендзы «святою.»

Такое же отсутствіе христіанскаго смысла и въ такъ называемомъ братствѣ шкаплерномъ. Какъ въ рожанцѣ играютъ роль чотки, такъ здѣсь шкаплеръ. Шкаплеромъ называются повѣшенные на ленточкѣ два куска сукна, сложенные половинками, изъ которыхъ на одной вышито: Іисусъ, на другой Марія. Вещь эта, подъ именемъ *скапулы*, составляла принадлежность латинскихъ монаховъ; но въ XIII вѣкѣ какой-то генералъ кар-

(1) Подробнѣе о привиллегіяхъ въ брошюрѣ: Patent Rożańcowy. Wilno 1861 г.

мелитскаго ордена задумалъ ввести ее и между свѣтскими, и для того пустилъ въ ходъ сказку, что ему явилась Божія Матерь, подала шкаплеръ и поручила обѣщать особенное покровительство свое тѣмъ, кто будетъ носить шкаплеръ, сохранять приэтомъ по состоянію своему чистоту тѣла и воздержаніе и отправлять службу въ честь Божіей Матери. Папы подхватили эту сказку и, „не входя, по выраженію одного католическаго писателя, въ разбирательство самаго видѣнія Богородицы, которое не касается догматовъ святои вѣры,“ (1) надавали всякихъ привиллегій лицамъ, объявившимъ согласіе поступить съ шкаплеромъ на шеѣ подъ особенное покровительство Божіей Матери. (2) Такъ образовалось шкаплерное братство, обязанное, за извѣстныя индульгенціи, всегда носить на шеѣ шкаплеръ, каждый день вычитывать семь разъ Отче нашъ, съ среду, по возможности удерживаться отъ мяса, въ богородичные праздники исповѣдываьтся и пріобщаться (3). Жмудины братчики въ точности исполняютъ эти обязанности, по крайней мѣрѣ исповѣдуются усердно, какъ я самъ имѣлъ случай въ томъ убѣдиться. Во время богослуженія, ксендзу въ конфессіональномъ креслѣ отбою не было отъ желающихъ исповѣдаться, особенно отъ женщинъ, которымъ конечно, это было и особенно нужно, и полезно, и пріятно. Какъ мнѣ удалось слышать, часто исповѣдницъ, въ томъ числѣ преимущественно молодыхъ, бываетъ до того много, и прегрѣшенія ихъ столь значительны, что ксендзы вынужденными бываютъ, предъ разрѣшеніемъ грѣховъ, еще размыслить на счетъ эпитиміи и нѣкоторыхъ, для нравственнаго увѣщанія, приглашать къ себѣ на домъ. Оттого частая

---

(1) Wykład obrzędów i religijnych zwyczajów Rzymsko-Katolickiego kościoła, Jana Ludwika Łunkiewicza Pjara. Wilno 1854.

(2) Впрочемъ инипіатива ношенія на груди этихъ лоскутковъ сукна, т. е. шкаплерей, принадлежитъ крестоносцамъ, которые, въ подражаніе амулетамъ, употреблаемымъ на востокѣ мусульманами, съ которыми они сражались, стали носить на груди, освященные патеромъ лоскутки матеріи съ начертаніемъ имени Іисуса и Богородицы, считая ихъ предохранительнымъ средствомъ отъ всякихъ злоключеній.

(3) Лѣтъ 15 тому, образовалось здѣсь братство новаго шкаплеря, на ко-

исповѣдь, столь полезное и необходимое орудіе вліянія ксендзовъ на народъ, привилась на Жмуди удивительно. Жмудины исповѣдаются даже гораздо охотнѣе, чѣмъ причащаются. Не остались ли и въ этомъ явленіи слѣды литовскаго язычества; потому что и вайделоты имѣли обычай исповѣдывать народъ, при чемъ, вмѣсто эпитеміи, драли людей за волосы, били палками и проч. (1) Не рѣшаюсь возводить мое предположеніе до степени несомнѣнности, но во всякомъ случаѣ не могу не замѣтить, что язычество находило въ ксендзовской исповѣди для себя нѣчто родственное, тогда какъ, напримѣръ, были случаи, что причащаться нѣкоторые не хотѣли, говоря, что это кушанье пановъ, а не убогаго народа.

Что сказано о братствахъ рожанца и шкаплерномъ, тоже должно сказать и о другихъ, которыхъ на Жмуди не мало, какъ то братство всесвятѣйшаго таинства, страстей господнихъ, сердца Іисусова, пяти ранъ Іисуса, утѣшенія и проч. Всѣ они проникнуты однимъ духомъ и преслѣдуютъ одну цѣль. Духъ ихъ фанатизація умовъ внѣдреніемъ въ нихъ исключительной, безсмысленной привязанности къ буквѣ папства, цѣль же властвованіе надъ духовною слѣпотою невѣжественнаго народа. По крайней мѣрѣ, ксендзы не довольствуются тѣмъ, что люди платятъ деньги за чотки и шкаплеры, долбятъ молитвы въ костелахъ, повѣряютъ свои грѣхи духовнымъ отцамъ своимъ, и прочими способами подчиняются духовному водительству ихъ. Ксендзамъ хочется, чтобы вся эта махинація ложнаго богопочтенія совершенно проникла всю жизнь жмудина и во всѣ уголки семьи его. Вотъ собственныя слова одного ксендза: „желательно было бы, чтобы хозяева завели пѣніе и чтеніе рожанца по праздникамъ у себя въ домахъ. Чрезъ это между людь-

торымъ вышиты два сердца и ангелы. Поводомъ къ учрежденію братства послужили какія то чудеса и еще въ 1846 году гласъ небесный какой-то монаханѣ, что все описано въ жмудской книжкѣ: Kialetas Żodziu aplink Szkaplerin, mukos Pono Jezoso Wilniuje 1857.

(1) Ludwika z Pokiewa, Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów. Вильно 1846.

ми развилась бы основательная набожность, любовь и страхъ Божій; а затѣмъ проникли бы въ нихъ и добродѣтель и нравственность" (1) Такова неумолимая логика р. католицизма вездѣ, такова и на Жмуди!

Не мало также оказывается язычества въ почитаніи жмудинами мѣстныхъ святынь, при чемъ нравственная грубость народа поддерживается не менѣе умственной его слѣпоты въ дѣлѣ религіи. Язычество должно непремѣнно имѣть внѣшнюю святыню, народный, такъ сказать, *клейнодъ*, котораго покровительство чувствовалось бы по всему пространству извѣстной области и съ которымъ народъ чувствовалъ бы свою непосредственную, матеріальную связь. У жмудиновъ стараго времени такимъ было капище Перкунаса-Ромново. Чтобы противупоставить этой святынѣ похожую на нее христіанскую, папство воздвигло въ мѣстечкѣ Шидловѣ, россіенскаго уѣзда, — великолѣпнѣйшій въ цѣлой Жмуди костелъ и поставило въ немъ образъ Богородицы, прославленный яко бы чудесами съ 1600 г. Бронзовые медальончики,, парижской работы, съ изображеніемъ шидловецкой Божіей Матери расходятся, по милости коммерческаго умѣнья ксендзовъ, тысячами въ народѣ; множество также раскупается ея изображеній на бумагѣ. Въ Шидловъ отправляются благочестивые путешественники изъ цѣлой Жмуди. Относительно чудотворности самаго образа я не могъ собрать точныхъ свѣдѣній, но имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія о весьма чудесномъ случаѣ, положившемъ начало нынѣшнему костелу. Въ Шидловѣ когда-то былъ костелъ, но въ эпоху распространенія въ Литвѣ реформаціи, когда на всей Жмуди всего осталось шесть или семь латинскихъ костеловъ, и шидловскаго костела ксендзъ совратился самъ и костелъ обратилъ въ мѣсто собранія кальвинистовъ, какимъ и былъ этотъ костелъ до половины 17-го в. Затѣмъ по ветхости, вѣроятно, костелъ — кирха былъ оставленъ, пришолъ въ запустѣніе, и наконецъ — на этотъ мѣ-

---

(1) Wykład, стр. 154.

стѣ сдѣлалось поле. (1) Легенда говоритъ, что на этомъ самомъ полѣ разъ пастухи увидѣли на камнѣ стоящую прекрасную дѣвицу, съ младенцемъ на рукахъ, и горько плачущую. Когда спросили о причинѣ ея скорби, она отвѣтила: „какъ мнѣ не плакать? нынѣ пашутъ и сѣютъ на томъ мѣстѣ, на которомъ чтилось нѣкогда имя сына моего." Пастухи разсказали въ селѣ объ этомъ видѣніи, какой-то слѣпой старикъ догадался, что это Божія Матерь, показалъ мѣсто на полѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда костелъ, и дѣйствительно, выкопана изъ земли *скрыня* (сундукъ) съ фундушевыми документами костела, по крайней мѣрѣ шестьдесятъ лѣтъ пролежавшая въ землѣ; при этомъ, по обыкновенію, слѣпецъ прозрѣлъ, а на мѣстѣ явленія Божіей Матери выстроенъ великолѣпнѣйшій храмъ. Теперь въ этотъ костелъ стекается Жмудь, а образъ называется чудотворнымъ. Къ костелу пристроена часовня, въ которой хранится вышеозначенный сундукъ и священный камень. (2) Усердіемъ богомольцевъ, отбивающихъ себѣ на память по кусочку этого камня, хотя онъ значительно уменьшается, но еще долго будетъ составлять весьма доходную статью: очевидцы говорили мнѣ, что деньги изъ часовни носятъ къ ксендзу цѣлыми мѣшками и сундуками. Кстати замѣчу, что жмудскому народу не впервые воздавать почитаніе камнямъ, да и этотъ камень, мнѣ кажется, не изъ старыхъ ли знакомыхъ ихъ. (3) По крайней мѣрѣ, изъ нѣсколькихъ аналогическихъ случаевъ, не въ одной мѣстности по-

---

(1) Впрочемъ, по нѣкоторымъ редакціямъ, костелъ еще оставался. Въ своей редакціи я стараюсь мирить противорѣчія варіантовъ.

(2) Какъ это все напоминаетъ явленіе Почаевской Божіей Матери и даже тотъ камень, на которомъ отпечатлѣлась ее стопа! Ред.

(3) Вообще, очень подобная исторія разсказывается на Жмуди, въ россіенскомъ же уѣздѣ, объ одной изъ языческихъ богинь. Близъ мѣстечка Кроже, на лѣвой сторонѣ рѣки Кроженты, на горѣ Медзіокалніе является бывшая когда-то богиня Меджіоима печальная и заплаканная, и такія слова говоритъ прохожимъ: „Литва въ лѣсахъ: уничтожьте лѣса и не будетъ Литвы, — уничтожайте, уничтожайте." Павшая богиня горюетъ о паденіи язычества, и съ сарказмомъ требуетъ уничтоженія послѣднихъ остатковъ священныхъ нѣкогда лѣсовъ. (Litwa, Ludwika z Pokiewa, стр. 37).

вторявшихся, слѣдуетъ заключить, что подобныя мѣстности и предметы изстари пользуются народнымъ почитаніемъ, — а ксендзы тоже не прочь — воспользаваться староязыческими чтилищами, чему примѣры укажу ниже. Почитаніе чудотворныхъ иконъ имѣетъ свой великій смыслъ, ибо вѣра способна къ побѣдѣ надъ невозможнымъ, а особенно, въ великія, тревожныя минуты народной жизни, эта вѣра дѣлаетъ чудеса, но въ данномъ случаѣ народной сознательной инициативы нѣтъ, какъ вообще ея нѣтъ ни въ одномъ актѣ папизма на Жмуди. Вся исторія о прозрѣвшемъ старикѣ, о выкопанной *скрынѣ*, почему не можетъ быть похожа на то извѣстное іезуитское чудо съ слѣпцомъ у мощей, пріобрѣтеныхъ Радзивилломъ въ Римѣ, но забытыхъ его слугою и подмѣненныхъ обыкновеными костями? Вѣрно одно, что духовенство шидловское свою часть отъ иконы пріобрѣло въ изобиліи. Тамошніе церковные настоятели сдѣланы инфулатами, т. е. пользуются нѣкоторыми правами епископовъ при служеніи, чѣмъ увеличивается блескъ службы, — а блескъ службы, въ связи съ чудесными вымыслами, конечно, весьма выгоденъ для ксендзовства; ибо религіозная струна весьма чутка даже у расчетливаго до скупости жмудина. Вмѣстѣ съ тѣмъ достигается и цѣль фанатизаціи: къ ней принаровлено содержаніе цѣлой пѣсни, воспѣваемой жмудинами предъ шидловскою иконою. (1) Кальвинисты, нѣкогда владѣвшіе храмомъ, называются въ ней невѣрными, которые съ пѣніемъ изгоняются изъ костела. Образу же приписывается такая сила, что „хромые-ноги, слѣпые-зрѣніе получаютъ, по троекратномъ привѣтствованіи ѐго.“ Все отношеніе къ иконѣ вообще таково, что она — какъ бы спеціяльная покровительница Жмуди, „на жмудской землѣ слывешъ ты чудесами,“ такъ что заключается пѣснь слѣдующими словами: „ты унизила всѣхъ, прогнала невѣрныхъ, храни подъ кровомъ своимъ сыновъ вѣрныхъ“

(1) Giesmie Szydlawas, Вильно у Сыркина 1859.

(конечно, папистовъ), взывающихъ къ тебѣ о кончинѣ въ этой милости. (2).

Кромѣ шидловской святыни, по всей Жмуди пользуется громкою славою еще такъ называемая жмудская Кальварія, въ тельшевскомъ уѣздѣ. Къ ней также ежегодно набожные жмудины совершаютъ путешествія, чтобы здѣсь, за извѣстную, конечно, индульгенцію, обходить и отстоять извѣстный рядъ богослужебныхъ молитвъ, называемыхъ у папистовъ *стаціями*. Но кромѣ этихъ обыкновенныхъ принадлежностей, на Кальваріи есть тоже прославленный будто бы чудесами образъ Богородицы, въ костелѣ доминиканскаго монастыря, подъ вѣдѣніемъ котораго находится и вся Кальварія. Я не знаю подробностей объ этомъ образѣ, но сколько могу судить по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, агитація прославленія святыни идетъ весьма дѣятельно. Доминикане чувствуютъ, что имѣютъ въ рукахъ своихъ орудіе для привлеченія къ себѣ большихъ массъ народа и немалыхъ прибытковъ. Это выгодная религіозная спекуляція, и кромѣ того дѣло чести для цѣлаго ордена. Съ этою цѣлію доминикане весьма энергически стараются распространить въ народѣ знакомство съ своею иконою. Они весьма успѣшно пустили въ ходъ изображеніе ея, очень хорошей работы. Они же снабжаютъ народъ въ изобиліи и раскрашеннымъ изображеніемъ Б. Матери, превосходной парижской работы, къ которому присоединенъ видъ всей Кальваріи: картина посвящена, какъ гласитъ подпись, епископу Матвѣю Волончевскому, въ знакъ глубокаго уваженія доминикановъ къ своему архипастырю. Вѣроятно, не много ошибется тотъ, кто это посвященіе сочтетъ заискивающимъ желаніемъ архипастырскаго благословенія и рекомендаціи, предъ кѣмъ слѣдуетъ, продѣлокъ ордена. Въ параллель къ изображенію пущена, еще съ 1856 года, нѣкоею Каролиною Проневскою книжка — Festyna wielkiej Kalwaryi na Żmudzi, Wilno 1856, тоже посвящен-

(2) За точность передачи и особый оттѣнокъ мысли не ручаюсь, потому что переводчикомъ моимъ былъ мальчикъ жмудинъ, скорѣе наводившій на мысли, чѣмъ переводившій.

ная епископу Волончевскому. Посвященіе гласитъ: «да возрастаетъ слава Божія (т. е. папизмъ) на этой прекрасной жмудской землѣ...» и въ концѣ присовокупляетъ, что «тамъ среди лѣса есть *крыница*, гдѣ вѣрныхъ овечекъ поитъ пречистая Бнгородица— Дѣва, а при Богородицѣ, какъ скала, стоитъ давныхъ ея слугъ малый сонмъ, безопасный подъ ея охраною, потому что когда страшный громъ ударитъ, ихъ заслонитъ грудь пастыря.» Сколько поэзіи,—сколько таинственныхъ, но понятныхъ намековъ, недомолвокъ въ картинѣ ордена, *опекуемаго* Богородицею и заслоняемаго грудью пастыря, когда ударитъ громъ!... Самая книжка начинается изображеніемъ «святой Жмуди», которая, «теперъ заброшенная, нѣкогда цвѣла въ своей веснѣ счастьемъ и силой! Святою была Жмудь въ языческія времена Бируты, но теперь еще святѣе, потому что скрываетъ большее Сокровище, чѣмъ ту надморскую дѣвицу: чудесами въ ней слыветъ Богородица, которую всѣ жмудины видѣли.» Слѣдуетъ затѣмъ описаніе бѣлыхъ одеждъ орденскихъ священниковъ и яснѣющаголика Богородицы. Затѣмъ восклицаніе: «счастлива земля наша (?), ибо имѣемъ царицу небесъ, которая съ Острыхъ воротъ и Ясной горы (сирѣчь Вильны въ Литвѣ и Ченстохова въ Польшѣ), равно какъ и на Жмуди, правитъ своимъ народомъ, будитъ въ немъ честь и любовь.» Острая Брама (Литва т. е.) Ясная Гора (Польша) и Жмудь—земля наша:—хорошъ намекъ, особенно если правитъ этою землею не царица небесъ, а какой-либо другой земной или подземный жондъ. Потомъ, говорится о какомъ-то пескѣ, кровію Христовою политомъ, который собиралъ въ Палестинѣ какой-то пилигримъ (1) устами своими и у сердца своего принесъ на родину, а теперь этимъ пескомъ усыпаны дорожки въ Кальваріи. По такимъ-то дорожкамъ шествуетъ ко кресту благочестивый народъ,—здѣсь-то въ слезахъ и пѣніи забываетъ онъ о своей недолѣ,—однимъ звучитъ голосомъ и одна въ немъ мысль—

(1) Разумѣется, кажется, епископъ Тышкевичъ, основавшій Кальварію.

крестъ Спасителя, krzyż Zbawiciela...» и вдругъ точки. А что означаютъ эти точки, видно изъ слѣдующаго: «о! только въ это мгновеніе тѣ, которые вѣкъ терпѣли (что?!), которые все потеряли (что именно?!), которые горюютъ въ своей нуждѣ и недолѣ (какой и отчего?!), теперь только подъ крестомъ Спасителя ожили надеждою (какою?) (стр. 16). Оживъ же надеждою, очень кстати могли бы они запѣть и гимнъ, выражающій надежду, что нѣкоторая страна еще добьется своего, и заключающій молитву къ Богородицѣ о дарованіи сынамъ этой страны должнаго мужества. Но гимнъ только подразумѣвается, а слѣдуетъ описаніе набожныхъ дѣйствій въ различныхъ мѣстахъ Кальваріи,—описаніе, конечно, не полное, потому что, по словамъ авторки, «ктоже можетъ описать тѣ сокровища, которыми Богородица обогащаетъ народъ Божій? здѣсь небесный хлѣбъ съ годами умножается, здѣсь застоломъ намъ служатъ Ангелы.» (Кощунство!) За молитвами слѣдуетъ проповѣдь ксендза, сопровождаемая слезами, вздохами и стонами и о, горе тому, прибавляетъ сочинительница, кто слезъ этихъ не раздѣляетъ, а думаетъ въ эту минуту о какой нибудь будущей забавѣ и, желая встрѣтить въ толпѣ кого нибудь знакомаго, съ любопытстомъ посматриваетъ по сторонамъ, — или же замышляетъ въ сердцѣ неправду противъ ближняго!» неизвѣстно впрочемъ, причислены ли здѣсь къ ближнимъ тѣ, противъ которыхъ не грѣхъ замышлять всякую неправду?.. Послѣ проповѣди конецъ службѣ; народъ расходится толпами,» «гдѣ шляхта, гдѣ убогіе, гдѣ ксендзы молодые, гдѣ *дѣвчина* молодая. А то видишь босаго мальчугана, который, изъ презрѣнія къ предателю Іудѣ, съ сердцемъ искоса поглядываетъ на его изображеніе, или же острымъ камышкомъ швырнетъ ему въ лицо, своеобразною местью портя картину.» (стр. 25). Иные же, выполняя добровольную жертву, ложатся *крыжомъ*, по приказанію проводниковъ: «кто въ первый разъ идетъ по крестной дорогѣ, такой эпитиміи избѣжать не можетъ.» Толпа расходится по домамъ, заходитъ выпитъ и закусить въ шалаши и, немного подъ хмѣлькомъ, набожно въ пути мечтаетъ

объ индульгенціи. Можетъ быть, не одинъ бѣднякъ вполпьяна въ сладкомъ снѣ видитъ этотъ свѣтлый образъ. Конечно, послѣ благочестивыхъ упражденій, мечтать въ полпьяна объ индульгенціи очень душеспасительно!... Впрочемъ, не всѣ пильгримы возвращаются домой; иныя бѣдныя женщины такъ и умирали у подножія Царицы милости,—«смерть ихъ тревожила присутствующихъ, но, ахъ! потому, что не понимали ихъ счастья.» Весь рядъ богослуженія оканчивается ярмаркою, довольно шумною, на которой по крайней мѣрѣ вина и пряниковъ вволю. Соединеніе воспоминаній о страданіяхъ Господа съ заботами о мірской куплѣ и земныхъ удовольствіяхъ, конечно, нисколько не мѣшаетъ спасенію души набожныхъ жмудиновъ! Послѣ благочестивыхъ упражненій начинается самое шумное разгулье и суета ярмарки. Всего здѣсь можно насмотрѣться: предъ глазами картина—самая пестрая и оживленная! На ярмаркѣ снуютъ цѣлыя полчища пищихъ; сочинительница обращается къ «*дѣтямъ*» съ увѣщаніемъ подать этимъ нищимъ милостыни. «Дайте же ему, дайте милостыню, дѣтки! вотъ этихъ конфетокъ (1) сладенькихъ, розовыхъ, какъ ваше сердечко.» Впрочемъ, нищіе не мѣшаютъ людямъ состоятельнымъ веселиться до упаду. Молодые люди покупаютъ пряники съ надписью и сердцемъ и дарятъ ихъ *дѣвчинкамъ*,—при чемъ эти «глаза стыдливо опускаютъ, и только живымъ румянцемъ обличаютъ признательность свою тѣмъ, кто о нихъ помнитъ.» Поэтому поводу сочинительница замѣчаетъ, что «молодая любовь часто такъ же пропадаетъ, какъ это розовое пряничное сердце, когда современемъ сойдетъ блестящая позолота; только тотъ останется вѣренъ, кто любитъ искренно.» «Близъ костела продаются образа святыхъ. Здѣсь же продаются освященные молитвенники, крестики, чотки, янтарь и множество шкаплеровъ. Каждый, кто въ Бога вѣруетъ, здѣсь покупаетъ» (стр. 34). Покупая азбучку для сына своего, маминька грозитъ

(1) Нищему конфектовъ!... Отразу видно, что проповѣдь читаетъ пани!
Ред.

ему розочкою, при чемъ въ честь розги воспѣвается гимнъ. Тѣмъ временемъ »и почтенные ксендзы, усталые отъ службы, отдыхаютъ и потѣшаются съ достойною шляхтою, и старымъ винцомъ запиваютъ здоровье пріора. Этотъ орденъ святой, въ снѣжнобѣлыхъ одеждахъ, точно ангелы Божіи, провозглашаетъ тостъ, да царица наша умножитъ сонмъ ихъ и сохранитъ съ народомъ подъ кровомъ своимъ.» — Описаніе мѣста, посвященнаго Богородицѣ, которая «счастье избранниковъ своихъ дѣлитъ съ счастьемъ согражданъ — жмудиновъ и литвиновъ, одной матери сыновъ» заканчивается слѣдующими словами: «да слыветъ же между братьями въ широкомъ владычествѣ имя великой Матери вмѣстѣ съ Кальваріею.»—Все вышеприведенное описаніе издано на польскомъ, стихами. Будетъ оно понято, или нѣтъ, все таки очевидно цѣль изданія — придать мѣсту славу, привлечь къ нему, хотя бы изображеніемъ чувственныхъ удовольствій, ожидающихъ пильгрима въ Кальваріи. Жмудь, дѣйствительно, охотно стекается туда, еще охотнѣе выпиваетъ по окончаніи дѣлъ и религіозныхъ и житейскихъ. Не знаю, отъ котораго изъ этихъ занятій и Кальварія эта названа святою. Но въ этомъ усердіи къ посѣщенію Кальваріи еще нѣтъ истинныхъ христіанскихъ чувствъ: онѣ не идутъ далѣе внѣшней набожности Мы знаемъ, что для падкаго на религіозную приманку народа не много надобно агитаціи, особенно если она ведется дѣятельно, какъ въ настоящемъ случаѣ. Песокъ, кровію Христовою облитый, чудотворный образъ, ангелы прислуживающіе за столомъ — могутъ быть весьма привлекательны, но извѣстно и то, что, для популяризаціи этого мѣста, для наполненія его народомъ, были когда-то духовною властію употребляемы и мѣры насильственныя. Объ основателѣ Кальваріи, Тышкевичѣ, епископѣ жмудскомъ, ксендзъ Богинскій пишетъ (подъ 1761 г.): «ревность къ возвеличенію славы Божіей была въ немъ даже удивительна; сурово и подъ опасеніемъ вины приказывалъ онъ, чтобы съ цѣлой нижной Жмуди ксендзы — плебаны приводили въ Кальварію толпы народа на праздникъ Благовѣщенія Богородицы, которой образъ слыветъ тамъ чудеса-

ми. Отчего на этотъ праздникъ сходились толпами до 20000 изъ Литвы, Лифляндіи, Курляндіи.» (1) Такими способами — прельщенія и насилія можно прославить какое угодно мѣсто, особенно же, если съ набожностію можно соединить немало и другихъ удовольствій. Какія бывали здѣсь чудеса, не знаю (2), развѣ нечаянная смерть бѣдныхъ старушекъ, какъ видно изъ вышеприведенной книжки, считается чудомъ? У Кояловича говорится, (3) что здѣсь происходили славныя обращенія ерстиковъ и исцѣленія цедуговъ, и даже приводится изъ 1640 г. одинъ случай воскрешенія юноши. Онъ же говоритъ, что здѣсь совершаемо было такое богослуженіе (суппликація), при которомъ многіе производили надъ собою жестокое бичеваніе (ocerrima flagellatio). Самоистязанія, вѣроятно, и теперь не вывелись, судя по сказанному о лежаніи *крыжомъ*, чему каждый, въ первый разъ путешествующій, долженъ подвергнуться непремѣнно.

Мы не рѣшили бы, на сколько, къ этой жаркой агитаціи въ пользу народныхъ святынь, присоединяется еще со стороны ксендзовъ намѣреннаго или ненамѣреннаго обмана? Вопросъ этотъ весьма щекотливъ, да и вѣра въ достоинство религіозныхъ чувствъ человѣка не позволяетъ подозрѣвать обмановъ подъ видомъ религіи. Должно однакоже допустить, что невѣжество народное часто само вызываетъ ксендза на обманъ, такъ что гдѣ болѣе религіознаго невѣжества, тамъ болѣе своекорыстнаго на него разсчета, и болѣе вообще можно предполагать обмана. Ибо еще во времена язычества литовскаго жрецы не пренебрегали и этимъ способомъ утверждать власть

---

(1) Стр. 23. См. въ Rys Dziejów zakonu kaznodziejskiego w Polsce Barącá — Львовъ, 1861. стр. 348, примѣч. 475.

(2) Николая Бардзинскаго—Fax nova, fol. Vilnae 1843, гдѣ описана Кальварія, сочиненіе очень рѣдкое, такъ что одинъ только свой экземпл. видѣлъ, ссылающійся на него Іосифъ — Андрей Залускій, еп. кіевскій и черниговскій. См. Pamiątka katolicka, Warszawa 1856, стр. 268.

(3) Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum, in m. Lithuan, duc. pertinentium, Vilnae 1650, Стр. 34—см. Rys, тамъ же.

свою надъ темнымъ народомъ. Ярошевичъ (1) говоритъ, что «жрецы умѣли пользоваться набожнымъ суевѣріемъ народа и не разъ употребляли вліяніе свое, поддержанное шарлатанствомъ.» Не будемъ распространять этого на нынѣшнюю Жмудь, весьма, впрочемъ, еще темную; но приведу все таки одинъ фактъ изъ недавно минувшаго времени. Въ одной изъ околицъ Жмуди—у рѣки стояла часовня, и былъ тоже въ ней славный чудесами образъ Іисуса Христа (или Божіей Матери—не знаю), къ которому также стекалось множество поклонниковъ. По несчасткому случаю, часовня эта сгорѣла. Что же случилось? Вдругъ помѣщикъ, котораго имѣніе начиналось по сосѣдству за рѣкою, подговариваетъ тридцать человѣкъ крестьянъ—объявить, что они сами видѣли, какъ во время пожара, изображеніе Іисуса Христа поднялось изъ каплицы, по воздуху перешло рѣку и скрылось, въ одномъ деревѣ. Пошли къ дереву, и дѣйствительно нашли стоящій на его вѣтви образъ Іисуса Христа. Помѣщикъ разсчитывалъ, что молва о чудѣ привлечетъ множество народа и образъ будетъ давать ему порядочный доходъ. Кажется, наряженное слѣдствіе помѣшало затѣѣ пана замыселъ, не удался, но кто же поручится, что не удавались другіе подобные замыслы? (2) Вѣдь знаемъ же мы, что не далѣе какъ въ Вильнѣ (у тринитаріевъ), слыла чудесами статуя Христа (Pan Jezus Antokolski), у которой каждый годъ отрастали волосы и капали слезы (при помощи, конечно, механизмовъ). Нельзя поэтому рѣшительно отвергнуть, что склонность жмудина къ чудесному, непосредственному вмѣшательству силы Божіей не даетъ повода къ разнымъ выдумкамъ со стороны пропаганды. Да и до сихъ поръ въ Кретингенѣ есть бернадинскій монастырь, также чѣмъ-то знаменитый, куда неполадившій съ сосѣдомъ жмудинъ посылаетъ въ даръ корову, съ пожеланіемъ, чтобы—«того чертъ побралъ»,—и увѣ-

(1) Ярошевичъ, т. I, § 103, стр. 180.

(2) Я самъ имѣлъ въ рукахъ распоряженіе римско-католической коллегіи виленскому епископу съ порицаніемъ за какое-то видѣніе, бывшее мальчику и вызвавшее даже крестный ходъ и подоб.

ренъ, что чортъ того «поберетъ.» Было же какое нибудь начало со стороны духовенства этому выгодному для бернардиновъ и язычества, но невыгодному для истинной вѣры, обычаю. Впрочемъ, мы здѣсь нисколько не смѣемъ заподозрить честность дѣйствій лицъ, въ настоящее время поставленныхъ у святынь мѣстныхъ.

И такъ, всякій р. католическій ксендзъ, конечно, скажетъ, что чествованіемъ мѣстныхъ святынь поддерживается въ народѣ склонность къ римскому обряду, но нельзя же отвергнуть и того, что этимъ способомъ вліянія не искореняется язычество, глубоко засѣвшее въ народѣ, а напротивъ—можетъ быть отчасти поддерживается; потому что можетъ дать пищу народному фетишизму. Народъ склоненъ къ внѣшнимъ знакамъ поклоненія, чѣмъ его удержать отъ поклоненія самому внѣшнему знаку? Естественно предполагать мысль въ человѣкѣ религіозно-развитомъ, сознательно понимающемъ вѣрованія христіанства: но въ человѣкѣ, неохристіанизованномъ, такъ сказать, нравственно, благоговѣйное почитаніе внѣшняго символа религіи замѣняетъ религіозную мысль. Радуется сердце при видѣ жмудина, поющаго религіозные гимны предъ иконами, но не самой ли иконѣ поетъ онъ гимнъ, не дерево ли, по его мнѣнію, творитъ чудо.? По крайней мѣрѣ, въ поведеніи набожнаго жмудина должно признать какое-то абсолютное предпочтеніе религіознаго символа предъ христіанскою мыслью,—внѣшняго знака предъ внутреннимъ возношеніемъ сердца къ Богу. Радость ли у него, печаль ли,—онъ бросается сейчасъ на внѣшнее дѣйствіе:—богомольное путешествіе, набожныя жертвы, внѣшняя эпитимія и под.,—вотъ исходъ его чувствъ. Все это дѣлается въ убѣжденіи, что творится по требованію, во имя и для славы религіи. Для наглядности, приведемъ въ примѣръ такъ называемыя фигуры или крыжи (кресты).

(Окончаніе впредь).

III.

ФИЗИЧЕСКІЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СѢВЕРО-ЗАПАДНИХЪ ГУБЕРНІЙ РОССІИ.

(Продолженіе).

Въ географическомъ отношеніи, говоритъ г. Зеленскій (1) минскую губернію можно раздѣлить на двѣ части, весьма рѣзко отдѣляющіяся одна отъ другой: а). сѣверо-западную - возвышенную: уѣзды новогрудскій, минскій, западная половина борисовскаго, сѣверная часть слуцкаго и западная оконечность игуменскаго, и б). юговосточную, болѣе обширную по своему пространству: 1-я занимаетъ 16,500 кв. вер. 2-я 62,000 кв. вер. „Холмы сѣверо-западной части покрыты глинистыми, песчано-глинистыми, сѣро-глинистыми и даже известковыми (въ борисовскомъ уѣздѣ) слоями намывной формаціи, почти всѣ они открыты, за исключеніемъ борисовскаго уѣзда, гдѣ они большою частію поросли лѣсомъ. Почва здѣсь плодородная, такъ что новогрудскій и слуцкій уѣзды называются Украйною минской губерніи; только въ восточной половинѣ минскаго и въ борисовскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе преобладанія песчанаго грунта, она менѣе плодородна. Напротивъ другая, низменная половина губерніи, представляетъ собою страну покрытую болотами и лѣсами. Неизмѣримыя болота и лѣса Полѣсья усѣяны различной величины островами, разсыпанными подобно оазисамъ въ степяхъ. Большая часть этихъ острововъ изобилуетъ тучною травою

(1) Матеріалы I, 114.

и представляетъ единственныя удобныя мѣста для хлѣбопашества. Тутъ только и живутъ люди, сообщаясь другъ съ другомъ по дорогамъ, пролегающимъ черезъ болота, посредствомъ воловъ, привычныхъ къ подобнымъ путямъ сообщенія, какъ въ степяхъ Аравіи сообщаются при помощи верблюдовъ. „Осушеніе полесскихъ болотъ, по мнѣнію г. Зеленскаго, есть мечта, едвали осуществимая и едвали могущая принести соотвѣтственную издержкамъ пользу (1). Всѣ сдѣланныя до сихъ поръ опыты осушки производились только нѣкоторыми помѣщиками, и то въ маломъ видѣ, по настоятельной къ тому надобности, и притомъ только тамъ, гдѣ на то не требовалось большихъ издержекъ, по удобствамъ ли стока воды, или по малому пространству самихъ болотъ. Производству просушки болотъ въ большихъ размѣрахъ препятствуетъ съ одной стороны недостатокъ рукъ, съ другой ежегодные разливы рѣкъ, затопляющихъ страну на обширныхъ пространствахъ.

Ни одинъ отдѣлъ территоріи минской губерніи не изслѣдованъ съ такою подробностію и такъ обширно, какъ гидрографія, и не напрасно. Здѣсь заключается главный узелъ водяныхъ путей, которыми, при помощи искуственныхъ работъ, связаны бассейны Балтійскаго и Чернаго морей.

Съ одной стороны р. р. Березина и Днѣпръ составляютъ непрерывную судоходную линію, частію пересѣкающую минскую губернію, а частію идущую по восточой границѣ на сѣверъ до р. Уллы, вливающейся въ западную Двину, съ другой р. р. Припеть, Пина и Яселда, пересѣкая страну съ запада на востокъ, образуютъ другую судоходную линію, соединенную каналами Огинскимъ и Днѣпровско-Бугскимъ съ судоходными линіями по Щарѣ и Нѣману, по Мухавцу, Бугу и Вислѣ. Третья судоходная жила - рѣка Нѣманъ, весьма важная для сѣверо-западныхъ губерній, также получаетъ начало въ минской губерніи. Множество мелкихъ судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ, стекающихъ съ обоихъ склоновъ водораздѣльнаго кряжа, дополняютъ въ этой губерніи обширную водяную сѣть, которая, при весеннемъ половодьи, въ предѣлахъ одной минской губерніи, имѣетъ общее протяженіе для сплава 3,035 в. и въ

(1) Матеріалы, I, 261.

томъ числѣ для судоходства 1627 в. Какъ ни значительна абсолютная цифра протяженія судоходныхъ и сплавныхъ путей минской губерніи, но, разсматривая это протяженіе въ отношеніи пространства ея площади, получаются результаты почти одинаковыя съ другими губерніями сѣверо-западнаго пространства; т. е. въ общемъ итогѣ минская губернія надѣлена водными путями почти въ одинаковой соразмѣрности, хотя авторъ приводимымъ цифрамъ желаетъ придать какое то особое значеніе.

	Пространство. Въ кв. верст. (1).	Протяженіе судоходныхъ и сплавн. путей. Версты.	На 100 квад. верстъ приходится длины водяныхъ путей. Версты.
Въ Вилен.	37,462	1,223	3,2.
— Гродн.	33,723	1,400	4
— Ковен.	35,762	1,718	4,7
Итого.	106,947	4,341	4,0
Въ Минск.	75,753	3,035	4,0

Не смотря на выгодное направленіе рѣчныхъ системъ для привоза произведеній изъ хлѣбородныхъ губерній и сбыта ихъ за границу, въ минской губерніи судоходство и сплавъ по всѣмъ вообще рѣкамъ производится въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Весь оборотъ товаровъ двигающихся по водамъ минской губерніи, по словамъ г. Зеленскаго, составляетъ 5,351,722 руб. (2) но въ этой суммѣ заключается цѣнность товаровъ на пинской пристани для дальнѣйшаго перевоза по Огинскому и Днѣпровско-Бугскому каналамъ. — Судоходные обороты этого важнаго пункта простираются до 4,337,521 въ томъ числѣ:

Грузилось въ годъ	(1850—1857)	—	1,584,678	руб.
Разгруживалось	—	—	1,908,627	—
Прошло мимо	—	—	814,216	—
			4,307,521	руб.

Собственно же грузилось мѣстныхъ продуктовъ на 388,125 руб. и разгруживалось для мѣстнаго употребле-

(1) По исчисленію военно топографическаго депо, см. Матеріалы виленской, ковенской и гродненской губерніи. *Гидрографія.*

(2) Стр. 307.

нія на 804,730 руб, т. е. надобно исключить болѣе трехъ милліоновъ изъ оборота пинской пристани произведеній другихъ губерній; — такъ что общимъ числомъ весь оборотъ товаровъ, двигающихся по водамъ минской губерніи и принадлежащихъ только ей собственно, составляетъ менѣе двухъ милліоновъ — (1,801,262 руб.); на каждаго жителя придется по 1 руб. 71 коп. Все остальное количество на сумму болѣе $3^{1}/_{2}$ милліоновъ только перевозится по водамъ минской губерніи.

Въ самомъ дѣлѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи рѣкъ— въ отношеніи судоходства и сплава, мы наталкиваемся на весьма важные естественные недостатки, при которыхъ судоходство и сплавъ возможенъ только при половодьи, т. е. въ весьма ограниченный періодъ навигаціи, въ теченіе не болѣе двухъ, трехъ мѣсяцевъ. Мелководья, отмели, извилистое теченіе, низкая вода, топкіе берега — составляютъ общіе недостатки не только малыхъ, но и самыхъ значительныхъ рѣкъ, какъ минской губерніи, такъ и всего сѣверо-западнаго пространства. Березина, Припеть, Бугъ, Нѣманъ и даже Днѣпръ терпятъ отъ переваловъ и отмелей; почему лѣтомъ движеніе судовъ, если не совершенно останавливается, то сопряжено съ величайшими затрудненіями, перегрузками и потерею времени. Не рѣдко при обмелѣніи рѣкъ наносятся поврежденія судамъ отъ присутствія въ фарватерѣ корчей и колодъ. Частые изгибы препятствуютъ употребленію парусовъ. Топкіе берега затрудняютъ употребленіе бичевой тяги. Наконецъ множество мельничныхъ плотинъ и дурно устроенныхъ мостовъ, стѣсняя живое теченіе воды на сплавныхъ рѣкахъ, составляетъ неодолимое препятствіе для движенія даже не большихъ плотовъ.— Такимъ образомъ изобиліе водъ не приноситъ значительной пользы жителямъ, вслѣдствіе капитальныхъ недостатковъ рѣкъ. Устраненіе этихъ недостатковъ въ общей массѣ не возможно: нужны слишкомъ большія усилія и капиталы, усилія превосходящія средства страны. Опыты прошедшихъ лѣтъ, для очищенія фарватера, оказались безплодными. Убиты огромныя суммы, потрачено много рабочаго труда, а естественныя недостатки рѣкъ не устранены и намъ кажется недостатки рѣкъ сѣверо-западныхъ губерній едва ли могутъ быть устранены безъ особенныхъ, чрезвычайныхъ усилій.

Каналы, устройство и содержаніе которыхъ стоитъ громадныхъ суммъ, при естественныхъ, весьма важныхъ, недостаткахъ рѣкъ, далеко не выполняютъ своего назначенія, и только Днѣпровско-Бугскій каналъ имѣетъ нѣкоторое значеніе въ военномъ отношеніи. Такимъ образомъ, по Березинскому каналу среднимъ числомъ отправляется къ рижскому порту ежегодно только на 128,514 руб. лѣса; вслѣдствіе затрудненій, на р. Уллѣ по этой системѣ могутъ двигаться только одни плоты въ весеннее время. Несравненно болѣе развито судоходство по Огинскому каналу. Среднимъ числомъ по этому каналу проходитъ въ годъ товаровъ:

Изъ бассейна Нѣмана въ Припеть на 11,277 р.
— — Припети въ Щару на 737,083 р.,

всего на 748,360 р. Въ послѣднее время, впрочемъ до 1857 г., цѣнность груза по Огинскому каналу уменьшилась на 25%; по этой системѣ, кромѣ плотовъ, двигаются суда, мелкосидящія въ водѣ, и поднимающія незначительный грузъ, барки, полубарки, шугеля и лодки. Бичевники требуютъ ежегоднаго исправленія, каждую весну они размываются, суда двигаются только на шестахъ или бичевою, почти исключительно по теченію.

Гораздо болѣе развито судоходство по Днѣпровско-Бугскому каналу; по выводамъ г. Зеленскаго — среднимъ числомъ провозится по этому каналу разныхъ товаровъ на 1,023,775 р. (1). Г. Зеленскій находитъ, что судоходство по Днѣпровско-Бугскому каналу въ 10-ть лѣтъ (до 1857 г.) увеличалось въ 5 разъ! Съ этимъ нельзя согласиться, — ошибка произошла отъ ошибочнаго метода сравненія. По нашему мнѣнію, основанному на выводахъ изъ данныхъ, взятыхъ изъ тѣхъ же источниковъ, судоходство по Днѣпровско-Бугскому каналу увеличилось не болѣе какъ на 16% (2).

Днѣпровско-Бугскій каналъ имѣетъ весьма важное значеніе для нашихъ военныхъ операцій. Такимъ образомъ,

---

(1) Описаніе Днѣпровско-Бугскаго канала отнесено къ гродненской губерніи и по нашимъ выводамъ по немъ грузовъ товаровъ на $1\frac{1}{2}$ миліона.

(2) Смотри «Матеріалы гродненской губерніи I, 377.»

въ послѣднюю войну, въ кр. Брестъ-литовскую доставлялось ежегодно военныхъ и продовольственныхъ припасовъ болѣе чѣмъ на миллiонъ рублей; въ эти же годы общая цѣнность груза по каналу увеличивалась вдвое противъ мирныхъ лѣтъ.

Во всякомъ случаѣ отъ каналовъ мы ожидали гораздо болѣе пользы, чѣмъ они приносятъ въ дѣйсвительности, если принять въ соображенiе частыя капитальныя работы и значителное ихъ содержанiе.

По характеру сухопутныхъ сообщенiй минская губернiя представляетъ также двѣ рѣзкiя особенности; вслѣдствiе прямой зависимости дорогъ отъ топографическихъ свойствъ мѣстности. Сѣверная и особенно сѣвро-западная часть; уѣзды новогрудскiй и минскiй, части слуцкаго и борисовскаго перерѣзаны достаточнымъ числомъ дорогъ, которыя хотя и не всегда удобны для движенiя тяжестей, но не представляютъ такихъ неодолимыхъ препятствiй для сообщенiя, какiя встрѣчаются въ южной половинѣ въ весеннее и осеннее время. Тутъ нетолько затруднителенъ проѣздъ простой повозки съ грузомъ, но даже всякiй, самый легкiй экипажъ съ трудомъ проѣзжаетъ по всѣмъ дорогамъ, кромѣ шоссе и почтовыхъ. Въ сѣверной части— гдѣ дороги, пролегаютъ по песчаному и суглинистому грунту, по мѣсности довольно возвышенной, состоянiе путей мало зависитъ отъ времени и погоды; дожди по пескамъ даже облегчаютъ проѣздъ, а холмистая мѣстность способствуетъ быстрому стоку воды. Только по долинамъ рѣкъ встрѣчаются затрудненiя на гатяхъ и всегда неисправныхъ мостахъ. При всемъ томъ дороги въ сѣверной части довольно сносны. Напротивъ, въ южной части, особенно въ Полѣсьи, дорогъ весьма мало, да и тѣ немногiя, проходя по непроходимымъ и топкимъ болотамъ, представляютъ безконечные ряды полуразвалившихся мостовъ и гатей. „Трудно себѣ представить и описать, говоритъ Г. Зеленскiй, всѣ затрудненiя, которыя испытываетъ здѣсь проѣзжающiй въ весенне и осеннеее время“ (1). Дороги мѣстами совершенно покрываются водою и мѣстами дѣлаются топкими, гати размываются, направленiе дорогъ узнается только по прогалинамъ въ лѣсахъ, или обозна-

(1) «Матерiалы» I, 275.

чается вѣхами. По этому проѣздъ по проселочнымъ дорогамъ прекращается на два или на три мѣсяца, а на военно-комуникаціонныхъ сопряженъ съ величайшими затрудненіями и опасностями. Даже почтовыя дороги весною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ затопляются (1).

При малой населенности страны, при массѣ болотъ, съ безконечными гатями, весьма трудно вообще поддерживать въ исправности дороги; въ Полѣсьи же, гдѣ работа цѣлаго лѣта уничтожается въ теченіе нѣсколькихъ осеннихъ часовъ, а весенніе разливы каждый разъ сопровождаются разрушеніями, мѣстными средствами и усиліями нельзя поддерживать сухопутныхъ путей сообщенія въ постоянной исправности. Огромное число рабочихъ силъ убивается на ежегодныя починки дорогъ въ Минской губерніи, и не смотря на это, поврежденія остаются неисправленными или исправляются на скорую руку. По 8 лѣтней сложности, по требованію земской полиціи, сельскіе обыватели выставляли среднимъ числомъ въ годъ:

Подводъ	107,618	на 100,000 руб. сер.
Рабочихъ (пѣшихъ) . . .	1,228,393	

Такимъ количествомъ труда сельскаго поселенія исправляются одни почтовыя и военныя протяженія, которыя составляютъ 3,912 верстъ,— стало быть ежегодная починка одной версты стоитъ 25 руб. 33 коп. и требуетъ 26 подводъ и 39 пѣшихъ рабочихъ. И неудивительно, если на каждый десятокъ верстъ протяженія дорогъ,— приходится до 135 саженъ мостовъ и гатей. Изъ суммъ земскаго сбора расходуется ежегодно до 200,000 руб. сер. на почтовую повинность, на содержаніе земскихъ почтъ, этаповъ и потребности дорожной повинности.

Общая длина шоссейныхъ, почтовыхъ и военно-коммуникаціонныхъ дорогъ составляетъ линію въ 4179 верстъ; слѣдовательно верста дороги приходится на 18¼ верст. пространства. Это отношеніе крайне не равномѣрно: къ сѣверу отъ шоссе одна верста дороги приходится на 14 квад. верс., а къ югу отъ него на 27 квад. верс. пространства т. е. вдвое менѣе (2). Прочія сѣверо-западныя губерніи представляютъ болѣе счастливыя отношенія дорогъ

(1) Тамъ же стр. 276.

(2) Тамъ же 278 и 279.

къ пространству — такъ въ гродненской губерніи на версту протяженія полагаютъ 7,75 квад. вер. площади.

При всемъ томъ, въ сѣверо-западномъ пространствѣ, дороги, особенно проселочныя, представляютъ весною и осенью большія затрудненія для перевозки тяжестей; въ мартѣ и ноябрѣ сообщенія почти совершенно прерываются; подвозъ припасовъ къ рынкамъ пріостанавливается;— тогда крайне возрастаетъ дороговизна на перевозку и появляется неравномѣрное распредѣленіе цѣнъ на предметы первой потребности. За одну конную подводу съ провозомъ отъ 25 до пуда склада платятъ въ день отъ 75 к. до 3 руб. Разница въ цѣнности продуктовъ доходитъ до 30% и болѣе.

Справедливо говорятъ, что по состоянію путей судятъ о развитіи народа. Дѣйствительно, удобство, быстрота и дешевизна сообщеній есть первое, и можетъ быть самое главное, условіе развитія и благосостоянія. Ибо чѣмъ лучше пути, чѣмъ безпрепятственнѣе по нимъ можно двигаться и перевозить издѣлія для обмѣна на другія, болѣе потребныя, тѣмъ лучше обезпечивается народное благосостояніе, тѣмъ скорѣе развиваются промыселъ и торговля, тѣмъ болѣе уравниваются цѣны на произведенія и ускоряется накопленіе богатствъ; однимъ словомъ хорошія, благоустроенныя пути служатъ и неизбѣжнымъ условіемъ довольства и богатства, и средствомъ къ усиленію нравственныхъ элементовъ. Напротивъ дурное состояніе дорогъ, множество затрудненій на судоходныхъ и сплавныхъ рѣкахъ, при безрасчетной тратѣ народнаго труда и капитала на ихъ исправленіе, полагаютъ преграды, часто неодолимыя къ обогащенію народа, къ его благосостоянію, безъ котораго не можетъ имѣть успѣховъ цивилизація.

Хорошимъ устройствомъ путей болѣе нежели всякимъ другимъ средствомъ можно ослабить вліяніе неблагопріятныхъ физическихъ элементовъ: только этимъ средствомъ можно поднять духъ народа и возвысить въ немъ нравственныя силы,—угнетенныя, забитыя, подавленныя природою и людьми. Не скоро еще разовьется въ массѣ побужденіе къ хорошему устройству дорогъ, нужна иниціатива, нуженъ огромный притокъ капиталовъ извнѣ, чтобы сѣверо-западное пространство связать внутри, и приблизить къ

центру Россіи. Мы хотимъ сказать о необходимости обдумать мѣры и средства къ облегченію судоходства на рѣкахъ и къ улучшенію дорогъ въ особенности тамъ, гдѣ крайній ихъ недостатокъ, какъ въ Полѣсьи, служитъ препятствіемъ къ развитію дѣятельности. Мы хотимъ также сказать о необходимости приблизить бѣлорусское пространство къ великорусскому посредствомъ желѣзной дороги. Къ этимъ важнымъ вопросамъ мы возвратимся впослѣдствіи, когда ознакомимся съ характеромъ нравственныхъ элементовъ.

Къ числу вліятельныхъ физическихъ элементовъ для развитія народныхъ силъ принадлежитъ климатъ, которымъ обусловливается степень производительности почвы, естественное богатство страны, энергія труда человѣка и средства его существованія. Первую попытку къ установленію болѣе точнаго взгляда на климатъ и отношеніе его къ жизни человѣка на основаніи точныхъ вычисленій и многолѣтнихъ наблюденій, сдѣлалъ въ Россіи г. Веселовскій. Въ его трудѣ приведены точныя основанія науки на изслѣдованіе причинъ вліяющихъ на здоровье и продолжительность жизни людей, на произрастенія и производительность почвы какъ слѣдствій большей или меньшей температуры, степени влажности воздуха, состоянія погоды, силы и направленія вѣтровъ, количества выпадающей воды въ видѣ дождя и снѣга, свойствъ и продолжительности временъ года. До сихъ поръ наши географы и статистики упускали изъ виду важное приложеніе климата къ нашей жизни; въ географіяхъ и статистикахъ упускались изъ виду самыя крупныя явленія природы; обыкновенно отдѣлывались общими мѣстами, съ которыми трудно было познать самую существенную зависимость нравственныхъ силъ отъ физическихъ.

Въ трудѣ г. Зеленскаго видно желаніе усвоить раціональный взглядъ на описаніе климатическихъ свойствъ минской губерніи. Но ему трудно провести было научныя положенія.

При недостаткѣ данныхъ, при отсутствіи людей, дѣлающихъ постоянныя наблюденія и изслѣдованія надъ явленіями природы, конечно не возможно установить надлежащіе, вѣрные выводы о свойствахъ и характерѣ мѣстности. Мы встрѣчаемся съ устарѣлыми данными,

частію почерпнутыми у г. Веселовскаго, частію взятыми отъ двухъ трехъ лицъ, посвятившихъ свой досугъ метеорологическимъ наблюденіямъ; а между тѣмъ не находимъ данныхъ самыхъ существенныхъ для опредѣленія вліянія климата на растительныя процессы и организмы, на причины плодородія или безплодности, на все то, чѣмъ обусловливаются успѣхи сельскаго хозяйства,— самой существенной отрасли дѣятельности бѣлорусскаго народа. Подобные пробѣлы въ матеріалахъ не одной минской губерніи, но и во всѣхъ вообще трудахъ генеральнаго штаба, происходятъ главнымъ образомъ не отъ неумѣнія группировать факты, а отъ недостатка данныхъ, отъ полнаго отсутствія наблюденій. Напротивъ г. Зеленскій въ описаніи климата минской губерніи изъ тѣхъ скудныхъ данныхъ, какія у него были подъ рукою, представилъ довольно отчетливый очеркъ.

Изъ труда г. Зеленскаго мы убѣждаемся, что температура минской губерніи вообще холоднѣе нежели въ губерніяхъ лежащихъ западнѣе ея: гродненской, виленской и ковенской; но при этомъ средняя температура лѣта и зимы почти одинакова: первое короче, а зима продолжительнѣе,—она вообще умѣренная, холодъ рѣдко опускается ниже 25°/₀. Точно также умѣренная и лѣтняя теплота. Измѣненіе температуры съ сѣвера на югъ слѣдуетъ также общему закону странъ континентальныхъ: въ южныхъ частяхъ минской губерніи средняя годовая температура на полъ градуса выше сѣверной. Въ сѣверо восточной части рѣки замерзаютъ недѣлею раньше, а вскрываются почти двумя недѣлями позже, чѣмъ въ юго-западной. При такихъ свойствахъ температуръ въ послѣдней полосѣ произрастаютъ на открытомъ воздухѣ— виноградная лоза, бѣлыя акаціи, волошскій орѣхъ; такія растенія не живутъ въ садахъ сѣверовосточныхъ уѣздовъ.

Въ минской губерніи весна начинается 17 марта, лѣто 25 мая, осень 14 августа, зима 20 октября. Между тѣмъ въ гродненской губерніи, сколько намъ извѣстно, весна и лѣто начинаются почти въ тоже время, но осень и особенно зима гораздо позже, послѣдняя цѣлымъ мѣсяцемъ. Въ Минскѣ лѣто продолжается 81 день, въ Гроднѣ 106, въ Берлинѣ 114, въ Парижѣ 131 (1).

---

(1) Матеріалы Минской и Гродненской губерніи, *Климаты*.

Полевыя работы въ минской губерніи едва начинаются въ половинѣ апрѣля; нерѣдко начало ихъ отодвигается до 20 или 23 апрѣля, а уборка съ полей кончается въ половинѣ или концѣ сентября,— такъ что періодъ полевыхъ работъ для минской губерніи продолжается не болѣе 5-ти мѣсяцевъ — въ Германіи этотъ періодъ тянется 7 мѣсяцевъ. Поэтому на полевыя работы въ минской губерніи требуется употребить труда во столько разъ больше, во сколько 7 болѣе 5. Принявъ въ соображеніе еще сравнительную степень населенности, мы приходимъ къ заключенію, что для достиженія одинаковыхъ результатовъ въ сельскомъ хозяйствѣ съ Германіей въ нашихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ приходится употребить силы энергіи въ трудѣ значительно больше.

Вообще климатъ минской губерніи служитъ ощутительною уздою къ развитію народнаго благосостоянія. Утренники весною и осенью, по причинѣ большихъ болотъ и громадныхъ лѣсовъ, ростущихъ на болотахъ, наносятъ сильные удары земледѣльцу. Какъ бы нибыли хороши всходы, но до 9 мая еще нельзя судить о степени урожая, потому что утренниками нерѣдко уничтожаютъ самыя лучшія надежды земледѣльца. Во второй половинѣ августа начинаются первыя изморози, также бѣдственныя для земледѣльца.

Въ другихъ мѣстахъ сѣверо-западнаго пространства встрѣчаются такія же явленія, наносящія бѣдствія сельскому хозяйству. Вездѣ на пространствѣ отъ западной Двины до Припети замѣчается какой то непорядокъ въ полевыхъ работахъ. Торопятся посѣвомъ, торопятся жатвою, торопятся выгономъ скота. Косятъ сѣно и въ тоже время жнутъ хлѣбъ, пашутъ озимовыя поля. Никакими положительными данными метереологіи необусловлены всѣ эти работы. Лѣтомъ рабочія силы доходятъ до столь усиленнаго напряженія, что въ селахъ и деревняхъ не остается ни одного живаго существа.

Совершенный недостатокъ наблюденія не позволялъ г. Зеленскому опредѣлить положительными выводами силу и направленіе вѣтровъ и количество выпадающей воды, а также изслѣдовать измѣненіе температуръ почвы, испареніе воды и другія явленія, имѣющія большое вліяніе

на характеръ и свойство климата минской губерніи и силу производительности ея почвы.

Можно только еще прибавить, что на низменныхъ мѣстахъ озимовыя посѣвы страдаютъ отъ весеннихъ разливовъ и отъ близкаго сосѣдства болотъ; при этомъ вымакаютъ значительныя массы посѣяннаго зерна; а въ дождливую весну озимовые хлѣба совершенно гибнутъ, такъ что нерѣдко приходится сѣять яровой хлѣбъ тамъ, гдѣ осенью былъ посѣянъ озимый.

Неменѣе скудны изслѣдованія о почвѣ и естественныхъ произведеніяхъ; послѣднія входятъ въ матеріалы какъ необходимая принадлежность програмы. Обыкновенно ограничиваются сухимъ перечнемъ породъ и видовъ растеній и животныхъ. Цѣлыя страницы посвящаются на латинскія и польскія названія. Безъ сомнѣнія Ботаника и Зоологія получатъ отъ того нѣсколько указаній, можетъ быть и весьма важныхъ; но Статистика этимъ не можетъ довольствоваться,—ей нужно знать въ какой степени развиты естественныя производительныя силы страны, въ какой зависимости растенія и животныя находятся отъ свойствъ почвы и климата, которыми обусловливается степень производительности почвы, и добываніе пищи, здоровье и жизнь человѣка.

Мы этимъ не думаемъ набрасывать тѣнь на труды г. Зеленскаго. Мы хотимъ только сказать, что у насъ еще недостаточно уясненъ методъ статистическихъ изслѣдованій физическихъ элементовъ — изслѣдованіе растительной флоры и животной фауны въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ едва начато. Въ лучшихъ и наболѣе извѣстныхъ сочиненіяхъ Юндзилла, Жильберта, Эйхвальда, Яроцкаго—описаны внѣшніе признаки растеній и нѣкоторыхъ животныхъ. Въ подобныхъ источникахъ статистикъ не много можетъ найдти нужныхъ для него данныхъ. Сила плодородія, степень питательности, болѣзни и вообще изслѣдованіе характера и свойствъ продуктовъ, поддерживающихъ жизнь человѣка, остаются недостаточно уясненными.

По нашему убѣжденію, отчетливая характеристика тѣхъ продуктовъ, которые служатъ въ пользу человѣка,— которые его кормятъ, одѣваютъ и даютъ средства къ обогащенію, принесло бы несравненно болѣе пользы въ смы-

слѣ статистическомъ, нежели перечисленіе голыхъ названій породъ и видовъ давно подмѣченныхъ наукою.

Въ обозрѣніи естественныхъ произведеній минской губерніи г. Зеленскаго мы встрѣчаемъ эти общія недостатки матеріаловъ, что впрочемъ не умаляетъ достоинства его труда въ области естествознанія.

По главнѣйшимъ произведеніямъ земли, составляющимъ источникъ народнаго богатства, авторъ раздѣляетъ минскую губернію на двѣ части. 1) *Украйну минской губерніи*, заключающую слуцкій и прилежащія части игуменскаго и минскаго уѣздовъ, гдѣ распространены *рожь, пшеница и картофель*. 2) *Лѣсистую часть губерніи*— остальные уѣзды, въ которыхъ основою доходовъ служатъ *рожь, лѣса и картофель* (1). Такимъ образомъ *рожь и картофель* служатъ главнымъ средствомъ существованія; на пшеницу же и лѣса можно смотрѣть лишь какъ на доходную статью. На разведеніе картофеля обращено повсемѣстное вниманіе, и въ послѣднее время посѣвы его достигли громадныхъ размѣровъ. Въ средніе урожайные годы минская губернія производитъ картофеля почти столько, сколько озимыхъ и яровыхъ зеренъ: перваго 3,010,000 четвертей, послѣднихъ 3,260,000. По выводамъ Лаппы, говоритъ г. Зеленскій, десятина картофеля даетъ самъ девять урожая и приноситъ дохода за исключеніемъ сѣмянъ съ десятины 62 руб. 50 к., тогда какъ десятина пшеницы даетъ 13 руб. 50 коп., ржи 9 руб. 45 коп. По этому картофель замѣтно вытѣсняетъ другіе хлѣба, особенно гречиху и овесъ, цѣны на послѣдніе постоянно возрастаютъ.

Лѣса занимаютъ болѣе половины губерніи; на богатствѣ ихъ основываются надежды многихъ землевладѣльцевъ; но по нерасчетливости помѣщиковъ, при отсутствіи раціональнаго хозяйства, они замѣтно истощаются. Столѣтніе *дубы и сосны* попадаются теперь только въ казенныхъ пущахъ. Значительно распространены *ель, сосна, дубъ и липа.* Изъ кормовыхъ растеній сѣются *вика, дервина или тимофѣева трава и коничина.*

Дѣйствіе физическихъ элементовъ на человѣка, обу-

(1) «Матеріалы» 7 I, 361.

словливая его энергію и характеръ, обнаруживая вліяніе на продолжительность его жизни выражается съ большею или меньшею силою на развитіе болѣзней, составляющихъ грустную, но неизбѣжную картину нашей жизни.

Въ этомъ отношеніи минская губернія представляетъ явленія свойственныя странамъ болотистымъ и низменнымъ. Испаренія стоячей воды, употребленіе этой воды въ пищу и питье, быстрые переходы отъ холода къ теплотѣ, отъ сырыхъ туманныхъ ночей къ жаркому дню, недостаточная пища, вслѣдствіе неурожаевъ, всѣ эти естественныя условія, которыми обстановлены здѣсь люди, порождаютъ многія болѣзни, нерѣдко принимающія эпидимическій характеръ, особенно же свирѣпствуютъ *лихорадки.* Въ низменныхъ и болотыстыхъ мѣстахъ пинскаго и мозырскаго уѣздовъ, да и во всемъ Полѣсьи, крестьяне и особенно женщины поражаются *колтуномъ* (кавтунъ). Эта странная малоизслѣдованная болѣзнь причиняетъ до безконечности разнообразныя страданія.

Какъ вредно дѣйствуютъ болота на приращеніе народныхъ силъ, можно судить по приведеннымъ г. Зеленскимъ даннымъ (1) объ относительной смертности къ родившимся младенцамъ. Среднимъ числомъ въ губерніи 14 лѣтняго возраста достигаетъ на 100 родившихся 27, а въ ней—въ пинскомъ 10%, въ позырскомъ 16,5%, въ рѣчицкомъ 17,3%. При этомъ замѣчается, что пропорція смертности младенцевъ въ уѣздахъ находится почти въ прямомъ отношеніи къ количеству болотъ. *Въ Полѣсьи умираетъ почти на 30% относительно болѣе* чѣмъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ болотъ сравнительно весьма мало.

Таковые въ общихъ чертахъ физическіе элементы минской губерніи; въ большей или меньшей мѣрѣ они повторяются и въ другихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ.

П. Бобровскій.

8 февраля.

(Продолженіе впредь).

---

(1) Матеріалы II, 519.

ЕЩЕ ДВА ТРИ СЛОВА НА СЧЕТЪ ГАЗЕТНЫХЪ ТОЛКОВЪ О ПРИМИРЕНІИ СЪ ПОЛЯКАМИ. (1)

Примиреніе съ поляками слѣлалось одной изъ модныхъ темъ современной прессы не только русской, но частію и заграничной. И „Вѣстникъ западной Россіи“ неразъ касался этой темы, но только лишь случайно, по требованію контекста, по силѣ логической послѣдовательности мыслей.—Разные органы рѣшали вопросъ о мирѣ съ поляками—каждый съ своей точки зрѣнія: съ большей или меньшею честностію, пониманіемъ дѣла и односторонностью. Въ этой разноголосицѣ порой слышались мотивы „Вѣстника,“ порой даже звуки, какъ будто выходившіе изъ враждебнаго интересамъ Россіи лагеря. Чтобы не остаться въ долгу предъ вопросомъ и моднымъ, и серьезнымъ, чтобы пополнить, на сколько то для насъ возможно, пробѣлы, оставшіеся въ статьяхъ, трактовавшихъ о примиреніи съ поляками, мы считаемъ необходимымъ сказать нижеслѣдующее.

1) Здравая логика требуетъ, трактуя о примиреніи двухъ враждующихъ сторонъ, обращать вниманіе на шансы примиренія, на желаніе его обѣихъ сторонъ. При охотѣ къ примиренію одной стороны, при желаніи продолжать вражду другой,—трактація о мирѣ становится болѣе чѣмъ излишнею. Если я иду къ своему противнику съ открытыми объятіями, съ мольбой забвенія прошедшаго, съ предложеніемъ дружбы въ будущемъ, а этотъ противникъ наровитъ поразить меня скрытымъ подъ его одеждою оружіемъ, то „такой миръ, по русской пословицѣ, хуже доброй ссоры,“ то мировая съ такимъ противникомъ

(1) Само собою, мы имѣемъ въ виду не указаніе какихъ нибудь мѣръ къ примиренію съ враждебными намъ поляками, а напротивъ, трактуемъ о безполезности, ненормальности и невозможности примиренія, которое намъ такъ часто, столь многіе навязываютъ.

Примѣчаніе. Статья эта написана еще во декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1864 года, но до сихъ поръ не могла быть помѣщена въ нашемъ журналѣ, по независѣвшимъ отъ редакціи причинамъ. Ред.

безразсудна и опасна; примиреніе съ нимъ можетъ кончиться тѣмъ, чѣмъ кончилась дружба Іоава съ Амессаемъ, котораго первый весьма любезно взялъ за бороду (1), для лобзанія, лѣвою рукою и поразилъ смертельно правою.

Тѣ, которые разсуждали о примиреніи съ поляками, упускали изъ виду эти именно простыя истины и требовали или примиренія съ нашей только стороны, упуская изъ виду нежеланіе примиренія съ польской, или старались доказать прямую невозможность примиренія съ нашей стороны. Оба эти воззрѣнія — равно несостоятельны. Съ нашей стороны никогда не было недостатка ни въ желаніи мира съ поляками, какъ славянами, какъ членами одного гражданскаго тѣла, ни въ забвеніи прошедшаго, ни въ фактическихъ доказательствахъ этого мира, этого забвенія. Вся прагматическая исторія Россіи и Польши, а особенно событія послѣдняго столѣтія, служатъ непоколебимымъ тому доказаяельствомъ. И что же? Всякій разъ, какъ только мы подходили къ полякамъ съ отверстыми объятіями, какъ только мечтали, что сдѣлали все нужное для примиренія съ ними, все, къ чему обязываетъ истинное христіанство; какъ только наша осторожность ослабѣвала, память забывала прошедшее, наружное спокойствіе, искренность враговъ нашихъ принимались нами за внутреннія,—эти враги, пользуясь нашею оплошностью, легковѣріемъ, окрѣпали внутри, строили противъ насъ новые ковы, убаюкивали насъ личиною дружбы, развивали планъ вооруженнаго возстанія, — хотѣли подвергнуть насъ участи Амессая, хотя всегда оставались при одномъ желаніи, такъ какъ сила была на нашей сторонѣ. Чегожъ еще хотятъ отъ насъ ораторы примиренія? До коихъ поръ они прикажутъ намъ мириться съ поляками — для того лишь, чтобы послѣ имѣть удовольствіе отражать удары друзей? Къ чему намъ эти эксперименты дружбы, когда за ними, какъ тѣнь за тѣломъ, всегда идутъ кровавыя катастрофы? Какъ намъ примириться съ поляками, когда ясно, какъ солнце полуденное на безоблачномъ небѣ, что поляки не хотятъ съ нами мириться, что они только притихли въ ожиданіи новыхъ политическихъ случайностей, комбинацій,—

(1) Признакъ особенной нѣжности, задушевности и искренности у жителей востока.

когда за границей революціонная агитація ихъ и интрига въ полномъ разгарѣ; когда и теперь еще существуютъ тамъ ихъ народовые комитеты и подземные жонды; когда, наконецъ, эмиссары ихъ разсылаются въ Царство и западныя наши губерніи и, благодаря покровительству и гостепріимству пановъ, ускользаютъ отъ поисковъ полиціи? Это значило бы мириться самимъ съ собою, а не съ противникомъ нашимъ.

Развѣ мы и теперь въ ссорѣ съ поляками? Избави Богъ! И давнія, и недавнія событія доказываютъ, что мы никогда не были зачинщиками вражды, никогда не нападали, даже никогда не мстили за измѣну, за безпричинное на насъ нападеніе. Мы только укрощали буйство, примѣняли статьи закона къ немногимъ агитаторамъ буйства и кровопролитія и, по выраженію парламентскому, снова „переходили къ очереднымъ занятіямъ." Но, не питая вражды къ полякамъ, мы теперь менѣе чѣмъ когда либо вѣримъ въ дружбу шляхетскую (1), въ возможность примиренія „самодержавія единицъ," — какъ весьма удачно выразился г. Юзефовичъ, — съ государственнымъ строемъ, съ самодержавіемъ высшей власти, — въ возможность примиренія самодурствъ панскихъ съ нашимъ прогрессомъ, нашими правилами и намѣреніями. Опыты вѣковъ не прошли для насъ безплодно, и мы на мѣстѣ забвенія прошлаго, на мѣстѣ безпричинной дружбы, безполезнаго примиренія, поставили въ духѣ нашемъ осторожность, недовѣріе къ полякамъ.

И къ чему намъ набиваться полякамъ съ нашимъ миромъ? Примиренія долженъ искать тотъ, кто затѣялъ вражду, кто виноватъ. Поляки глумились прежде, поглумились и теперь надъ нашею дружбой, благодѣяніями, хотѣли овладѣть нашего собственностію самыми неразборчивыми средстваеми, они и должны просить, искать примиренія. А развѣ они его не ищутъ? Быть можетъ и ищутъ—и просятъ, но не для нась, а для себя; они хотятъ миритъ насъ съ собою, но не мириться, или точнѣе-заключить съ нами не миръ, а перемиріе, во время котораго можно былобы собраться съ силами для новой борьбы съ нами. Они думаютъ еще разъ убаюкать насъ раз-

---

(1) Мы вездѣ отдѣляемъ панство, шляхту отъ народа и трактуемъ о невозможности примиренія съ первыми, а не послѣдними.

ными заявленіями своей искренности, раскаянія, обѣтовъ; но „мы уже смотримъ на всѣ эти признаки дружбы—не болѣе,—повторимъ слова Вѣстника,—какъ на сильные звуки, которые исторгнула изъ плохаго инструмента могучая рука артиста.“ Такимъ образомъ, если примиреніе съ поляками возможно, или необходимо, то не мы должны мириться съ ними, а они съ нами.

2) Но могутъ ли они съ нами примириться искренно, не наружно? Рѣшительно не могутъ. На вопросъ, поставленный такимъ именно образомъ, г. Юзефовичъ отвѣчалъ лучше другихъ—въ статьѣ, напечатанной и въ Вѣстникѣ западной Россіи (1). Отвѣтъ его сводится къ той мысли, „что съ идеей не бываетъ примиренія, что нужно или уступить ей или упразднить ее, и потому борьба съ идеей всегда ведется на жизнь и смерть.“ Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Юзефовича, оставляя въ сторонѣ внѣшніе признаки примиренія, какъ обманчивые и ничего не доказывающіе,—мы не можемъ однако не замѣтить, что идея, во имя которой идетъ у насъ вѣковая борьба съ поляками, не вполнѣ имъ исчерпана, менѣе чѣмъ на половину развита. Г. Юзефовичъ смотритъ на эту идею съ точки зрѣнія соціальной, гражданственной,—но въ этой идеѣ есть что то внутреннѣе, сильнѣе, жизненнѣе, а потому непримирѣмѣе розни соціально—политической: это рознь религіозная, это невозможность примирить папство съ православіемъ, ложный католицизмъ съ истиннымъ. Пока будетъ существовать эта рознь, до тѣхъ поръ немыслимо примиреніе съ поляками, какъ папистами, искреннее, постоянное.—Заблужденія ума не такъ упорны какъ заблуж-

---

(1) 1864 г., книж. III, Отд. 4, стр. 309—316. Мы оставляемъ въ сторонѣ одну статью, хоть и честную, но крайне не состоятельную, называющую примиреніе «моментомъ,» думающую, что вся сила примиренія съ поляками въ томъ, «что его желаютъ люди добрые» (sic), доказывающую, что «западная Россія—не Царство Польское,» что для этого примиренія «нужно поддерживать въ Царствѣ Польскомъ польскій элементъ (sic!) помимо пановъ,» что нужно создать, вмѣсто прежняго, новое «народное польское дворянство и въ тоже время «призвать русскихъ людей для устройства и оживленія этого славянскаго народа» (поляковъ) и проч., а главное, — что эта эрунда «есть плодъ долго — временныхъ и серьозныхъ размышленій.»

денія сердца. На умъ вліяетъ сила истины, накопленіе внѣшнихъ, противоположныхъ заблуждающему уму явленій, даже самая мода; а заблужденія сердца продолжаются до личнаго отъ нихъ отреченія заблуждающагося человѣка; препятствія даютъ только большую упругость ихъ упорству. И польское шляхетство, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, по неволѣ наконецъ убѣдилось бы, что поворотъ къ среднимъ вѣкамъ не возможенъ, что границы Польши 1772 г. слишкомъ давно-прошедши, что мечта возвратить ихъ слишкомъ несбыточна, что холопство кончилось однажды навсегда; но это шляхетство не скоро, быть можетъ, никогда не убѣдится въ томъ, что одно православіе есть вѣра святая, правая, вѣра Христова, апостольская, истинно католическая, что схизма—папство, а не православіе, что изъ среды только православія, какъ истиннаго христіанства, можетъ возникнуть истинная цивилизація. Если бы шляхетство и захотѣло въ этомъ убѣждаться, его удержитъ отъ этого убѣжденія, его втянетъ, въ случаѣ поворота къ соглашенію, въ кровавое столкновеніе съ нами ловкое, вліятельное, фанатическое, не примиримое папское духовенство. И безъ поворота къ этому соглашенію, это духовенство всегда было главною причиною всѣхъ почти столкновеній съ нами поляковъ. Зная, что религія составляетъ душу народа, что религіозное единеніе есть самая прочная основа полнаго, внутренняго единенія политическаго, гражданскаго, а особенно, страдая неизлѣчимою болѣзнію пропаганды, — латинское духовенство, въ теченіи 6-ти вѣковъ, навязывается съ своимъ папизмомъ Россіи, словно странѣ языческой. Проходимъ молчаніемъ интриги этой пропаганды — безплодныя, невыходившія изъ предѣловъ отвергнутой теоріи, постыднаго диспута, не удавшейся миссіи; такихъ попытокъ было предпринимаемо папствомъ безчисленное множество. Но не можемъ обойдти здѣсь интригъ враждебной намъ пропаганды, которыя оплодотворялись въ крупныхъ фактахъ, вносили въ землю русскую разладъ, смуты, мечь и огонь.— Папство сочинило и воспитало сперва одного, потомъ другаго самозванца и внесло вмѣстѣ съ ними въ Россію страшное и продолжительное междоусобіе и безурядицу; оно же было причиною того, что Москва присягнула польскому королевичу, что на русскомъ престолѣ чуть не сѣлъ

король — іезуитъ Сигизмундъ III, а Россія наводнилась цѣлыми отрядами іезуитовъ и разныхъ патеровъ. Папское духовенство было главною причиною длиннаго ряда насилій съ одной и упорной реакціи съ другой стороны, отъ которыхъ пролито столько крови, отъ которыхъ такъ измѣнилась, опустѣла и одичала западная Россія. Оно сочинило извѣстную унію,—этотъ хитрый переходъ къ папизму, этотъ ловкій маневръ къ столкновенію русскихъ съ русскими, къ подавленію въ областяхъ русскихъ русской вѣры и народности. Папское духовенство было душею возстаній польскихъ въ 30, и особенно 63 годахъ. — Возможно ли, послѣ этого, искреннее, постоянное примиреніе съ людьми, слѣпо подчинеными вліянію такого духовенства? Хорошо подмѣтилъ эту истину „Nord," когда сказалъ: „Ультрамонтаны безпрестанно указываютъ на Польшу, какъ на образецъ союза пастырей съ мірянами."

Чѣмъ, однако, объяснить такое постоянство интриги и вражды, такой длинный рядъ теоретическихъ и практическихъ притязаній папства къ православной Россіи? Скажемъ отразу, что этого явленія нельзя объяснить ни любовію папы къ Россіи, которой она у него не искала и съ его точки зрѣнія не заслуживала, — ни усердіемъ къ распространенію благовѣстія Христова, потому что Россія— страна христіянская. Чѣмъ же объяснить постоянство интриги и вражды папства къ Россіи? Это явленіе объясняется двумя властями папы—духовною и политическою. Раскроемъ это положеніе.

Подчинивъ своему первенству всю почти Европу, папа, съ понятнымъ безъ названія ощущеніемъ, смотрѣлъ на Грецію и длинную къ сѣверо-востоку полосу, населенную славянами, въ количествѣ около 80 миліоновъ, — не преклонившими предъ нимъ своихъ колѣнъ, не втянутыми имъ въ единеніе съ Римомъ — ни флорентійскимъ соборомъ, ни послѣ его. Греція скоро подпала подъ иго мусульманъ, при усердіи которыхъ къ распространеніи ислама, всякая другая пропаганда оказывалась тогда неудобною. Думалось, при томъ, въ Римѣ, что греческое правовѣріе и безъ того будетъ подавлено ученіемъ корана. Когда надежды Рима отчасти осуществились, папа сочинилъ извѣстные крестовые походы, во время которыхъ думалось разомъ олатинить и мусульманъ и неомусульманившихся

православныхъ, и во время которыхъ, безъ пользы для христіанства вообще и Рима вчастности, безъ замѣтнаго даже ущерба для корана, выказаны рѣдкіе и напрасные подвиги храбрости, пролиты моря крови, земля Палестины удобрилась костями несмѣтнаго числа героевъ, достойныхъ лучшей участи и составлявшихъ цвѣтъ тогдашней Европы. Такое же почти явленіе представляетъ и древняя Россія въ отношеніи къ властолюбивымъ притязаніямъ папъ. Во время порабощенія Россіи татарами, Римъ долженъ былъ пока сдерживать свои на нее виды. Татары уважали народную нашу религію вообще и ея представителей вособенности. Они не позволили бы безнаказанно хозяйничать папскимъ мисcіонерамъ въ покоренной ими странѣ, хоть бы по неумѣнью различить интригу религіозную отъ политической. Но послѣ сокрушенія Россіей на себѣ оковъ татарскихъ, папы пустили въ ходъ всѣ свои средства—наложить на нее оковы римскія. Они даже не разъ сочиняли что-то въ родѣ крестовыхъ противъ нея походовъ. Всему свѣту извѣстны эти попытки и ихъ послѣдствія. Вѣстникъ неразъ касался ихъ и еще будетъ касаться—не—однажды (1). Но не въ томъ дѣло въ настоящемъ случаѣ, что папы не щадили своихъ усилій навязать свою схизму тѣмъ, которыхъ они такъ неудачно называютъ схизматиками, а въ томъ, что эти схизматики всякій разъ давали сильный отпоръ пропагандѣ римскихъ первосвященниковъ и ихъ мисіонеровъ. Эта упругость реакціи терзала душу мнимаю главы всего христіанства чувствами вовсе не христіанскими: неудачи удвояли усилія съ его стороны, вражда папства къ православію росла и укоренялась вѣками, досада за отверженіе папской доктрины большими милліонами какихъ нибудь скиѳовъ, когда предъ нею преклонились почти всѣ такъ называемыя просвѣщенныя націи Европы, когда изображеніе креста Господня на папской туфлѣ лобызали короли и императоры, — такая досада не можетъ уменьшаться отъ времени въ душѣ людей, сдѣлавшихъ властолюбіе задачею жизни и дѣятельности, вселенское преобладаніе—мечтою, ни на минуту не покидавшею души авгу-

(1) Прекрасно и всесторонно исчерпалъ эту тему графъ Д. А. Толстой въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: «Римское католичество въ Россіи» Парижъ. 1863—64 г.

стѣйшаго епископа. Можно ли, послѣ этого искренно примириться намъ съ такою главою и ея членами? Отвѣтъ очевиденъ.

Причины догматико-каноническія немало также вліяютъ на невозможность примиренія папистовъ съ православными, на упорство во враждѣ первыхъ къ послѣднимъ. Извѣстно всѣмъ, знакомымъ хоть поверхностно съ церковною исторіей, что отпаденіе церкви римской отъ единенія съ церковью Христовой, апостольскою, вселенскою произошло единственно отъ честолюбія римскихъ первосвященниковъ,— изъ стремленій ихъ къ преобладанію духовному и мірскому надъ всѣмъ міромъ христіанскимъ. Но такъ какъ оказывалось неудобнымъ — формулировать самую непримиримую съ христіанстомъ страсть, какъ главное основаніе, какъ единственный поводъ къ схизмѣ съ церковью восточною, то папы прибѣгли къ выдумкѣ обрядовыхъ, каноническихъ и догматическихъ *quasi* разнорѣчій этой церкви съ римскою,—*quasi* истинно христіанскою. Самымъ сподручнымъ для того средствомъ они сочли подлогъ и произволъ. Съ этой цѣлью, они принялись за прибавки и позднѣйшія приписки къ твореніямъ св. Отцевъ, даже къ постановленіямъ вселенскихъ соборовъ,—увѣряя легковѣрныхъ въ автентичности (подлинности) этихъ приписокъ, будто существующихъ въ подлинникахъ, случайно открытыхъ въ разныхъ укромныхъ мѣстахъ, и цитируя эти композиціи въ подтвержденіе своихъ выдумокъ, и преимущественно законности своихъ властолюбивыхъ притязаній на господство надъ вселенскою церковью. Только въ XII вѣкѣ окончательно установилась въ римскомъ символѣ извѣстная прибавка къ никейскому—„*Filioque*“ (и отъ Сына (1), понадобившаяся, очевидно, какъ догматическое различіе церкви восточной отъ западной, какъ коренной поводъ къ отпаденію отъ первой, какъ предлогъ къ законности анаѳемы.

Чтожъ? быть можетъ, обманывая другихъ, папы съ

---

(1) Папы отъ того не посмѣли внести въ свой символъ ни своей мірской власти, ни главенства надъ церковью, что это было бы ужъ слишкомъ съ ихъ стороны богохульно и не осторожно, что прибавокъ былобъ ужъ слишкомъ много.

тѣмъ вмѣстѣ и сами обманывались на счетъ подлинности подобныхъ прибавокъ? Едвали. Папы не могли не знать, что этихъ прибавокъ нѣтъ въ подлинникахъ греческихъ, что эти прибавки сдѣланы не безъ согласія, не безъ приказанія папъ. Они настолько учены вообще, и въ богословскомъ отношеніи въ особенности, что подобное заблужденіе съ ихъ стороны просто немыслимо. Странно было бы допустить такое невѣжество въ развитомъ клирикѣ, тѣмъ болѣе въ главѣ римской церкви. Не менѣе ясно папы сознаютъ и разногласіе практики римской церкви съ церковью Христовой,—пріемовъ распространенія папскаго ученія съ пріемами распространенія ученія Христова— апостолами. Въ школѣ папской пропаганды формулированы всѣ средства, ведущія къ цѣли— главенству папы. По ея ученію, можно быть прозелиту полу-язычникомъ, полу-мусульманиномъ, лишь бы онъ подчинился безусловно господству римскаго первосвященника; можно пожертвовать немножко ученіемъ Христовымъ въ пользу иныхъ обрядовъ, привычекъ, страстей прозелита, лишь бы онъ крестился и сдѣлался послушнымъ сыномъ римской церкви и машиной въ рукахъ патера — миссіонера. Въ случаѣ упорства прозелитовъ, позволительны тоже всѣ роды и виды большихъ и меньшихъ насилій— нравственныхъ и физическихъ: обманъ, интрига, шарлатанство, подкупъ, наружное смиреніе, человѣколюбіе, а въ случаѣ безопасности и перевѣса матеріальной силы на сторонѣ миссіонеровъ,—и рабство, насиліе, грабежъ, пытки, казни, вооруженное обращеніе въ латинство. Если прослѣдить со вниманіемъ исторію папской пропаганды, то окажется, что всѣ почти прозелиты папства завлечены въ него однимъ или нѣсколькими изъ указанныхъ сейчасъ средствъ, и весьма рѣдко путемъ, указаннымъ и освященнымъ Христомъ и апостолами,—путемъ проповѣди евангельской, безъ всякихъ другихъ вспомогательныхъ средствъ,—путемъ нравственнаго убѣжденія, вразумленія, воздѣйствованія на умъ и сердце прозелита. Очевидно, что, по доктринѣ папской, христіанство должно дѣлать всевозможныя уступки ультрамонтанству, очевидно, что пропаганда римская освятила самыя антихристіанскія средства прозелитизма, самыя вопіющія насилія человѣческой совѣсти.

Теперь повернемъ медаль на другую сторону. Ясно видя въ своемъ христіанствѣ произволъ наростовъ чисто человѣческихъ, сознавая нечистоту пріемовъ своей пропаганды,—папы не могли въ тоже время не видѣть, не сознавать въ глубинѣ своего духа чистоты и святости восточнаго православія. Они видятъ, что оно, не смотря на бури и вихры политическіе, стоитъ незыблемо, неизмѣнно, въ томъ самомъ видѣ, простотѣ, правотѣ и чистотѣ, въ какихъ оно стояло назадъ тому 18 вѣковъ,—утвержденное, и завѣщанное міру Христомъ и апостолами; они видятъ, что оно есть то именно христіанство, которое запечатлѣно кровью мучениковъ, одержало, безъ всякихъ внѣшнихъ средствъ, побѣду надъ язычествомъ, которое раскрыто, объяснено, примѣнено къ церковной и бытовой практикѣ ближайшими преемниками апостоловъ, великими, вселенскими учителями первыхъ вѣковъ христіанства, которое очищено отъ всѣхъ еретическихъ лжеученій и однажды навсегда — до скончанія міра-утверждено 7 вселенскими соборами,—короче, что оно есть то самое христіанство, котораго, по изреченію истинной Главы Церкви; не одолѣютъ и врата адова. Не могутъ папы не видѣть и слишкомъ замѣтнаго контраста въ миссіи церкви восточной отъ миссіи церкви западной. Они видятъ, что эта миссія, подобно своему ученію,—чисто апостольская, духовная,—бесъ всякой примѣси нетерпимости, фанатизма, физическихъ насилій, разныхъ интригъ и низостей,—безъ всякой потачки слабостямъ, суевѣрію, страстямъ и заблужденіямъ человѣческимъ, безъ внѣшнихъ приманокъ, безъ политическихъ происковъ, революцій, захватовъ власти, мірскаго преобладанія,—безъ всѣхъ, то есть, средствъ, въ которыхъ нуждается доктрина неправая, софизмъ, натяжка, притязательность, произволъ,—лишенныя внутренней силы и правды, свѣта и привлекательности; но въ которыхъ вовсе не имѣетъ нужды ученіе свѣтозарное, безгрѣшное, божественное, подобно тому какъ не имѣетъ нужды въ искуственныхъ, утлыхъ подпоркахъ скала гранитная, небоящаяся ни бурь, ни времени, ни огня, ни наводненія. Папы видятъ все это, и душу ихъ терзаютъ человѣческія страсти. Святое православіе для нихъ—громкая укоризна въ ихъ схизмѣ, грозный и неумолкающій обличитель ихъ человѣческой доктрины, ихъ произвола и

тщеславія. Чистота православія невольно обращаетъ на себя вниманіе лучшихъ христіанъ инославныхъ, сдѣлавшихъ изученіе христіанства задачею своей жизни, тогда какъ хилыя подмостки, на которыхъ держится доктрина папская, подламываются, подтачиваются и временемъ, и наукой, и даже самими папистами. Папы должны или уступить внутренней силѣ православія, или сокрушить эту силу внѣшними средствами: интригой, пропагандой, насиліями. Они всегда избирали и избираютъ послѣднее. Безъ долгаго раздумья, они отказались бы отъ исхожденія Св. Духа „и отъ Сына," отъ пріобщенія мірянъ подъ однимъ видомъ, отъ безбрачія духовенства и отъ всѣхъ другихъ позднѣйшихъ наростовъ и уклоненій отъ догматики и практики церковной, какъ и отказывались отъ нихъ неоднажды; но они не могутъ уже добровольно отказаться отъ своего главенства въ церкви вселенской, отъ своей мірской власти. Что было причиною отдѣленія церкви римской отъ единенія съ восточною, тоже самое будетъ и препятствіемъ къ примиренію первой съ послѣднею до тѣхъ поръ, пока римскіе первосвященники не отрекутся отъ своего самозванства и честолюбія, пока они не проникнутся смиреніемъ Того, намѣстниками Котораго такъ безцеремонно и святотатственно величаются. Дождется ли христіанство этого отреченія со стороны папъ?.. Едвали! Гордость есть такая язва человѣческаго духа, которая прекращается съ жизнію человѣка. По крайней мѣрѣ со стороны папъ не сдѣлано еще ничего въ родѣ уступки требованіямъ христіанскаго смиренія, тогда какъ попытки къ подавленію православія, къ заглушенію сильнаго съ его стороны протеста противъ самовластія папъ, постоянны, неукротимы, непрерывны, разнообразны.

Такъ какъ папскую доктрину, болѣе или менѣе искренно, исповѣдуютъ всѣ паписты; такъ какъ ультрамонтанизмъ соприкасается всѣмъ сословнымъ интересамъ обществъ, исповѣдующихъ эту доктрину, проникаетъ, внутренними и внѣшними путями, всѣ поры жизни общественной и политической: то весьма понятны для насъ тѣ столкновенія, въ которыя какъ будто случайно, безпричинно вступалъ западъ съ православною Россіей; то и на столкновеніе съ нами поляковъ должно смотрѣть

почти какъ на столкновеніе папства съ православіемъ, и причинъ невозможности искренняго и постояннаго примиренія съ нами поляковъ болѣе нужно искать въ розни религіозной, въ агитаціяхъ и интригахъ ультрамонтанскихъ, въ непріязненной намъ цивилизаціи запада, **выработанной папствомъ**, нежели въ какой либо другой розни; то и возможность искренняго примиренія съ поляками мыслима только подъ условіемъ уклоненія сихъ послѣднихъ отъ этой цивилизаціи, отъ подстрекательствъ, отъ нравственной и матеріальной поддержки, какія всегда находили въ западѣ поляки,— эти застрѣльщики западнаго папства въ борьбѣ съ православіемъ,—и, помѣрѣ этого удаленія отъ запада,—постепеннаго сближенія духомъ, тѣснѣйшаго сродства съ тою цивилизаціей, которая, по своей простотѣ, неиспорченности, естественности и сообразности съ идеей истиннаго христіанства и требованіями натуры славянской,—кажется такою немодною, странною, чуждою, ретроградною для одряхлѣвшаго отъ всевозможныхъ излишествъ и неестественностей запада. Такъ, для больнаго кажутся несносными условія жизни человѣка здороваго; такъ, для человѣка съ порчеными легкими пріятнѣй и пелезнѣе воздухъ скотнаго двора, чѣмъ самое чистое, живительное вѣяніе майскаго утра въ швейцарской долинѣ, такъ, для больнаго зрѣнія несносенъ чистый и живительный свѣтъ безоблачнаго неба.

Этихъ истинъ не отвергаетъ и самъ западъ и заявляетъ періодически фактическіе и теоретическіе признаки своей къ намъ зависти и ненависти. Мы никогда не подавали западу повода къ этимъ чувствамъ, а между тѣмъ прослѣдите со вниманіемъ его къ намъ отношенія, столкновенія, и вы увидите въ нихъ какіе то особые эпизоды, не примѣнимые ни къ какимъ другимъ столкновеніямъ,—вы не увидите причинъ къ нимъ ни территоріальныхъ, ни фактическихъ, ни политическихъ, вы увидите только предлоги, формулированные именемъ, прикрытые quasi законностью этихъ причинъ, и подъ ихъ личиною подмѣтите вражду къ нашимъ убѣжденіямъ, нашей **особенности**, нашимъ добродѣтелямъ, не поддающимся искушенію запада,—подмѣтите опасеніе нашей внутренней, непочатой, не растраченной въ пресыщеніяхъ, окрѣпшей въ борьбѣ съ нимъ, силы,—желаніе обезопасить себя отъ этой силы,

или сокрушить ее. Вотъ почему мы встрѣтились съ западомъ на поляхъ Бородина, подъ стѣнами Севастополя; вотъ почему мы чуть чуть не встрѣтились съ нимъ назадъ тому около двухъ лѣтъ подъ стѣнами Варшавы, или другой окраины России, вотъ почему мы такъ много встрѣчали папистовъ Итали, Венгріи, Франціи, Австріи и др. въ рядахъ польскихъ бунтовщиковъ, и не встрѣтили въ нихъ почти ни одного протестанта. Эти истины, наконецъ, открыто признаны и формулированы въ такомъ органѣ, который можно считать, въ послѣднее время, выраженіемъ идей, убѣжденій и желаній всего папскаго запада: „Обращеніе Польши въ греко-русскую схизму (?!) было бы самымъ гибельнымъ ударомъ, нанесеннымъ нравственнымъ и матеріальнымъ интересамъ запада. Когда мы нападаемъ на католическую политику Франціи, Италіи, Австріи, Испаніи, мы имѣемъ предъ собою представителей прошедшаго, которое было нашимъ, — людей нашей породы, которые, подобно намъ, принадлежатъ къ западной цивилизаціи. Наши ссоры съ партіей ультрамонтанской, клерикальной, теократической — ссоры междоусобныя... Вопросъ между нами идетъ о различныхъ видахъ галло — латинской цивилизаціи... на Россію же мы смотримъ совершенно иначе. Она для насъ — непротивникъ; она — врагъ (спасибо за откровенность, хоть и напрасную; мы въ этомъ давно были увѣрены). Она принадлежитъ къ міру совершенно отличному отъ нашего.... Она вовсе не прошла сквозь воспитаніе католическое (благодареніе Богу!) и ѳеодальное (снова благодареніе Богу!)... (1) Все, что теряетъ католицизмъ на Востокѣ, обращается въ выигришъ России. Вотъ почему мы привѣтствовали обращеніе болгаръ и сирійскую экспедицію, предпринятую нашимъ правительствомъ съ цѣлію увеличить латинское вліяніе у восточныхъ христіанъ. Вотъ почему мы теперь (въ іеремиадѣ о закрытіи нѣкоторыхъ монастырей въ Польшѣ) оказываемся въ согласіи съ „Le Monde,“—нашимъ ежедневнымъ противникомъ (умилительная картина обнимающихся друзей!) для того, чтобъ

(1) Мы здѣсь проходимъ молчаніемъ бранчивыя выраженія, обличающія безсильную злобу и не относящіяся къ дѣлу.

оплакивать вмѣстѣ съ нимъ уменьшеніе католическаго элемента въ Польшѣ.“ Не забудьте, читатель, того, что (снова повторимъ) это приговоръ всего запада, что это говоритъ органъ человѣка, стоящаго въ главѣ французской админстраціи (сейчасъ за Наполеономъ III),— могущественнѣйшей представительницы папскаго запада, что это говоритъ человѣкъ болѣе откровенный, менѣе другихъ способный удержаться, въ пылу гнѣва, отъ маскировки подлинныхъ своихъ идей и ощущеній, что это говоритъ врагъ папы, врагъ клерикальной партіи, умышленно избѣгавшій въ поцитованной тирадѣ словъ: „папа, папство, папскій,“—когда онѣ были совершенно неизбѣжны,—короче: что это говоритъ „l'Opinion Nationale,“ органъ Пале-ройяля или принца Наполеона, вице-президента тайнаго—государственнаго совѣта. Если уже онъ сошелся въ мнѣніи, на счетъ отношеній запада къ Россіи, съ клерикальною партіей; если онъ ставитъ въ безконечную оппозицію папство съ православіемъ и въ одномъ „католичествѣ“ ищетъ основанія для приговора: „Россія для насъ—непротивникъ, она врагъ; то на счетъ убѣжденія другихъ органовъ, мнѣнія другихъ западниковъ, мы еще менѣе можемъ сомнѣваться. Если кто изъ нихъ и молчитъ, или высказывается не такъ ясно; то это объясняется только его сдержанностью, боязнью, осторожностью, умѣньемъ сберечь тайну души своей отъ профанаціи, измѣнить ей скорѣе фактически, чѣмъ въ болтовнѣ,—воспользуемся вульгарнымъ терминомъ,—вызванной изъ тайниковъ духа какой нибудь страстью, увлеченіемъ.

Многое можно бы здѣсь сказать, посовѣтовать русскимъ-православнымъ, но мы не хотимъ конкуррировать въ дѣлѣ откровенности съ l'Opinion Nationale и предоставляемъ русской смѣтливости и такту дополнить наше умолчаніе. Мы только не можемъ не повторить, при настоящемъ удобномъ случаѣ, слѣдующей фразы „Вѣстника западной Россіи“, которой объясненію почти и посвящена настоящая статья, именно: „съ полякомъ еще какъ нибудь, когда нибудь, мы могли бы помириться, но съ папистомъ (особенно польскимъ)—никогда!“

. . . . ъ.

IV.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ,

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

и

СЫНА ЕГО ВОЛОДИМІРА.

(*Продолженіе*).

Часть II.

VIII.

Радостная вѣсть.

Со временъ Олега, людъ лядскаго рода *радимичи*, жившій на пространствѣ, гдѣ нынѣ лежатъ могилевская и частію витебская губерніи,—постоянно и своевременно присылали великимъ князьямъ кіевскимъ положенную отъ нихъ дань. Услыхавъ же что ляхи, жившіе по городамъ *червенскимъ*, сопротивлялись великому князю дань давать, вздумали и сами послѣдовать ихъ примѣру.

— Въ положенное время не прибыли послы радимичей въ стольный градъ Кіевъ. Донесли великому князю, что: ляхскій людъ *радимичи* дани не платятъ и повозъ не везутъ. Потому что радимичи отъ рода ляховъ, а всѣ ляхи съ поконъ-вѣка, людъ такой, который честнаго слова не хранитъ и всегда готовъ измѣнить данной *ротѣ*. «Наказалъ я *червеньцевъ*, *перемышлянъ* и ихъ братьевъ, накажу я и радимичей;

заставлю ихъ силою дань давать и повозъ везти,» сказалъ великій князь. И вотъ для этого то великій князь и отправилъ противъ радимичей свои передовые вои подъ начальствомъ воеводы Волчьяго-Хвоста, и располагаетъ самъ выступить съ главными воями, въ слѣдъ за Волчьимъ Хвостомъ. Въ то время, когда Волчій Хвостъ отплылъ на судахъ вверхъ по Днѣпру, въ Кіевъ, со всѣхъ окружныхъ градовъ и селъ стекались рати, готовясь, по повеленію великаго князя, выступить подъ его предводительствомъ въ поле. Радимичи еще со времени Олега считались кіевлянами за людъ хотя не богатый золотомъ и серебромъ, но имѣвшій въ избыткѣ *скоры*, медъ, воскъ и всякую звѣрину. Кіевскіе славяне знали, что радимичи храбры и многолюдны, что побѣда надъ ними не легко должна достаться великому князю.

Приближенные къ великому князю воеводы: Добрыня, Свѣнельдъ, Асмудъ, Воростеславъ и много другихъ, даже высказывали Влодиміру ту мысль, что воевода Волчій Хвостъ отправился съ такою малою ратью, и такъ наскоро, что даже всякаго оружія мало взялъ съ собою, а потому легко можетъ положить въ битвѣ съ радимичами и свою голову и головы всѣхъ до единаго, своихъ вонновъ, говорили даже, что если это случится, то великому князю будетъ не честь и слава, а худая молва по всему свѣту разнесется и покоренные червенскіе города, пожалуй, вновь отложатся отъ кіевскаго княженія...

Великій князь призадумался.

— Въ самомъ дѣлѣ, воевода мой Волчій Хвостъ, что можетъ сдѣлать съ какими нибудь тремя стами воиновъ, противо нѣсколькихъ тысячь радимичей! Да, надобно спѣшить къ нему на помошь, сказалъ Владиміръ, въ отвѣтъ на слова своихъ совѣтниковъ.

— Завтра, въ полдень, я выступлю изъ града. Готовы ли суда для воевъ? спросилъ онъ.

— Готовы великій князь, и нѣсколько дней съ годины на годину всѣ вои ожидаютъ твоего приказа отправиться противъ враговъ.

— Да, завтра и отправимся, произнесъ великій князь. Было замѣтно всѣмъ, что Владиміръ отчаявался за успѣхъ Волчьяго Хвоста въ битвѣ противъ радимичей. Онъ даже и самъ уже предъявлялъ сожалѣніе, что рѣшился его одного отпустить и на слова Добрыни:

— Зачѣмъ же, ты, великій князь, отпустилъ Волчьяго Хвоста съ такою малою ратью? отвѣчалъ:

— Онъ самъ того хотѣлъ.

— Видно на собственную погибель, сказалъ Асмудъ.

Свѣнельдъ тяжко вздохнулъ, и какъ бы въ утѣшеніе себѣ и присутствующихъ произнесъ:

— Чудо богатырь! одинъ стоитъ тысячи воиновъ! Да у тебя, великій князь, и каждый воевода, преданный тебѣ,— чудо богатырь, а ляхъ храбръ изъ за печки, да въ лѣсу и трусъ, какъ заецъ, въ чистомъ полѣ.

Всѣ засмѣялись и признали что Свѣнельдъ отчасти былъ правъ.

Твоими бы устами да на пиръ, проговорилъ великій князь, обратясь къ Свѣнельду, конечно слава Хробла тебѣ дорога...

Угостивъ, по обычаю, своихъ воеводъ и нарочитыхъ мужей сладкимъ медомъ, великій князь отпустилъ ихъ, приказавъ наутро быть готовыми къ отплытію вверхъ по Днѣпру. Когда совѣтники ушли отъ него, онъ приказалъ позвать къ себѣ попа Григорія. Это было дѣло необыкновенное. Въ первые годы своего княженія, великій князь не хотѣлъ и слышать о крещеныхъ, но со времени принесенія въ жертву варягъ—христіанъ Іоанна и Θеодора, сердце его какъ то особенно смягчилось для крещеныхъ и, посѣщая свой берестовскій теремъ, онъ почти всегда спрашивалъ у своихъ одринницъ крещенокъ: часто ли онѣ бываютъ на Аскольдовой могилѣ. видятъ ли мать и невѣсту Волчьяго Хвоста, распрашивалъ у нихъ о разныхъ подробностяхъ жизни аскольдовцевъ и даже часто имъ говорилъ, что онъ хорошо знаетъ вѣру крещеныхъ, что когда еще сосалъ материнское молоко, то уже слышалъ молитвы крещеныхъ, даже закону христіанскому учила его бабка его. Отрадно было слушать такую рѣчь крещенкамъ, но одринницы,— поклонявшіеся древнему богу, убѣгали, когда великій князь начиналъ говорить о крещеныхъ.

Привезли на повозѣ великаго князя дряхлаго старца, попа Григорія. Два отрока осторожно сняли его съ повозы и, поддерживая подъ руки, ввели въ гридницу берестоваго терема. Великій князь сидѣлъ у стола въ ожиданіи попа.

Когда только ввели попа на порогъ гридницы, князь всталъ съ своего мѣста, приблизился къ нему, взялъ его за руку, не допустивъ, чтобы онъ кланялся ему, и усадилъ его въ мягкое и покойное свое сѣдалище.

— Ты у меня дорогой гость, началъ рѣчь великій князь. Ты здѣсь въ первый разъ?

— Въ первый разъ. Ты все заново отдѣлалъ, княже. Не такъ здѣсь было при жизни твоей блаженной памяти бабки, великой княгини Ольги...

Попъ склонилъ голову къ груди и замѣтно было, что на потухающихъ его очахъ заблистали слезы...

— Попъ, Григорій! Не могу я тебѣ всего высказать, что лежитъ у меня теперь на сердцѣ; но сколько горестнаго въ немъ лежитъ столько же и утѣшительнаго. Я намеренъ много сдѣлать перемѣнъ въ моемъ княженіи... Я тебѣ одному открою мое сердце; и открою потому, что вижу, ты одинъ можешь мнѣ сказать нелицемѣрную правду: тебѣ ничего не осталось здѣсь — на землѣ, никакія почести тебѣ не нужны, злато ты отвергаешь, ты на землѣ, да не земной житель.

Отецъ Григорій слушалъ рѣчь князя и безмолствовалъ.

— Завтра я хочу отправиться съ воями вверхъ по Днѣпру, противъ ляховъ...

— Напрасно!

— На помощь моему воеводѣ: онъ взялъ только горсть войновъ.

— Напрасно. Побѣду надъ строптивыми ляхами тебѣ даровалъ Господь Небесный. Твой воевода разбилъ наголову и потопилъ въ болотахъ ляховъ, и ты объ этомъ скоро получишъ вѣрную вѣсть. Господь во снѣ мнѣ это открылъ, и я тебѣ доношу о совершившейся побѣдѣ.

— Тебѣ Богъ открылъ? въ недоумѣніи произнесъ великій князь. — О, если это справедливо, если Волчій Хвостъ разбилъ наголову ляховъ — радимичей, я вознесу молитву Богу.

— Богу небесному, Богу, который даровалъ чрезъ воеводу — христіанина тебѣ побѣду, а не богу перуну, не деревянному истукану, предъ которымъ ты позволилъ когда-то приносить въ жертву живыхъ людей, въ честь также одержанной тобой побѣды надъ ляхами...

Нѣтъ, нѣтъ, отче Григорій! я принесу благодареніе Богу небесному, тому Богу, которому учила меня молиться моя бабка, великая княгиня Ольга, и которому дѣйствительно я молился когда былъ дитятей...

— Да, побѣду тебѣ даровалъ Господь! — Спокойно и торжественно еще разъ проговорилъ попъ Григорій, постоянно сидѣвшій отъ дряхлости съ опущенною внизъ головою...

— Я желалъ видѣть тебя, старче, вотъ по какому случаю: нѣсколько дней назадъ пріѣхали въ городъ мой и были у меня въ каменномъ теремѣ послы изъ Рима и предлагали мнѣ принять ихъ вѣру. Еще прошлое лѣто привозили ко мнѣ дань и дары болгары и также предлагали мнѣ свою вѣру. Жиды, узнавъ отъ римлянъ, зачѣмъ они прибыли сюда, явились сегодня ко мнѣ и, хуля вѣру болгарскаго народа и римлянъ предлагали принять ихъ законъ, какъ дарованный имъ прямо отъ Бога небеснаго.

— Что же ты отвѣтствовалъ?

— Болгары говорили мнѣ, что я князь мудрый и разумный, а не знаю закона. Я ихъ спросилъ: какая вѣра ваша?

— Вѣруемъ Богу. Бохмитъ (1) нашъ приказалъ исполнять обрѣзаніе, не ѣсть свинины и вина не пить, по смерти же Богъ пошлетъ жену красную, которая будетъ имѣть всѣ красоты всѣхъ красныхъ женъ.

— Что же ты имъ отвѣчалъ?

— Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти.

— Что римляне тебѣ сказали?

— Что они посланы отъ папежа (2), что папежъ повелѣлъ сказать, что земля моя, какъ и земля папежа, а вѣра моя не такая, какъ вѣра римская, вѣра же римская есть свѣтъ; римляне поклоняются Богу, сотворившему небо и землю, звѣры и мѣсяцъ и всякое дыханіе; что боги славянскіе — не боги, а бревна.

— Это истинно; что дальше?

— Въ чемъ же законъ вашъ? спросилъ я папежскихъ посланцевъ, и они отвѣтили мнѣ.

— Въ постѣ, по возможности, впрочемъ кто что пьетъ и ѣстъ, все доброе творитъ.

— Что же ты папежскимъ посламъ отвѣтилъ?

— Идите вы отсюдя! папежской вѣры отцы наши не приняли и я не приму.

— Мудро ты отвѣтилъ: папежцы людъ крещеный, вѣруютъ они въ Бога истиннаго, во многомъ они одинаково чтятъ Бога, какъ и мы — крещеные, но во многомъ они извратили святой законъ, и нѣтъ имъ полной благодати отъ Господа.

(1) Магометъ.

(2) Встарину такъ звали папу.

— Пошли, великій княже, нарочитыхъ мужей испытать каждую вѣру, и если найдутъ вѣру истиннѣе вѣры греческой, которую мы кіевскіе—крещеные исповѣдуемъ, то испытай самъ всѣ вѣры и по испытаніи прими уже ту, которую найдешь лучше по твоему мудрому разсужденію. Самъ Богъ, въ такомъ важномъ дѣлѣ, просвѣтитъ твой умъ и сердце. Помни, что князь Аскольдъ и Диръ приняли вѣру греческую, а послѣ нихъ ту же вѣру приняла мудрая твоя бабка и твоя мать...

Великій князь съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ рѣчь старца Григорія, и когда онъ умолкъ, Владиміръ сказалъ.

— Понимаю, что ты сказалъ мнѣ истину. Иначе я и не могу поступить какъ послать нарочитыхъ мужей испытать разныя вѣры. Я знаю вѣру грековъ, — вѣру твою. Дитятей я молился Богу небесному; моя мать и моя бабка научали меня и молитвамъ, и творить крестное знаменіе. Отецъ мой не желалъ чтобы я былъ крещеный, онъ оторвалъ меня отъ моей бабки, не то она бы успѣла склонить отца моего, чтобы я былъ крещенъ, и я не былъ тому противенъ... Сердце мое говоритъ мнѣ, что истинная вѣра есть вѣра грековъ, но безъ испытанія принять ее мнѣ и заставить принять народъ мой какъ то будетъ противно духу каждаго. Лучше, когда и народъ мой будетъ твердо убѣжденъ, что нѣтъ вѣры святѣе вѣры грековъ. Я созову старцевъ градскихъ, мужей, воеводъ и нарочитыхъ людей и предложу имъ отправиться въ разныя заморскія земли и узнать какого бога чтятъ иные народы. Кіевскій народъ, какъ думаю уже не такъ мало уменъ, чтобы въ своихъ идолахъ признавалъ присутствіе божества. Было время и еще не такъ давно, когда полено считали кіяне за божество, но нынѣ развѣ однѣ глупыя бабы еще вѣрютъ, что идолы— истинные боги. Еще во дни моей бабки народъ словянскій— кіевскій началъ думать, что управляетъ свѣтомъ не перунъ поставленный на стоялѣ среди площади. Еще она посѣяла семена истиннаго вѣрованія. Правда, что упорныхъ и злыхъ кумирщиковъ всегда было болѣе въ народѣ нежели людей съ разсудкомъ.

— Благо тебѣ будетъ, княже, если ты исполнишъ твое намѣреніе. Я всегда былъ увѣренъ, что ты въ твоей землѣ довершишъ то, что начала созндать твоя бабка. Ты—князь мудрый и возможешъ совершить задуманное тобою. Да пребудетъ на тебѣ отъ сей годины благодать Святою Духа, произнесъ попъ Григорій и осѣнилъ князя крестнымъ знаменіемъ.

— Сколько разъ этимъ знаменіемъ осѣняла меня въ младенчествѣ, моя мать и, моя бабка и ты старче! произнесъ князь, принимая благословеніе, и въ памяти его живо изобразилось все его дѣтство.

— Прости, княже!..

Князь принялъ въ объятія попа Григорія, простился съ нимъ и потомъ взявши его подъ руку, проводилъ къ повозу.

Попъ Григорій поѣхалъ, тихо спускаясь по взгорью на Аскольдово. Князь вышелъ на дворъ, провожалъ его взоромъ — и долго, долго стоялъ еще задумавшись на одномъ мѣстѣ. Выраженіе лица князя ясно показывало, что свиданіе его съ Григоріемъ произвело на него сильное, небывалое впечатлѣніе.

Возвратясь въ гридницу, онъ сѣлъ у окна и, подперши лѣвою рукою голову, долго сидѣлъ въ глубокой задумчивости. Потомъ позвалъ отрока теремнаго и приказалъ подать для себѣ коня. Сказавъ отроку, что онъ поѣдетъ съ нимъ во градъ.

Чрезъ полгодины отрокъ явился и сказалъ, что коня подвели.

Молча всталъ князь съ сѣдалища, и вышелъ на крыльце. Отрокъ набросилъ на плеча его мятлю и подвелъ ему коня. Князь сѣлъ въ сѣдло; отрокъ на своего коня и они оба поѣхали по пути къ граду.

Всю дорогу князь былъ глубоко задумчивъ.

IX.

ПОБѢДА НАДЪ РАДИМИЧАМИ.

Не большая числомъ рать воеводы Волчьего Хвоста достигла рѣчки Пещаны и двинулась по ней къ селитбищамъ радимичей.

Рѣчка Пещана почти на всемъ своемъ теченіи имѣла множество заливовъ и съ обѣихъ береговъ пространные луга, покрытые высокой травою.

Оставивъ суда свои у берега Днѣпра, воевода рѣшился напасть на враговъ внезапно, такъ, чтобы они вовсе не подозрѣвали о предостоящемъ на нихъ нападеніи. Для этого-то рать великокняжеская двигалась только по ночамъ, а днемъ лежала среди луговъ въ густой травѣ.

Не возможно было воинамъ воеводы добыть языка, чтобы развѣдать: гдѣ расположилось главное сборище радимичей, рѣшившихся съ оружіемъ въ рукахъ противиться требованію великаго князя платить дань. По этой причинѣ рать двигалась впередъ чрезвычайно осторожно, выжидая благопріятного случая, который открылъ бы ей мѣсто сборища радимичей. Проходили дни за днями, но случай не представлялся, и вои княжескіе только вдали видѣли ходившій и ѣздившій народъ, захватить же непріятеля они не рѣшались, чтобы не обнаружить свое присутствіе.

Взятые запасы изъ Кіева, начали истощаться; это заставляло воеводу задумываться надъ своимъ невыгоднымъ положеніемъ. Вои, преданные воеводѣ, и знавшіе его за самаго храбраго и доблестнаго человѣка, при всемъ томъ начали роптать и говорить что съ тѣхъ поръ, какъ онъ отрекся перуна, сдѣлался слабъ и труσливъ, началъ дорожить жизнію, и тому подобное.

Ропотъ доходилъ до ушей воеводы, и это еще болѣе тревожило его, но все таки онъ съ терпѣніемъ переносилъ упреки своихъ воиновъ и не рѣшился обнаружить врагамъ присутствіе своей рати.

Въ одну ночь, которая была встрѣчена воинами уже безъ куска хлѣба и всякой другой пищи, при полномъ отчаяніи погибнуть среди вражескаго поля отъ голода и ляхскаго копья, передовые стражи, изъ рати кіевской, захватали двухъ рыболововъ, ловившихъ въ заливѣ рѣчки Пещана рыбу, и въ тужъ минуту доставили ихъ къ воеводѣ. Изъ распросовъ рыбаковъ оказалось, что въ не дальнемъ растояніи отъ того мѣста, гдѣ находились вои великаго князя, близь рѣчки Пещаны, въ сельбищѣ Пещаномъ, радимичи сосредоточили свои главныя силы, намѣреваясь, въ случаѣ нападенія отъ кіевскаго князя, дать отпоръ его воямъ.

Для воеводы Волчьего Хвоста достаточно было извѣстія. Въ ту же ночь онъ съ избранными воинами отправился осмотрѣть мѣстность селбища Пещанаго и дороги къ нему.

Осмотръ мѣстности удался какъ нельзя лутше и окончился еще далеко до развѣта. Воевода узналъ, что Пещаное лежитъ среди многихъ заливовъ и болотъ, окаймленныхъ со всѣхъ сторонъ дремучимъ боромъ. Мѣстность какъ нельзя болѣе благопріятствовала для нападенія на пещанцевъ.

Возвратясь съ осмотра мѣстности Волчій Хвостъ приказалъ войнамъ какъ можно скорѣе и въ значительномъ количествѣ запастись камышевыми тростями.

Дѣло было не трудное, потому, что всѣ заливы рѣчки Пещаной были покрыты высокимъ зеленымъ камышемъ. Къ разсвѣту, каждый ратникъ имѣлъ по нѣсколько камышинъ.

Цѣлый день рать отдыхала, но уже безъ хлѣба и пищи. Плѣнные содержались подъ строгимъ присмотромъ. Воевода раздѣлилъ между ними свою собственную пищу, какая у него нашлась, онъ самъ ее не ѣлъ, такъ какъ и вои его ничего не ѣли. Съ восходомъ луны предполагалось сдѣлать нападеніе на пещанцевъ. По заходѣ солнца, когда стада возвращались съ пастбища, вевода раздѣлилъ свою рать на отдѣльные отряды. Одна часть поручена имъ Ивою, другая Петру, а третья осталась подъ его начальствомъ.

Войны горѣли желаніемъ скорѣе попытать счастія. И долгое ожиданіе битвы, и голодъ, и укрывательство въ тростникѣ, наскучили каждому; вѣсть о нападеніи на радимичей была принята съ восторгомъ. Но рать Волчьего Хвоста противъ воевъ лядскихъ была на соразмѣрно мала. Это обстоятельство смущало нѣкоторыхъ изъ рати воеводской, но самъ воевода не только не унывалъ, но напротивъ, радовался незначительности своей рати. Онъ былъ необыкновенно веселъ, ходилъ среди своихъ воевъ и каждому говорилъ, что они всѣхъ ляховъ истребятъ, что ляхи и духу ихъ будутъ бояться. Ивой и Петро также были увѣрены въ побѣдѣ, но были и такіе изъ рати, которые предсказывали, что рать велико княжеская вся поляжетъ головою вокругъ Пещанаго, или еще до битвы разсѣется, уцѣлѣетъ развѣ тотъ, кто спасется бѣгствомъ.

Вечерѣло. Въ полѣ послишался крикъ перепела и роса начала падать на луга и болота. Народъ спѣшилъ въ селенія съ полевыхъ работъ. Говоръ ихъ и пѣсни доносились порой до слуха кіевлянъ. Солнце давно уже катилось за стѣну чернаго бора. Прохлада, увеличенная холодною росою, была пріятна воямъ послѣ жаркаго дневнаго зная. Камышъ и густая высокая трава, среди которыхъ они укрывались, мало доставляли имъ тѣни.

Стемнѣло такъ, что въ нѣскольхихъ шагахъ трудно было различать предметы. Волчій Хвостъ собралъ рать и приказалъ молиться: всѣ пали на колѣна. Въ рати было значительное чи-

сдо крещеныхъ, перунщики, стоя среди крещеныхъ на колѣнахъ, молились, взирая на небо.

—Молитесь Богу небесному, и онъ намъ даруетъ побѣду надъ врагами; всѣ искренно молились.

Часть рати подъ начальствомъ Ивоя должна была двинуться впередъ, и засѣсть въ водѣ залива, близь котораго извивалась дорога въ селбище Пещаное съ одной его стороны, а другая часть рати подъ начальствомъ Петра, тоже самое должна была сдѣлать по другую сторону сельбища, также близь дороги. Воевода съ остальною ратью взялъ на себя прямое нападеніе на лядскіе вои, расположившіеся въ самомъ сельбищѣ Пещаномъ.

Рати Ивоя и Петра должны были скрыться подъ водою съ головами, такъ чтобы непріятели, пришедшіе по нуждѣ или случайно къ водѣ не могли и подумать, что въ водѣ скрывается рать. Для этого-то были приготовлены тростниковыя трубочки, чрезъ которыя войны, сидя въ водѣ, могли бы свободно дышать.

И вотъ рати раздѣлились. Одинъ плѣнный повелъ рать Ивоя на назначенное воеводою мѣсто, другой плѣнный повелъ ратъ Петра. Третій отрядъ остался на мѣстѣ и при немъ воевода Волчій Хвостъ. Это было сдѣлано для того, чтобы дать время двумъ первымъ ратемъ занять назначенныя имъ мѣста.

Не болѣе какъ черезъ два часа двинулся и воевода съ своею ратью. Ночь вступила въ свои права,— кругомъ полное безмолвіе. Ляхи, соскучившись долгимъ ожиданіемъ воевъ, изъ Кіева, а можетъ быть думая, что ихъ и вовсе не будетъ, спокойно улеглись спать. Даже ихъ постоянные сторожевые, проводили ночь вдвоемъ съ своими коханками, а не на назначенныхъ имъ постахъ.

Воевода сѣлъ на коня и повелъ рать къ сельбищу указанной ему тропой, пробираясь то среди болота, то по перелеску. За пѣшею ратью его ѣхали вершники.

Около полуночи воевода былъ въ близкомъ растояніи отъ Пещанаго. Самъ онъ поѣхалъ осмотрѣть заняты ли назначенныя имъ мѣста Ивоемъ и Петромъ. Это еще отняло довольно времени.

Луна начала показываться изъ за черной стѣны бора. Медлить далѣе было не возможно. Воевода тихо повелъ свою рать въ Пещаное. Только лай собакъ, почуявшихъ незванныхъ

гостей сталъ громче и чаще раздаваться по окраинамъ сельбища.

Безпрепятственно рать въѣхала въ самое сельбище и бросилась на ставку лядскую. Чрезъ нѣсколько мгновеній послышался стукъ мечей и крики отчаянія. Ляхи гибли подъ ударами велико княжеской рати. Часть радимичей бросилась въ одинъ конецъ сельбища Пещаного, полагая, что нѣтъ опасности и попала подъ туги стрѣлъ пущенныхъ ратью Ивоя, засѣвшаго въ разливѣ и погибла. Тоже самое сталось и съ тѣми пещанцами, которые бросились спасаться въ другую сторону сельбища.

Въ эту кровавую ночь почти всѣ войны радимичей погибли подъ ударами мечей и отъ стрѣлъ и копей дружины Волчьего Хвоста. На утро по всѣмъ проходамъ, улицамъ, на площадяхъ сельбища стояли лужи крови и лежало несметное множество труповъ.

Кто не погибъ, тотъ смирился и клялся не измѣнять болѣе клятвѣ данной великому князю кіевскому и въ свое время платить дань и везти повозъ.

Къ вечеру все населеніе сельбища Пещанаго разбѣжалось, страшась не только ратей кіевскаго князя, но даже одного имени посланного отъ него воеводы Волчьего Хвоста.

Собравъ отъ радимичей, чѣмъ только можно было, дань князю кіевскому Волчій Хвостъ торжественно принялъ отъ нихъ клятву впредъ постоянно платить дань князю Владиміру и его преемникамъ и затѣмъ, какъ побѣдитель, выѣхалъ изъ Пещаного, оставивъ въ радимичахъ такой страхъ своего имени, что даже вошло въ то время въ поговорку: „*Радимичи Волчья Хвоста бѣгаютъ.*“

Множество повозовъ нагруженныхъ добычею потянулось вслѣдъ за ратью воеводы, по дорогѣ въ Кіевъ. Три веселыхъ вершника ѣхали впередъ рати, то были: воевода и его ближники Ивой и Петро; вои пѣли пѣсни, играли въ бубны и сопѣли.

— Гдѣ нашъ славный воевода Волчій Хвостъ, тамъ и побѣда, говорили ратники. А вѣдь были и такіе среди насъ, которые сомнѣвались въ побѣдѣ, и даже думали, что всѣ мы поляжемъ костьми на лядскомъ полѣ. Нѣтъ, великъ Богъ крещеныхъ! Приблизившись къ Днѣпру рать сѣла на суда и отправилась внизъ, въ стольный градъ Кіевъ.

Н. Сементовскій.

(*Продолженіе впредь*)

Письма изъ западнаго края Россіи. (1).

X.

Цѣль моихъ писемъ, на сколько вы могли замѣтить, не есть: сообщать великороссійской публикѣ о текущихъ событіяхъ въ западномъ краѣ Россіи, но знакомить ее съ этимъ краемъ, разсѣевать польскій туманъ, которымъ онъ былъ подернутъ. Для достиженія этой цѣли, я старался пропитать, такъ сказать, читателей моихъ, своими убѣжденіями и увѣренностью въ возможности возрожденія русскаго начала въ этомъ краѣ, подрывалъ въ нихъ вѣру въ пресловутую польскую интеллигенцію, заявлялъ имъ объ успѣхахъ по народному образованію, о совершенномъ отрезвленіи административнаго и военнаго міра, со вступленіемъ въ управленіе краемъ Михаила Николаевича Муравьева, знакомилъ ихъ съ настоящимъ положеніемъ нашихъ работъ въ дѣлѣ обрусенія края.

Достаточно ли этаго? Какъ видится нѣтъ! Русскій человѣкъ, слишкомъ довѣрчивый ко всему иностранному, скептицизмомъ къ отечественному, — приводитъ въ отчаянье домашнихъ своихъ дѣятелей.

Насъ обвиняютъ въ парадоксальности когда мы говоримъ, что трехъ лѣтъ достаточно, чтобы воскресить русскую народность въ западномъ краѣ Россіи. Съ улыбкой спрашиваютъ у насъ: чѣмъ мы замѣнимъ польскую интеллигенцію, которую хотимъ уничтожить? Не чиновниками ли, которые купятъ за безцѣнокъ конфискованныя имѣнія? Не евреями ли, въ рукахъ которыхъ теперь всѣ капиталы? Не смотря на все наше уваженіе къ чиновникамъ, не смотря на то, что при гражданской свободѣ и равноправности, евреямъ, по нашему личному убѣжденію, присущи всѣ гражданскія добродѣтели другихъ племенъ, — мы серьёзно отвѣтимъ на саркастическій вопросъ, что мы никогда не имѣли въ виду двѣ эти почтенныя корпораціи, скажемъ болѣе: мы не вѣримъ ни въ какое искувственное пересажденіе какой-бы то ни было интеллигенціи вмѣсто отжившей; выскажемся совсѣмъ: мы думаемъ, что настало время попробовать обойтись безъ интеллигенціи!...

(1) Смотри 7-ю книжку Вѣстника.

— У... у... у! А... а... а! О... о... о! Красный!... Демагогъ!.....

— Не ругайтесь господа! Дайте досказать: безъ *сословной, искуственной* интеллигенціи, *основанной на привиллегіяхъ*, какъ ее понимаютъ поляки.

Мы наконецъ не дѣти!... Не будемъ-те зажмуривать глаза при видѣ голой дѣйствительности! Безъ страха взглянемте въ будущность! Отрешимтесь отъ утопій, построенныхъ на отжившихъ теоріяхъ! Будемте, при сужденіяхъ, руководствоваться непреложными истинами, выработанными современнымъ опытомъ.

Изъ этихъ истинъ первая та, что *невозможнаго сдѣлать нельзя*. Не возможно, для замѣны отживающей польской сословной интеллигенціи, переселять таковую же русскую, то есть: польскихъ помѣщиковъ замѣнять русскими; не возможно во первыхъ потому, что переселеніе необходимаго числа помѣщиковъ изъ Россіи потребуетъ такихъ издержекъ, что никакія льготы и выгоды, представленныя правительствомъ не вознаградятъ ихъ; во вторыхъ потому, что не найдется достаточнаго числа охотниковъ, не только для замѣны значительнаго числа польскихъ владѣльцевъ, но даже, для составленія почтенной группы, могущей имѣть нравственное вліяніе на общество; въ третьихъ потому, что кромѣ патріотизма, для покупки имѣній въ западномъ краѣ, даже при правительственныхъ льготахъ, нужны деньги, а въ настоящее время свободныхъ капиталовъ въ Россіи не имѣется.

Отъ первой истины, *что невозможнаго сдѣлать нельзя*, то есть: что нельзя замѣнить польской интеллигенціи, гнетущей западный край, какою бы то ни было готовою русской, перейдемъ къ второй истинѣ, выработанной также современнымъ опытомъ, что *зло сознанное необходимо искоренить*, то есть: что нельзя оставлять западно-русскій край подъ гнетомъ польской интеллигенціи.

Какъ же тутъ быть, если вы уже никакъ не хотите обойтись безъ интеллигенціи? Если вы, въ аристократической интеллигенціи, видите консервативное начало!.. На что, впрочемъ съ вами нельзя безусловно согласиться, потому что польская аристократическая интеллигенція была въ шайкахъ, а демократъ — мужикъ сидѣлъ дома и помышлялъ только о консерваціи своей собственности..... какъ же, въ самомъ дѣлѣ, тутъ быть? Приходится опять вспомнить о старомъ товарищѣ капитанѣ Д........!

— „Пойди, Иванушка, достань-ка курицу къ обѣду," обращался онъ къ своему деньщику.

Идетъ Иванъ и возвращается съ пустыми руками.

— „Ну что?"

— „Весь рынокъ изходилъ," отвѣчаетъ Иванъ, не досталъ!.... Жиды, значитъ, „шабашъ справляютъ!"

— „А курицу то надо достать!"

— „Да гдѣжъ, я ее возьму."

— „Какъ гдѣ?"

— „Помилуйте ваше вы..!"

— „Роди!"

Иванъ бывало пойдетъ да родитъ! Не послѣдовать ли намъ, въ западномъ краѣ, примѣру Ивана? Требуется интеллигенція!... Попробуемте родить ее! Средство это, впрочемъ совсѣмъ не новое, Иванъ только надоумилъ насъ, а поляки, уже сотни лѣтъ тому назадъ, примѣняли его къ западному краю, не смотря на то, что они были въ отношеніи къ этой несчастной странѣ, въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ мы. Кромѣ того что, подобно намъ, они не имѣли въ запасѣ достаточнаго количества интеллигенціи для заселенія враждебнаго имъ края, они не имѣли и базиса, на который могли бы упираться, тогда какъ мы имѣемъ его: онъ состоитъ изъ сплошнаго русскаго населенія, только что вырвавшагося изъ подъ вѣковаго гнета польскаго; прибавимъ къ этому, что поляки дѣйствовали въ тѣ времена, когда на сословную интеллигенцію былъ гораздо большій запросъ чѣмъ теперь, потому что эта интиллигенція одна тогда входила въ правительственный и обществянный расчетъ и ей одной принадлежала исторія, изъ которой масса народа — чернь, теперь возрожденная, была исключена.

И такъ, вмѣсто того, чтобы мудрствовать лукаво и изощряться въ изобрѣтеніи новаго метода для созданія въ западномъ краѣ интеллигенціи, болѣе подходящей къ нашимъ интересамъ, чѣмъ нынѣ тамъ существующая польская и ополяченная, послѣдуемъ примѣру предмественниковъ нашихъ поляковъ. Они, какъ это дѣлается въ Американскихъ Штатахъ при занятіи новыхъ пустырей, выслали своихъ *піонеровъ* въ дикую еще въ то время русскую Литву; этотъ первый отрядъ піонеровъ состоялъ изъ нѣсколькихъ францисканскихъ монаховъ, женщинъ и дрессированныхъ этими женщинами вельможъ; однимъ словомъ, — изъ интеллигенціи — въ польскомъ значеніи этого слова!... Онъ

съ разу наткнулся на непріязненныя ему полчища ярыхъ язычниковъ и неофитовъ въ православіи; такъ какъ первыхъ уже не удовлетворяла старая вѣра, а вторые не окрѣпли еще въ новой, то съ этими полчищами можетъ быть и справился бы отважный отрядъ, но ему пришлось, прежде всего, имѣть дѣло съ авангардомъ состоящимъ изъ новорожденной еще только тогда мѣстной интеллигенціи полной жизни и энергіи, просвѣщенной русскимъ духомъ и православіемъ!

Вступить съ такимъ авангардомъ въ открытый бой оказалось невозможнымъ, потому что маленькому отряду піонеровъ нельзя было выслать изъ отечества подкрѣпленія достаточнаго, чтобы подавить числительностію передовыхъ людей вражьяго войска.

Въ Польшѣ тогда, какъ и въ Россіи теперь, недоставало въ потребномъ количествѣ интеллигенціи на вывозъ.

Піонеры обошли авангардъ и начали вести правильную атаку противъ безсловесной, не дисциплированной массы, составляющей непріятельскій коръ-де-батайль. Вмѣсто минъ, они начали закладывать школы и семинаріи, фальшфейерами служили имъ разныя шляхетскія привиллегіи..... Борьба пошла вѣковая!... и чуть было не увѣнчалась успѣхомъ: они родили псевдо-сословную интеллигенцію въ польскомъ вкусѣ, въ союзѣ съ которой они могли уже насиловать коренную русскую, изъ которой былъ составленъ первый блестящій авангардъ. Разверните карту сѣверо западнаго края Россіи, на ней полюбуйтесь этой цѣпью шлахетскихъ околицъ, которыя тянутся вдоль на восточной окрайнѣ его до самаго Царства Польскаго, загляните въ гимназіи, наполненныя дѣтьми и правнуками панскихъ холопей, или въ латинскія семинаріи, гдѣ сыновья поселянъ находятъ убѣжище отъ рекрутскаго набора; наконецъ, сочтите всю эту ватагу чиновнаго люда, которымъ года два тому назадъ были наполнены всѣ присутственныя мѣста западныхъ губерній и вы убѣдитесь въ справедливости вышесказаннаго: вся эта шляхта, чиновники, семинаристы, гимназисты подъ начальствомъ ксендзовъ и составляютъ большинство этой пресловутой псевдо — сословной-клерликальной интеллигенціи, въ польскомъ вкусѣ, и вся она не переселена изъ Польши, а возрождена изъ мѣстныхъ русско-литовскихъ матеріаловъ!

Отчего же Ивана родившаго курицу никто не называетъ утопистомъ? Отчего утопистами не называютъ поляковъ пре-

вратившихъ холопей въ интеллигенцію? А утописты мы, которые только совѣтуемъ послѣдовать примѣру нашихъ предшественниковъ?

„Послѣдовать примѣру...“ Я не точно выразился.... Наше дѣло и *легче*, и *прямѣе*, и *честнѣе*.

Легче — я уже сказалъ почему: мы имѣемъ базисъ, въ сплошномъ русскомъ населеніи, для начала нашихъ дѣйствій, котораго не имѣли поляки.

Прямѣе — потому что мы начнемъ прямо цивилизовывать родное намъ православное населеніе, а поляки должны были, предъ началомъ дѣйствія, идти окольными путями для понужденія враждебной толпы къ вѣроотступничеству.

Честнѣе, — потому что, для воспитанія русско-литовскаго люда въ своемъ духѣ, поляки должны были извращать истину въ исторіи — въ наукѣ, составляющей фундаментъ политическаго образованія народа! Намъ предстоитъ только въ наукѣ этой возстановлять истину.

Ст.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСТВО ВЪ РОССІИ,

историческіе очерки

Графа Димитрія (Андреевича) ТОЛСТОГО.

Томы 1-й и 2-й.

Парижъ 1863 — 1864.

(Продолженіе).

По окончаніи изложенія событій въ этихъ первыхъ 15 главахъ, авторъ дѣлаетъ изъ нихъ слѣдующій заключительный выводъ:

На основаніи всего предыдущаго, мы въ правѣ, кажется, утверждать, что въ царствованіе императора Александра I религія латинская и ея духовные представители въ Россіи пользовались не только полною терпимостью, но даже покровительствомъ правительства. Исповѣдывавшіе эту вѣру имѣли полную свободу отправлять свои богослуженія; латинское ду-

ховенство сохранило всѣ свои громадныя имѣнія, тогда какъ римско-католической вѣры правительство—польское—уже начало ихъ отбирать у него,— въ министерствѣ исповѣданій находился особый агентъ, который защищалъ и личности духовенства латинскаго и ихъ имѣнія; для него, наконецъ, учреждено дѣйствительныхъ епархій гораздо болѣе, нежели оно имѣло ихъ во времена Польши. Въ циркулярѣ къ духовенству въ началѣ 1807, по случаю союза Россіи съ Пруссіей противъ Наполеона, Сестренцевичъ могъ сказать вполнѣ справедливо: *«мы исповѣдуемъ нашу вѣру въ Россіи безъ малѣйшаго препятствія и даже съ такою полною свободою, что можно подумать, будто наша вѣра господствующая»* (1).

Мы скажемъ еще болѣе: духовенство народное русское не пользовалось привиллегіями подобными тѣмъ, какія были пожалованы духовенству латинскому: первое уже не владѣло огромною земельною собственностію и, по относительному числу массы народонаселенія, въ западныхъ губерніяхъ, исповѣдывавшаго православіе, имѣло менѣе епископствъ нежели латиняне; да и само было гораздо малочисленнѣе. Русскія церкви бѣдныя, полуразвалившіяся, деревянныя, часто вовсе не похожія на церковь, стоя рядомъ съ раскошными каменными зданіями богатыхъ костеловъ свидѣтельствовали, что *«панская вѣра»* и *«мужицная вѣра»*, остались въ этомъ краю въ томъ же видѣ, въ какомъ онѣ были подъ владычествомъ поляковъ.

Все это давало, кажется, императору Александру I и русскому правительству право надѣяться по крайней мѣрѣ на благодарность латинскаго духовенства; но не всегда это такъ было. Въ бѣдственную для Россіи эпоху 1812 года, когда каждый русскій приносилъ въ жертву отечеству и имущество, и самую жизнь свою, митрополитъ Сестренцевичъ писалъ кня-

---

(1) Авторъ Wiadomości do dziejów Kościoła i religii Katolickiej, очень нерасположенный къ Россіи долженъ однако былъ сдѣлать слѣдующее сознаніе: „Cesarz Aleksander, przyjąwszy Kościol Katolicki w Rossyi pod opiekę swoją, łaskami swojemi szczodrze obdarzał...; czujemy się być obowiązani dodać, iż on tyle zawsze okazywał dla Katolickiej wiary i jej Kapłanow względów, ile by ich od monarchow tęż religię wyznających wymagać i żądać nie było możno.“ (стр. 356). Императоръ Александръ, принявъ церковь латинскую подъ свое покровительство, милостями своими щедро ее одарилъ. . .; мы считаемъ себя обязанными добавить, что онъ римской церкви и ея служителямъ оказывалъ столько вниманія, сколько нельзя бы ни требовать, ни ожидать, даже отъ монарховъ съ этою церковію одновѣрныхъ.

зю Голицыну: «хотя безъ всякаго сомнѣнія, я долженъ бы признать, что вообще всѣ римско-католическіе духовные, въ Россіи находящіеся, должны бы подавать примѣръ своимъ поведеніемъ, я однако не могу принять на себя въ этомъ всю отвѣтственность.» И митрополитъ не ошибся; нѣкоторые изъ латинскихъ епископовъ, которые должны были служить образцомъ своему духовенству и паствѣ, благопріятствовали замысламъ Наполеона: Коссаковскій, суффраганъ Курляндіи, принималъ его въ Вильнѣ; епископъ коадъюторъ самогитскій, князь Игнатій Гедройцъ перешелъ къ французамъ (1). Дэдэрко, епископъ минскій, въ сопровожденіи французскихъ войскъ, возмущалъ народъ, заставлялъ молодежь вступать въ ряды арміи Наполеона, а отказывавшихся отъ того—или склонялъ къ измѣнѣ денежными подкупами, или грозилъ имъ отлученіемъ отъ церкви, и съ донесеніями своими ѣздилъ къ Наполеону въ его главную квартиру (2).

По смерти императора Александра, когда вся Россія, безъ всякаго различія вѣроисповѣданій, оплакивала эту потерю, латинское духовенство въ Россіи, которое въ теченіи болѣе четверти столѣтія молилось о немъ при обѣднахъ, не захотѣло слѣдовать примѣру латинскаго духовенства даже въ Польшѣ, и отказало на отрѣзъ въ служеніи обѣденъ за упокой преставльшагося императора. И подъ какимъ предлогомъ оно рѣшилось дать такой отказъ? Александръ Благословенный для этого духовенства былъ—*еретикъ*! Усопшій покровитель римской церкви въ Россіи, благодѣтель папы, тотъ которому Пій 7-й писалъ, что онъ каждый божій день возсылаетъ за него благодарныя молитвы къ Богу, императоръ Александръ I удостоенъ былъ латинскихъ заупокойныхъ молитвъ едва въ нѣсколькихъ римско-католическихъ церквахъ. И,—можно ли было вообра-

(1) За эту измѣну князь Игнатій Гедройцъ былъ сосланъ въ 1813 году въ Вологду; но въ слѣдующемъ году ему дозволили возвратиться въ Самогитію, и въ 1816 онъ снова вступилъ въ исправленіе своей должности и въ пользованіе имѣніями, къ этому званію принадлежавшими.

(2) Въ указѣ сказано: „движимый чувствами милосердія, христіанскаго, прощающаго слабости человѣческія,“ императоръ освободилъ епископа Дэдэрко отъ суда, но удалилъ его отъ управленія минскою епархіею. Ему назначена была для пребыванія Олыка (волынской губерніи), потому что онъ былъ архимандритомъ собора олыкскаго; ему оставили треть его жалованья и доходовъ, которыми онъ пользовался. Дэдэрко умеръ въ 1829.

зить это?—митрополитъ Сестренцевичъ, почти столѣтій, обветшавшій старецъ, пережившій самаго себя, стоявшій самъ на краю гроба,—повинуясь духовенству управлявшему имъ, и отъ его имени дѣлами латиства въ Россіи, подписалъ, поднесенное ему, слѣдующее объясненіе адмиралу Шишкову:»

«Церковные уставы не дозволяютъ подобныхъ погребальныхъ служеній; папа Григорій III и третій соборъ латранскій положительно запрещаютъ служить заупокойныя обѣдни за тѣхъ *кто умираетъ внѣ лона латинской церкви;* указами, разновременно изданными въ пользу римскихъ-католиковъ, живущихъ въ Россіи, допущено, чтобъ они управлялись и молились по уставамъ ихъ церкви; цари и царицы Россіи никогда не принуждали римскихъ католиковъ къ выполненію подобныхъ погребальныхъ обрядовъ. Поэтому я, какъ римско-католическій архіепископъ въ Россіи,— не могу дать на этотъ предметъ предписанія подчиненному мнѣ духовенству—въ настоящемъ случаѣ, *нами столь горько оплакиваемомъ.* Подобное дѣйствіе съ моей стороны, навлекло бы на меня нареканіе почти ста милліоновъ римскихъ-католиковъ Европы, преимущественно же въ Австріи, Италіи, Франціи, Испаніи, и проч. По собраннымъ же мною справкамъ оказывается, что въ римско-католической церкви въ Ригѣ служеніе погребальное совершено было по приказанію гражданской власти; а въ Одессѣ—по требованію синдиковъ, въ особенности г. Рено, который имѣя сына капельмейстеромъ театральнаго оркестра,— желалъ доставить ему случай отличиться исполненіемъ Requiem Моцарта. Я упоминаю объ этомъ случаѣ только вскользъ, не имѣя никакого намѣренія разслѣдывать поглубже этотъ предметъ, который, ежели это угодно, выказываетъ великую преданность Государю...» (Не дрогнула же рука даже Сестренцевича при подписаніи этого отзыва)....

Тридцать лѣтъ спустя, уставы римской церкви не воспрепятствовали латинскому духовенству исполнить долгъ подданныхъ: по всей Имперіи, во всѣхъ латинскихъ церквахъ, оно добровольно и торжественно служило панихиды за упокой души императора Николая.

Но партія ультрамонтановъ была далеко не удовлетворена милостями, которыми пользовалось латинское духовенство при Александрѣ I. Имъ все—было мало. Они не могли простить правительству учрежденіе министерства исповѣданій; они называли его подражаніемъ нечестивому устновленію Наполеона;

они гнѣвались за то, что во главѣ этого министерства, отъ котораго зависѣли всѣ вѣроисповѣданія въ Россіи, включая и господствующее—православіе, поставленъ министръ православный,—а имъ хотѣлось римскаго католика; и проч. Послушайте только толковъ графа Іосифа дэ Мэстръ; вы услышите, конечно, можетъ быть, не безъ удивленія, что вѣра римско-католическая не была терпима въ Россіи, все это объяснено у него болѣе или менѣе тонкими софизмами. Чего же еще недостовало ультрамонтанамъ? Чего еще они домогались? Ни болѣе, ни менѣе, какъ всемогущества для Рима и исключительнаго въ Россіи господствованія вѣры латинской,—конечно съ изгнаніемъ или преслѣдованіями прочихъ христіанскихъ исповѣданій; они домогались непосредственныхъ сношеній всѣхъ римскихъ-католиковъ прямо съ папою, безъ всякаго контроля со стороны правительства;—а это выносятъ не многія государства даже римско-католическія; они требовали учрежденія въ Петербургѣ постоянной нунціатуры, которая управляла бы латинскими церквами и духовенствомъ, по указаніямъ папской куріи, и налагала бы на нихъ ежегодные поборы (аннаты) въ пользу папы; имъ хотѣлось бы уничтожить всѣ учрежденія государственныя по вѣдомству духовныхъ дѣлъ; сдѣлать невозможнымъ и самомалѣйшее вліяніе власти свѣтской,—словомъ: превратить Россію въ папскую провинцію; воскресить, еслибъ только было то возможно, декреталіи папскія и возобновить столь драгоцѣнную для нихъ эпоху папы Григорія VII.

Какой поучительный урокъ для всякаго правительства, которое считало бы необходимымъ заискивать благорасположенность римской куріи! Да убѣдятся же, наконецъ, что нѣтъ никакой возможности удовлетворить Римъ уступками, совмѣстными съ интересами и достоинствомъ государства; что на каждую уступку — привыкли папы смотрѣть какъ на слабость предъ ихъ величіемъ; и что отношенія папства и его духовнаго властолюбиваго преобладанія къ свѣтскимъ правительствамъ будутъ постоянно выражаться борьбою— не кровавою, правда, какъ былыя столкновенія въ средніе вѣка, но борьбою неуетанною, скрытною, дипломатическою, озлобленно-раздраженною и упорною (1).

---

(1) Пусть вчитаются въ эти строки тѣ, которые трактуютъ о примиреніи съ поляками. Ред.

Вся система папства основана на эгоизмѣ. Спаситель и спасающая въ Него вѣра оставлены на второмъ планѣ; папа и его духовенство—впереди всего. Прошли тѣ времена, когда папы возводили на престолъ и низлагали королей; когда вооруженною рукой они поддерживали свое владычество; когда анаѳемой и отлученіями отъ церкви они подавляли и заставляли трепетать народы; древнее могущество ихъ — кануло въ вѣчность; для власти папской настало *«совершишася»*; ихъ всемогущее преобладаніе было возможно только среди младенчествовавшихъ народовъ.... Но домогательства ихъ, стремленія, то что мы назвали бы системой дѣйствій, остались все тѣ же, потому что цѣли своей они не перемѣняютъ; *и теперь, какъ и тогда, Риму необходимо властвовать: только средства его измѣнились.* Іерархическая организація римской церкви, созданная папами, приноровлена къ тому, чтобы внушить духовенству, что все зависитъ отъ папы; что *папѣ оно должно служить прежде всего, а вѣрѣ—послѣ него.* Этимъ рычагомъ держатся, на этомъ принципѣ основаны всѣ монашескіе ордена; съ такимъ разсчетомъ соображена ихъ безконтрольность отъ власти епископской; чрезъ то они составляютъ охранное войско папы. *Генералы* этихъ тѣлохранителей, *этой гвардіи* папской—*въ Римѣ*, только тогда они получаютъ разныя для своихъ корпорацій выгоды и привиллегіи, когда они хорошо послужили владыкамъ Рима. Все это, само собою разумѣется, привязываетъ ихъ къ папству и заставляетъ ихъ попирать ногами всякіе интересы, исключая только интересы папы и его куріи. И по этимъ самымъ разсчетамъ, папы предоставляютъ епископамъ разныя духовныя права, безъ которыхъ имъ рѣшительно не возможно исполнять свои обязанности,—предоставляютъ только на короткій срокъ, на нѣсколько лѣтъ, или для опредѣленныхъ случаевъ, а лишь только срокъ дарованный папою истекаетъ, епископы обязаны снова обращаться въ Римъ за возобновленіемъ этихъ правъ, которыя вовсе не составляютъ какихъ либо исключеній изъ общаго правила, но которыя, напротивъ, необходимы для званія епископа, потому что безъ этихъ правъ этотъ санъ былъ бы пустымъ титуломъ безъ всякаго значенія. Казалось бы, что разъ согласясь на посвященіе прелата, папа долженъ бы предоставлять епископу навсегда права неразрывно связанныя съ этою должностью. Если бы епископъ

не выполнялъ своихъ обязанностей, можно отнять у него епархію; а ежели онъ во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствуетъ законно, по уставамъ церкви и сообразно съ достоинствомъ сана, которымъ онъ облеченъ, для чего бы это періодическое подтвержденіе того, что разъ уже дано? Существуетъ ли, гдѣ нибудь, такое правительство, которое требовало бы отъ назначенныхъ имъ начальниковъ являться къ нему чрезъ опредѣленный промежутокъ времени, съ просьбою продлить права и власть, законами присвоенныя ихъ должности и званію? Но такое странное правило также точно установлено и поддерживается папами съ цѣлью безпрестанно напоминать епископу, что *участь его въ рукахъ папы*, что прежде, и *главнѣе всего*, *онъ долженъ служить папѣ.*

Таже идея, безспорно, внушила папству всѣ эти пустыя формальности, предшествующія посвященію епископовъ. Собравъ, подъ рукою, чрезъ агентовъ своихъ, самыя подробныя свѣдѣнія о духовномъ лицѣ, назначенномъ правительствомъ къ сану епископа, папа, наконецъ, изъявляетъ свое согласіе. Слѣдовательно оставалось бы только совершить обрядъ посвященія. Не тутъ то было! Еще надо испрашивать разрѣшеніе на каноническій процессъ; потомъ, когда, чрезъ немалое время, получится это разрѣшеніе, составить его; потомъ отсылать этотъ процессъ въ Римъ и хлопотать тамъ, немало, о пересмотрѣ его, и только послѣ всѣхъ этихъ проволочекъ — наконецъ получается булла на посвященіе. А если бы кто захотѣлъ вникнуть въ форму этого каноническаго процесса, тотъ легко увѣрился бы, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности изъ него узнать что либо вѣрное о человѣкѣ, подвергнутомъ этому анатомическому разсѣченію; что весь этотъ процессъ — есть не что иное, какъ только простой послужной списокъ, — только утомительная, безполезная, совершенно излишняя формальность. Для чегожъ бы она была нужна Риму, который знаетъ не только всю біографію такого духовнаго лица, но даже его душевныя убѣжденія, его направленіе, всѣ его склонности? Единственно для того, чтобы дать почувствовать въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, — даже, иной разъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, — нетерпѣливо ожидающему прелату, полному честолюбивыхъ мечтаній, — что только Римъ можетъ осуществить исполненіе его завѣтнѣйшихъ желаній; оттого, — конечно, только къ Риму, только къ папству обращаются взоры всѣхъ, привлекаются всѣ

ихъ надежды. На подобный эгоизмъ, возведенный въ вѣковую неизмѣнную систему, хотя совершенно неумѣстный въ вѣдомствѣ духовномъ, можно бы смотрѣть какъ на слабость,— странную, правда, и несовмѣстную съ христіянскимъ смиреніемъ, если бы онъ не былъ опасенъ для церкви; но когда этотъ эгоизмъ положительно гибеленъ для церкви, то онъ непростителенъ іерарху, мечтающему, будто онъ непогрѣшающій представитель Богочеловѣка на землѣ; — а нѣтъ сомнѣнія, что этотъ эгоизмъ гибеленъ для церкви. Безъ твердой мѣстной духовной власти, монахи развращаются, оставляютъ въ совершенномъ забвеніи свое призваніе; монастыри пустѣютъ и дѣлаются предметомъ презрѣнія народнаго. И вѣра и церковь развѣ не страдаютъ отъ этого? Да что за бѣда! Римъ сохраняетъ свою гвардію! Съ этими безконечными переписками о продленіи правъ, епископы, лишенные власти, остаются часто въ невозможности удовлетворить просьбамъ вѣрующихъ самымъ справедливымъ и самымъ настоятельнымъ касательно ихъ духовныхъ потребностей; — а чрезъ это они увлекаются иногда въ поступки предосудительные. Да что за бѣда! Римскій дворъ имѣетъ за то драгоцѣнное для него удовольствіе наслаждаться полнымъ уваженіемъ его власти!

Мы могли бы продолжить этотъ рядъ примѣровъ эгоизма системы римской куріи; но и сказаннаго, кажется, довольно, чтобы неопровержимо доказать разладицу между духовными интересами церкви римско-католической и мірскими интересами ея римскаго главы,

Мы видѣли уже послѣдствія этой системы въ управленіи латинскою церковію въ Россіи при императорѣ Александрѣ I: совершенный упадокъ монастырской жизни, недостатокъ образованности въ духовенствѣ, его жадность къ стяжаніямъ, столь мало согласная съ вѣроученіемъ Христа, и при всемъ этомъ епископы, поставленные въ невозможность быть истинно полезными церкви. Конечно, не все то, что императоръ Александръ I сдѣлалъ въ пользу латинскаго духовенства можно бы поставить ему въ вину; но правительства русскаго того времени нельзя не упрекать, что, въ ложномъ убѣжденіи о возможности достичь соглашенія законовъ государства съ церковнымъ уставомъ римскимъ, оно не нашло въ себѣ необходимой рѣшимости дѣйствовать независимо, внѣ власти папской, даже хотя бы вопреки ей, для блага самой же латинской церкви въ Россіи, — какъ это

весьма разумно совѣтовалъ правительству русскій посолъ въ Римѣ г. Италинскій,— что оно было въ заблужденіи и на счетъ мнимаго сочувствія папъ къ этой церкви, для блага которой, оно мечтало, что вѣрно римскій престолъ пожертвуетъ своими властолюбивыми притязаніями. Нельзя не винить тогдашняго правительства и за то, что, преувеличивая понятія о безпристрастіи Рима, — оно завело съ нимъ напрасно переговоры о такихъ предметахъ, которые лучше бы рѣшать властію собственной, — въ особенности, когда дѣло шло о водвореніи порядка въ духовенствѣ.

Впрочемъ только эти замѣчанія и можно бы сдѣлать правительству. Съ своей стороны, оно ни въ чемъ не отказывало церкви латинской и ея духовенству, которыя, ежели дошли до жалкаго состоянія, представленнаго нами читателю, на основаніи документовъ, которыхъ подлинность не можетъ подлежать сомнѣнію, — то этимъ упадкомъ онѣ обязаны были собственно Риму и его системѣ.

Въ началѣ царствованія императора Николая, папа наконецъ, долженъ былъ съ прискорбіемъ сознаться въ жалкомъ состояніи епископствъ, въ распущенности нравовъ духовенства, въ ослабленіи религіозныхъ чувствъ римскихъ католиковъ въ Россіи. Такое грустное положеніе не могло возникнуть вдругъ, само собою, въ какіе нибудь два первые года новаго царствованія, когда новое правительство не успѣло еще принять никакой значительной мѣры по вѣдомству духовному; вся эта неурядица произведена была предшествовавшею организаціею духовенства, основанною, какъ мы видѣли, главнѣйше на римскомъ церковномъ правѣ. Такое свидѣтельствованіе самого папы вѣрности нашихъ выводовъ о состояніи церкви латинской въ Россіи при императорѣ Александрѣ I, — служитъ неопровергаемымъ и невольнымъ, хотя и не прямымъ, признаніемъ безобразія системы римской и неоспоримаго глубокаго вреда этою системою нанесеннаго вѣрѣ, духовенству и всему населенію латинскаго исповѣданія.

Предисловіе автора, его 2 глава, его заключительные выводы и короткое изложеніе оглавленій могли показать любознательнымъ читателямъ, сколько въ высшей степени важныхъ свѣдѣній заключается въ двухъ первыхъ частяхъ этого сочиненія (731 страница текста, in 8. большого формата). А

сколько еще драгоцѣнныхъ документовъ въ 49 приложеніяхъ мелкой, сжатой печати, на 269 страницахъ!.. (Всего въ двухъ томахъ, съ оглавленіями и проч, 1022 страницы).

Подъ скромнымъ именемъ историческихъ замѣтокъ — это цѣлая лѣтопись. Спокойно и очень сдержанно, безъ малѣйшихъ увлеченій, беспристрастно и даже можно сказать, съ осторожностію, авторъ развертываетъ передъ вами свитокъ дѣяній въ Россіи папъ и ихъ гвардіи, ихъ любостяжательнаго, властолюбиваго, мастерски интригующаго духовенства; разсказываетъ ядовитые, коварные, ловкіе происки іезуитовъ; говоритъ о правильныхъ, или ошибочныхъ, распоряженіяхъ нашего правительства. Все это изложено правдолюбиво, изложено языкомъ историка, и что важнѣе всего — *документально*. Много неизвѣстнаго раскрывается передъ вами, много любопытнаго, много поучительнаго,— такъ что, остановясь на послѣднемъ словѣ втораго тома, вамъ жаль, что передъ вами еще нѣтъ двухъ такихъ томовъ.

Авторъ говоритъ, что онъ сочтетъ себя счастливымъ, если вызоветъ состязаніе мнѣній на историческомъ поприщѣ, имъ такъ превосходно расчищенномъ и приготовленномъ для благороднаго турнира людей свѣдущихъ. И нѣтъ сомнѣнія, что ратоборцы явятся: надо же будетъ однимъ уничтожать горькую о нихъ правду, защищать затронутые ихъ интересы, столь для насъ враждебные, и разоблаченныя тайны ихъ стремленій, столь для насъ пагубныхъ; другимъ — показать свою ученость, или блеснуть особымъ взглядомъ; инымъ — высказать свое безпристрастное сужденіе и правдивую оцѣнку. По этому намъ будетъ предстоять не одинъ случай пытливымъ ухомъ прислушиваться къ горячимъ спорамъ, нападкамъ и отраженіямъ, — и изъ этого кипятѣнія мыслей, изъ этого столкновенія мнѣній — извлекать еще болѣе поученій, для насъ многосторонно полезныхъ.

Кажется, теперь намъ довольно извѣстно до какого грустнаго состоянія доведены были наши родныя православныя церкви въ западныхъ губерніяхъ передъ этимъ, вѣроятно послѣднимъ, судорожнымъ, отчаяннымъ усиліемъ латинопольскаго элемента, такъ достойно, и вѣрно самому себѣ, выразившагося въ дѣйствіяхъ мнимонароднаго правленія, составившагося изъ недоучившихся мальчишехъ и сброда всякихъ безличностей, жандармовъ кинжальщиковъ и вѣшателей, медиковъ отравителей...

и все это подъ эгидою и подстрекательствами, подъ благословеніями и исповѣдными разрѣшеніями папскаго духовенства, папской гвардіи — ксендзовъ и монаховъ, которые, превзойдя завѣтъ преданій средневѣковыхъ, стали атаманами разбойничьихъ шаекъ, стали собственноручно убивать даже женщинъ-католичекъ. Недавнее прискорбное положеніе православныхъ церквей въ нашихъ западныхъ губерніяхъ — намъ, говорю я, довольно извѣстно; также какъ извѣстно и все, дѣлаемое теперь правительствомъ для исхода ихъ изъ уничиженія и гнета латино-поляковъ, и, наконецъ, твердая поддержка ихъ могучею рукою генерала Муравьева. И потому читая на чужестранномъ языкѣ столь любопытную и достойную изученія правдивую лѣтопись о постоянномъ преуспѣяніи и благоденствіи римскаго католичества въ Россіи, правительствомъ не только широко терпимаго, но даже, въ угоду папамъ, сильно поддержаннаго почти съ первыхъ началъ его появленія на землѣ русской и дотого, что свершалось, на нашихъ очахъ — нельзя не желать чтобы трудъ графа Дм. Толстого поскорѣе сталъ достояніемъ каждаго русскаго;—чтобы каждый гражданинъ, воинъ или духовное лицо, въ тиши кабинета, или въ укромной кельѣ, могли изучить предметъ столь важный для истинно русскихъ православныхъ, — могли ознакомиться съ цѣлами, средствами и образомъ дѣйствій римскаго духовенства, бѣлаго и чернаго.

СОСТОЯНІЕ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ДРЕВНЕМЪ И НОВОМЪ ЛУЦКѢ.

(Путевыя замѣтки).

Первое впечатлѣніе, которое производитъ Луцкъ на подъѣзжающаго къ нему путешественника, самое пріятное, въ особенности въ маѣ мѣсяцѣ и по дорогѣ отъ Житоміра. Предъ вами въ панорамѣ раскинулся большой городъ, на первый планъ выдвинулась грандіозная развалина стариннаго замка съ высокими башнями вполнѣ уцѣлѣвшими и кой-гдѣ уже обрушившимися стѣнами, и все это отражается въ свѣтломъ разливѣ воды; далѣе поднимаются куполы церквей, горятъ на солнцѣ кресты и виднѣются какія-то большія каменныя зданія, а зелень деревьевъ еще болѣе оживляетъ эту разнообразную картину. Такъ вотъ онъ древній Луцкъ, «великій на Стыри»,

какъ говорится въ одномъ изъ списковъ Несторовой лѣтописи. Во время св. Владиміра, говоритъ преданіе, Луцкъ былъ въ удѣлѣ одного изъ сыновей его Позвизда; далѣе, спустя столѣтіе, имъ владѣлъ Николай Святоша изъ князей Черниговскихъ, извѣстный усердіемъ къ вѣрѣ и просвѣщенію, который, утомясь неурядицами удѣльной системы, удалился въ тихую обитель Кіево-печерскаго монастыря и постригся въ схиму. Въ XI столѣтіи Луцкъ считался уже въ числѣ удѣльныхъ городовъ Волыни. Въ послѣдствіи онъ перешелъ во владѣніе князей старшей линіи Мономахичей, т. е. потомства Изяслава II; въ XIII столѣтіи Луцкъ былъ городомъ очень значительнымъ по населенію, и населеніе было исключительно православное; въ это время уже существовали монастыри: Пречистенскій и Васильевскій; сохранились грамоты Свидригайла, которыми онъ подтвердилъ грамоты данныя названнымъ монастырямъ (1) Мстиславомъ Луцкимъ и Владиміромъ Васильковичемъ Владимірскимъ. Въ этомъ столѣтіи открыта въ Луцкѣ каѳедра православныхъ епископовъ; имена первыхъ изъ нихъ не дошли до насъ, а становятся извѣстными только съ XIV столѣтія (2). Въ началѣ этого столѣтія, православіе процвѣтало, покровительствуемое Любартомъ Гедиминовичемъ (во св. крещеніи Ѳеодоръ), который по раздѣлу получилъ княжества: холмское, владимірское и луцкое; онъ надѣлилъ и украсилъ луцкій соборный храмъ Іоанна Богослова, находившійся въ луцкомъ замкѣ. Соборъ этотъ существовалъ уже въ XIII столѣтіи; о немъ упоминается въ лѣтописи Волынской, повѣствующей, что Владиміръ Васильевичъ далъ въ луцкій соборъ крестъ большой воздвигательный съ честнымъ древомъ; Любартъ надѣлилъ этотъ соборъ девятью значительными селеніями (3). Въ послѣдствіи благоденствіе православія и народа было возмущаемо частію татарскими набѣгами, а частію начинавшимъ уже подкрадываться сюда р. католицизмомъ; въ 1425 году каѳедра ка-

(1) Вѣстникъ юго-запад. Россіи 1853 г.

(2) Ѳеодосій ок. 1326 г., Ѳеодоръ ок. 1338 г., Евѳимій, Алексій, Іоаннъ 1338—1401 г., Савва 1401—1412, Діонисій ок. 1413, Мартиніанъ около половины XV стол., Никифоръ ок. 1490, Кириллъ 1495—1509, Пафнутій ок. 1526, Макарій ок. 1538, Арсеній 1540—1558, Іосифъ 1558—1566, Іона Борзобогатый 1566—1569, Іоаннъ ок. 1569.

(3) Документы на владѣнія ими находятся въ луцкомъ уѣздномъ судѣ.

толическая перешла изъ Владиміра въ Луцкъ, но существовала не долго. Въ 1429 году Луцкъ былъ мѣстомъ съѣзда сосѣднихъ государей; 80-лѣтній Витовтъ, желая сохранить самостоятельность Литвы, искалъ королевской короны, и для этого пригласилъ въ Луцкъ великаго князя московскаго Василія, Ягелла съ семействомъ, митрополита Фотія и множество иностранныхъ государей и почетныхъ лицъ. Преемникъ Витовта, Свидригайло, изгналъ изъ Луцка р. католическаго бискупа, и каѳедра осталась пустымъ титломъ. Свидригайло, по лишеніи литовскаго престола, съ 1433 года жилъ въ Луцкѣ и умеръ въ немъ въ 1452 г.; къ этому времени надо отнести существованіе въ городѣ Луцкѣ 22-хъ православныхъ храмовъ, которые единственно отъ вліянія р. католицизма пали. Особенно рядъ печальныхъ событій для православія въ Луцкѣ начинается со времени окончательнаго присоединенія Волыни къ Польшѣ въ 1569 году. Въ это время въ Луцкѣ оставалось еще семь православныхъ храмовъ: Св. Николая, апостола Іакова, архистратига Михаила, Св. Онуфрія, Покрова Пресвятыя Богородицы, Пречистенскій монастырь и Св. Димитрія, но по присоединеніи Волыни къ Польшѣ, когда начались гоненія на православіе, языкъ и народность русскую, всѣ эти храмы, за исключеніемъ храма Св. Димитрія, и должно полагать, Покрова Богородицы, оставшихся въ запустѣніи, обращены евреями, съ того времени поселившимися на Волыни, въ шинки, доколѣ вовсе не изгладились съ лица земли, такъ что къ концу царствованія Сигизмунда III, этого вскормленника іезуитовъ, осталось въ Луцкѣ только два православные храма: Покрова и Димитрія, а вмѣсто ихъ, кровію и потомъ православнаго русскаго народонаселенія, надъ которымъ паны и шляхта нахально присвоили себѣ права суда, жизни и смерти (1), начали воздвигаться громадные р. католическіе монастыри: бернардинскій, тринитарскій, бонифратскій, доминиканскій, кармелитскій, бригитокъ, шаритокъ. И такъ, Луцкъ, бывшій до присоединенія Волыни къ Польшѣ чисто православнымъ городомъ, сдѣлался къ концу XVI вѣка городомъ вполнѣ р. католическимъ; отсюда даже пошла унія, первымъ зачинщикомъ которой на

---

(1) Въ одной статьѣ устава о Волокахъ, составленнаго въ 1557 г. оказано, что личность крестьянина со всѣмъ имуществомъ принадлежитъ землевладѣльцу.

Волыни былъ православный луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій. Въ это-то несчастное для православія время составилось (въ 1617 году) изъ оставшихся вѣрными православію сыновъ церкви луцкое Крестовоздвиженское братство (1); въ числѣ членовъ его были многія лица изъ княжескихъ и боярскихъ фамилій; оно построило въ 1620 году Крестовоздвиженскій монастырь и завело при немъ школу, больницу и типографію. Съ этого года луцкое братство пользовалось правомъ ставропигіи по 1626 годъ, въ который подчинено власти мѣстныхъ епископовъ. Въ 1623 году возстановлена въ Луцкѣ каѳедра православныхъ епископовъ (2), но епископы ея, гонимые и преслѣдуемые папистами и уніятами, рѣдкіе могли оставаться при своей каѳедрѣ и лишенные необходимаго, принуждены были или принимать унію, какъ Мелетій Жабокрицкій, или спасаться въ Малороссію, какъ Кириллъ Шумлянскій. Единственнымъ оплотомъ православія въ Луцкѣ, въ XVII вѣкѣ, было братство; перенося всевозможныя несправедливости и насилія отъ папистовъ и уніятовъ, оно около ста лѣтъ ратовало за древнее достояніе своихъ предковъ, православную вѣру; но и оно пало въ неравной борьбѣ, въ 1712 году. Крестовоздвиженскимъ монастыремъ и всѣмъ его имуществомъ завладѣли уніяты (базыліяне); съ этого времени, до присоединенія Волыни къ Россіи, въ Луцкѣ православія не было; въ горячкѣ преслѣдованія русской народности, поляки до того увлеклись, что стали подозрѣвать уже уніятовъ; въ 1786 году, обнаружилось волненіе на Волыни въ народѣ и уніятскомъ духовенствѣ; въ Луцкѣ и Дубнѣ изъ бывшихъ фуражевыхъ коммиссій, образовались инквизиціонные суды, которые забирали, истязали, вѣшали за какое-нибудь пустое слово сказанное въ пьяномъ видѣ, хватали уніятскихъ священниковъ и вообще совершали такія жестокости, о которыхъ и вспоминать страшно. Ѳеодосій Бродовичъ, архипресвитеръ, греко-уніятскаго капитула луцкаго, описавшій событія этого времени, говоритъ о немъ какъ о времени набываломъ въ странѣ съ водворенія христіанства.

---

(1) Учредителемъ его былъ игуменъ Черчицкаго монастыря іеромонахъ Герасимъ Микуличъ.

(2) Исаакій игуменъ Черчицкаго монастыря, Аѳанасій Пузына около 1634, Діонисій Балабанъ около 1650, Годеонъ князь Четвертинскій 1637—85, Мелетій Жабокрицкій въ концѣ XVII вѣка, Кириллъ Шумлянскій 1711 г.

Волынь присоединена къ Россіи въ 1793 году; тогда бывшій братскій монастырь снова обращенъ въ православный соборъ. Въ 1803 году онъ понесъ значительныя поврежденія отъ пожара и остался съ тѣхъ поръ въ разрушеніи до настоящаго времени. Соборъ замѣщенъ Покровскою церковію, надо полагать, пощаженною вмѣстѣ съ храмомъ Св. Димитрія при всеобщемъ опустошеніи храмовъ въ концѣ XVI вѣка. Съ 1793 г. начинается новый періодъ православія въ Луцкѣ; многіе изъ уніятовъ стали добровольно обращаться на лоно православной церкви, къ вѣрѣ ихъ отцовъ. Луцкъ принадлежалъ сначала къ житомірско-минской епархіи, а съ 1799 года учреждена самостоятельная волынская епархія, къ которой Луцкъ причисляется и по настоящее время.

Итакъ, мы видѣли Луцкъ какъ особое удѣльное княжество, видѣли его значительнымъ православнымъ городомъ и мѣстопребываніемъ православныхъ епископовъ; видѣли городомъ вполнѣ р. католическимъ, мѣстопребываніемъ римско-католическихъ епископовъ и разсадникомъ уніи: чѣмъ же видимъ его теперь? Луцкъ въ настоящее время совершенно жидовскій городъ. Евреи здѣсь составляютъ почти ³/₄ населенія; у нихъ огромная синагога и нѣсколько молитвенныхъ домовъ, тогда какъ православное населеніе Луцка имѣетъ одинъ маленькій, бѣдный, въ грязнѣйшей части города, храмъ; жиды луцкіе,— самые отсталые фанатическіе талмудисты, до которыхъ не коснулся еще свѣтъ просвѣщенія,— усердно работаютъ надъ уничтоженіемъ слѣдовъ древняго православія. Впрочемъ это была самая употретительная, обыкновенная метода польской пропаганды для искорененія памятниковъ православія и народности русской, метода, къ которой въ теченіе вѣковъ привыкло уже іудейское народонаселеніе, поощряемое къ тому римскими фанатиками; они стараются застроить самыя мѣста храмовъ нашихъ или поселяются около нихъ, и священные остатки изглаживаются подъ грудами грязи и отвратительныхъ нечистотъ, такъ что для желающаго отыскать въ Луцкѣ мѣсто какого-нибудь православнаго храма, эти признаки могутъ служить вѣрными указателями: гдѣ жидовскіе домики особенно тѣсно сгруппировались, тамъ того и гляди откроешь или узнаешь по названію улицы, мѣсто прежней православной церкви. Мѣсто Пречистенскаго монастыря, Пятницкой церкви, Св. Аѳанасія, Воздвиженскаго собора, могутъ служить тому неопровержимыми доказательствами.

До сего времени стояли спокойно почтенныя развалины прежде бывшаго братскаго монастыря; нельзя было не удивляться красотѣ и величію византійской архитектуры этой древней святыни; грустно было только видѣть ее въ ужасномъ запустѣніи. На погостѣ храма, на протяженіи нѣсколькихъ саженъ 8 лавокъ, и два жилые жидовскіе домика, въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ алтарной части храма! Прошлымъ же лѣтомъ все разрушающая рука коснулась и этой древности: она продана съ разрѣшенія консисторіи за 540 р. евреямъ.... Евреи съ свойственною имъ въ барышническихъ дѣлахъ энергіей занялись ломкою Крестовоздвиженскаго храма; дѣло шло быстро и уже половина его исчезла, какъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, по предстательству нѣкоторыхъ лицъ, пріостановлена дальнѣйшая его разборка; алтарная часть, къ счастію, еще уцѣлѣла. Казалось бы, старинный православный храмъ окончательно исхищенъ изъ вражьихъ рукъ; но нѣтъ: уже по воспрещеніи разборки собора одинъ еврей, не имѣя мѣста въ ряду упомянутыхъ лавокъ, заложилъ третій порядочный домъ, имѣя въ виду обогнутъ алтарную часть и не выпустить этой святыни изъ своихъ рукъ.

Въ скоромъ времени долженъ исчезнуть и еще одинъ великолѣпный памятникъ русской старины, свидѣтель многихъ событій, волновавшихъ эту страну; это—замокъ, въ которомъ помѣщался соборъ православный, въ которомъ по преданію покоится прахъ великаго князя Любарта и православныхъ епископовъ. Недавно, при раскопкѣ, найденъ гробъ одного изъ нихъ. Остатки истлѣвшаго православнаго епископскаго посоха, окованнаго золотомъ, и нынѣ находятся въ уѣздномъ судѣ. Такіе живописные, почтенные памятники древности служатъ украшеніями городовъ и напоминаютъ народу о его давноминувшемъ; но вотъ на уничтоженіе ихъ состоялись уже торги, и скоро безжалостная рука еврея сокрушитъ и обратитъ въ безобразную груду камней и этотъ живописный драгоцѣнный остатокъ древняго зодчества нашей родины! Если бы нужны были средства для поддержанія его, я не сомнѣваюсь, что они нашлись бы; стоитъ составить подписку. Все это крайне оскорбительно для насъ, русскихъ, не привыкшихъ видѣть подобное поруганіе древности и святыни. Что дѣлать намъ, православнымъ лучикамъ, въ виду всего этого? Наше хотя

малочисленное православное луцкое общество, слетѣвшееся сюда съ разныхъ концовъ Россіи, составило уже проектъ устава братства и 13-го октября прошлаго года препроводило его мѣстному преосвященному на утвержденіе. Вотъ все, что мы могли сдѣлать!... Читатель, если вы сожалѣете о настоящемъ положеніи православія въ Луцкѣ (а оно, дѣйствительно, горестное), если вы желаете нашему православному населенію хоть сколько-нибудь выдвинуться изъ угнетающей его бездѣйственности, то пожелайте намъ утвержденія этого устава, увеличенія числа членовъ братства, а также единодушія въ его дѣятельности: остальнаго авось достигнемъ при помощи Божіей и участіи добрыхъ людей, которыми еще обильна Россія. Я увѣренъ, что примѣръ городскаго братства благодѣтельно подѣйствуетъ на сельскій людъ, который выведенъ уже изъ летаргіи Положеніемъ 19-го февраля 1861 г. Онъ тоже начнетъ заботиться о благосостояніи своихъ убогихъ храмовъ и о просвѣщеніи своихъ дѣтей, для бущей полезной дѣятельности, которой открыто уже широкое поприще.

Н. К—ВЪ.

Луцкъ.

(Соврем. Лѣтопись).

О сынковицкой церкви.

Слонимскаго уѣзда, деречинскаго благочинія, сынковицкая церковь, отстоящая въ 14 верстахъ отъ г. Слонима, по своей очевидно глубокой старинѣ и загадочности архитектуры, навѣрно обращала на себя вниманіе не нашего только одного поколѣнія. Но любознательность нашихъ предковъ тѣмъ существенно отличалась отъ нашей, что они не спѣшили довѣрять печати ни своихъ наблюденій, ни подлинныхъ мѣстныхъ грамотъ и документовъ: такъ какъ послѣдніе теряли даже въ печати кое что изъ своей торжественности. Ибо печатныя копіи неохотно принимались въ процедурѣ и не имѣли почти значенія, если не были скрѣплены и завѣрены тѣми-же присутственными мѣстами, въ коихъ заявлялись самые подлинники, Впрочемъ подлинныя грамоты считались достаточно огражден-

ными судебными актовыми книгами, въ которыя изъ предосторожности заносились онѣ не только по своему, но и по другимъ уѣздамъ, да и живое мѣстное преданіе, какъ наиболѣе заинтересованное въ дѣлѣ, предполагалось чутко бодрствующимъ на стражѣ своихъ завѣтныхъ памятниковъ. Между тѣмъ старинные записи и документы, по самой непрочности матеріала, или небрежности храненія, истреблялись; копіи ихъ не всегда находились въ актовыхъ книгахъ, городскіе архивы то и дѣло горѣли: — и живое преданіе постепенно сбиваясь, путаясь, забываясь, наконецъ совершенно приходило въ тупикъ, подобно старцу, которому съ лѣтами измѣняетъ память. Напрасно стали бы мы вопрошать подобныхъ свидителей: они или упорно молчатъ, или еще пуще сбиваютъ съ толку своими отвѣтами. Лучше ужъ обратиться непосредственно къ допросу самихъ вещественныхъ памятниковъ, обладающихъ иногда, какъ извѣстно, не только своего рода рѣчью и краснорѣчіемъ, но даже слезами, по выраженію поэта: »Sunt lacrymae rerum! «

Къ подобной категоріи принадлежитъ пока и сынковицкая церковь.

Въ концѣ прошедшаго года, по распоряженію г. главнаго начальника края, она была осматриваема лицомъ компетентнымъ, командированнымъ для обозрѣнія и оцѣнки достопримѣчательныхъ памятниковъ нашей старины.

Не знаемъ результата и послѣдствій этого осмотра. При взглядѣ спеціально подготовленнаго человѣка, конечно, самыя неэначительныя повидимому подробности, ускользающія отъ вниманія обыкновеннаго посѣтителя, могутъ иногда повести къ важнымъ соображеніямъ и открытіямъ. Но при настоящемъ случаѣ намъ вспомнилось, что въ 1841 году, по порученію начальства, на насъ возложена была попытка дознать на мѣстѣ: не сохранилось ли достовѣрныхъ свѣдѣній на счетъ времени постройки этой святыни и имени ея основателя, затѣмъ вообще на счетъ своеобразности зодчества и уклоненія этого зданія отъ обыкновенной формы храмовъ христіанскихъ?

Въ епархіальномъ архивѣ, съ которымъ естественно прежде всего справиться намъ предстояло, не нашли мы рѣшительно никакихъ данныхъ, ни указаній по всѣмъ означеннымъ вопросамъ. Впрочемъ, за недавнимъ пожаромъ консисторскаго архива, и ограниченностію матеріаловъ, собранныхъ тогда для возможнаго его возстановленія, мы могли надѣяться болѣе на архивъ

церковный. Но и на мѣстѣ не оказалось тоже ровно никакихъ не только фундушевыхъ документовъ, но даже старинныхъ такъ называемыхъ *ревизорскихъ* (Wizyty), оставляемыхъ обыкновенно въ одномъ экземплярѣ при церкви, и важныхъ потому, что въ нихъ по крайней мѣрѣ вкратцѣ упоминалось исторически объ основаніи храма и о доказательствахъ на законное владѣніе причту присвоеннымъ ему фундушемъ.

Живое преданіе, въ лицѣ престарѣлаго священника, кто же рѣшился бы подвергать сколько-нибудь обстоятельному допросу; такъ какъ добрый старецъ почти что совсѣмъ былъ глухъ, и когда наконецъ, при большихъ съ нашей стороны усиліяхъ, разслышалъ кое-что о цѣли нашего порученія, то только благодушно улыбнулся, и сказалъ намъ, вѣрно для донесенія высшему начальству: „что хотя церковь-то стара, свыше памяти человѣческой, но починки никакой не требуетъ, и простоитъ еще, дастъ Богъ, многая лѣта — лишь бы ее не трогать.“ Молодой дьячекъ, недавно выпущенный изъ жировицкаго дьячковскаго училища, ровно столько же, сколько и мы, зналъ про свою новую церковь; а староста, оказавшійся впослѣдствіи и смышленнымъ и порядочно таки словоохотливымъ, представился намъ съ начала какимъ-то робкимъ смиренникомъ и молчальникомъ. Оставалось по необходимости, обратиться къ самымъ стѣнамъ, тѣмъ болѣе, что стѣны сынковицкой церкви, ужъ именно по пословицѣ, какъ нельзя лучше способны *слушать*.

Въ самомъ дѣлѣ, онѣ двойныя, съ внутреннимъ ходомъ вокругъ всего зданія, ведущимъ порознь къ каждой изъ угольныхъ башень.

— „Къ чему могли служить эти потаенные ходы? Какъ толкуютъ объ этомъ здѣшніе старики?“ спрашивали мы старосту, карабкаясь за нимъ по узенькимъ и довольно таки отъ ходьбы поистертымъ уже ступенькамъ. Онъ остяновился, опустилъ фонарчикъ и повелъ рѣчь изъ далека: „что отцы, молъ, были благочестивѣе и умнѣе насъ; они строили храмы Божіи каменные несгараемые, а въ святыхъ-то храмахъ устроивали надежные тайники и для храненія своихъ бѣдныхъ пожитковъ, т. е., видите, батюшка, ваше преподобіе, на случай пожара, войны, непріятельскаго набѣга, или отъ злаго человѣка: ибо извѣстно, что самъ непріятель, и воръ лютѣйшіи, таки призадумаются и въ святомъ храмѣ не станутъ пошаривать, да рыться и копаться, какъ въ хижинѣ убогаго человѣка; что хотя преподобные

отцы-ревизоры и воспрещают принимать и хранить по церквамъ людскій скарбъ, но это *навда* (1), потому что не будь у насъ этого чужаго добра, а случись какое-нибуть несчастье или какая напасть, хоть ты бей въ набатъ, все равно, село далеко, ну значитъ и не заслышали: между тѣмъ какъ теперь, загуди я только въ самый маленькій колокольчикъ, вотъ хоть-бы для шутки, еслп-бы это не было грѣшно, и все село какъ тутъ! понимаете-ли, батющка, ваше преподобіе?“

— Понимаю, братъ, понимаю; да будемъ подвигаться выше: башень-то никакъ четыре.“

— „Точно такъ, батюшка, В. П. — и всѣ одна въ другую, словно родныя сестрицы.“

Въ самомъ дѣлѣ, четыре угольныя башни снаружи и внутри совершенно одинаковаго устройства: всѣ снабжены стрѣльницами и состоятъ между собою въ сообщеніи; очевидно — по первоначальной цѣли—для взаимной защиты и поддержки въ случаѣ нападенія.

При видѣ разставленныхъ по башнямъ и даже кое-гдѣ по самому своду однокалиберныхъ сундучковъ, который съ замкомъ, который съ одной только задвижкой, но повязанной хитростно сплетеннымъ узелкомъ, мы невольно какъ-то пришли въ раздумье, вспомнили недавнія слова старосты и мысленно пожалѣли, что съ высоты нашего произвольнаго вагляда — не смѣемъ сказать теоріи — отнеслись съ презрѣніемъ къ практическимъ замѣчаніямъ простолюдина. Между тѣмъ, какая же то была та высота, съ коей воспаряло наше воззрѣніе? Будемъ откровенны. Не видавъ до настоящаго дня даже въ глаза здѣшняго храма, а только наслышавшись объ особенномъ его устройствѣ, мы прибыли на мѣсто съ готовымъ уже и рѣшительнымъ намѣреніемъ приписать самому зданію одно изъ двухъ: или языческое или мусульманское происхожденіе. За совершеннымъ недостаткомъ какихъ-либо историческихъ данныхъ, что бы языческія капища, кромѣ мѣстъ извѣстныхъ въ Литвѣ, существовали кое-гдѣ еще, и чтобы въ подобномъ здѣшнему захолустьи они могли быть сооружаемы съ такимъ искусствомъ

(1) Напрасно, нерезонно, несправедливо— самая употребительная поговорка здѣшняго народа. Это, быть можетъ, сокращенное и исковерканное славянское существительное: неправда, которое употребляется сдѣсь тоже народомъ въ видѣ нарѣчія.

и тщательностью отдѣлки, надлежало отказаться отъ идеи о капищѣ: хотя эти голыя стѣны и особенное устройство свода представляли такую прекрасную обстановку для разглагольствія о таинствахъ и продѣлкахъ азыческихъ жрецовъ, объ ихъ оракулахъ и удачныхъ по большей части отвѣтахъ, зависѣвшихъ единственно отъ акустическаго искусства, съ какимъ были расположены ихъ подземные притоны. Предметъ, что называется, самъ ложился подъ перо: да что дѣлать? не измышлять же историческихъ цитатъ! За то ужъ въ подкрѣпленіе нашего втораго предположенія о *мечети*, у насъ было скорѣе изобиліе, чѣмъ недостатокъ доказательствъ. По исторіи извѣстны три періода поселенія татаръ въ здѣшней странѣ, т. е, въ 14, 15 и 16 столѣтіяхъ (1). Во все это время водворенія, какъ водится, пришельцевъ всячески старались обласкать и привязать къ новому отечеству. Хану ихъ назначенъ мѣстопребываніемъ великокняжескій лидскій замокъ,узбеки и мурзы сравнены въ достоинствѣ съ литовскими князьями и дворянами, земля отведенная поселенцамъ обеспечена въ ихъ ненарушимую собственность, имъ предоставлено право жениться на христіанкахъ, съ условіемъ единобрачія, наконецъ дарована полная свобода въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ, дозволено повсюду имѣть муллъ, строить мечети, Но вотъ настало безконечно долгое роковое царствованіе Сигизмунда III-го: и этотъ король-миссіонеръ, терявшій короны, а заботившійся только о пріумноженіи прозелитовъ св. римскому престолу, нашелъ время не оставить въ покоѣ и литовскихъ татаръ. Онъ даже почувствовалъ какъ-бы угрызеніе совѣсти, что, преслѣдуя столь неутомимо разномыслящихъ христіанъ, дозволялъ между тѣмъ гнѣздиться преспокойно чуть-ли не языческому культу. И вдругъ начинается непрерывный рядъ враждебныхъ мѣръ и постановленій, скрыто и явно направленныхъ противъ нечестивыхъ басурмановъ. У нихъ отнимались всѣ почти дарованныя льготы и преимущества, запрещалось строить или починять оскверняющія христіанскую землю божницы, наконецъ всѣмъ носящимъ бѣсовскія письмена, *сиҵе рѣкомыя амулеты* (2), пре-

(1) Смот. послѣдованіе о происхожденіи литовскихъ татаръ профессора с.-петербургскаго университета Ант. Мухлинскаго. С.-Петербургъ 1857 года.

(2) Куфическія монеты, вынесенныя изъ Крыма, которыми татары чрезвычайно дорожили какъ залогами передаваемаго изъ рода въ родъ благословенія предковъ.

доставлялось на выборъ: или торжественно отъ нихъ отречься принятіемъ христіанскаго закона, или предстать къ мѣстнымъ судамъ для оправданія себя и очищенія въ колдовствѣ и чародѣйствѣ. А мѣстные тогдашніе суды въ подобныхъ случахъ не задумывались. Въ особенности 1609 годъ выдался кровавою дѣятельностью полновластныхъ магдебургій и магистратовъ, противъ волшебниковъ, колдуновъ, вѣдьмъ, и разнаго другаго чина и наименованія общниковъ и клевретовъ сатанинскихъ. Злополучные амулеты, съ которыми татарамъ такъ трудно было разстаться, считались теперь явною уже окончательною уликою противъ этихъ бѣдныхъ людей.

— Что тутъ еще ждать другихъ доказательствъ! восклицали праведные судьи. — »Да они же — нехристи открыто носятъ на груди собственноручные *стигматы и хирографы* сатаны: а ихніе кровью писанные хирографы хранятся между тѣмъ, до истеченія срока, въ адскомъ архивѣ: стало быть сдѣлка заключена по всѣмъ правиламъ подземнаго банкирства! Вотъ хоть такой честности поучиться бы нашимъ ростовщикамъ: а то они окаянные съ насъ, не бось, берутъ росписки, а своихъ на взятые отъ насъ залоги, хоть ихъ жги, хоть распни, не дадутъ.»

Отъ судей столь просвѣщенныхъ и съ такимъ запасомъ веселости, расточаемой въ присутствіи подсудимыхъ, и въ виду приготовленій, дѣлаемыхъ уже къ эшафоту, не помилованія, конечно, не то уже оправданія, можно было ожидать бѣднымъ пришельцамъ. И такъ имъ оставалось, или, унося жизнь, цѣлыми семействами, убираться въ родную страну, — на что и рѣшились тогда очень многіе, или скитаться и прятаться по менѣе доступнымъ окрестностямъ, въ ожиданіи миновенія невзгоды. Она дѣйствительно миновалась, хотя и не такъ-то скоро, и скитальцы могли наконецъ возвратиться къ своимъ оставленнымъ почти на произволъ судьбы очагамъ.

Къ этому времени, по всей вѣроятности, можно бы и должно отнести постройку сынковицкой мечети. Нѣсколько десятковъ татарскихъ семействъ, бѣжавшихъ изъ Слонима, (въ которомъ и теперь сравнительно болѣе еще татаръ (1) нежели во всѣхъ остальныхъ пунктахъ нашей губерніи), временно поселилось въ этой тогда еще сплошь лѣсистой мѣстности, по-

(1) Около 300 душъ.

строили для себя на скорую руку кое какія хижины, но затѣмъ всѣ усилія обратили на постройку мечети, да такой, которая была бы не только молитвеннымъ домомъ, но и надежнымъ складомъ ихъ уцѣлѣвшаго имущества и вмѣстѣ съ тѣмъ, на случай напасти, вооруженной по возможности цитаделью. Къ этой троякой цѣли очевидно приспособлено и самое зданіе. Какъ молитвенный домъ, оно обращено на востокъ къ *Каабѣ;* какъ хранилище сборнаго имущества, оно снабжено двойными стѣнами и потаеннымъ въ нихъ ходомъ; наконецъ, какъ цитадель, оно защищено четырьмя стрѣльчатыми башнями и большою желѣзною дверью, съ которою одной не легко уже совладѣть, предполагая притомъ еще возможность внутренняго отпора. Въ цѣломъ имѣлась очевидно въ виду одна главная цѣль возможно большей прочности: оттого и архитектура тяжелая и массивная отступаетъ отъ легкаго мавританскаго стиля, свойственнаго мечетямъ, и самыхъ даже башень не позаботились обнести неизбѣжной для минаретовъ галерейкой, такъ какъ очевидно на первомъ планѣ тутъ были стрѣльницы. — Но наконецъ — Но наконецъ — то смутное время миновалось, и обрадованные скитальцы, столь долго разлученные съ незамѣнимыми для нихъ городскими промыслами и уходомъ за огородами, поспѣшили въ Слонимъ. Оставленныя ими хижины скоро сами собою пришли въ разрушеніе: одна только мечеть, никакъ не поддаваясь запустѣнію, долго наводила суевѣрный ужасъ на окрестныхъ жителей, пока наконецъ духовенство, оцѣнивъ по достоинству такую дорогую находку, не рѣшилось ее преобразовать въ храмъ христіанскій.

— Вотъ канва, на которой была основана наша повѣсть о прежнихъ судьбахъ этого зданія. Оставалось только придать ей форму оффиціальной записки.— И вдругъ одно замѣчаніе простаго неграмотнаго человѣка чуть было не поколебало и не разрушило въ прахъ такой пирамидальной эрудиціи!

— Что, въ самомъ дѣлѣ — думали мы теперь — если эта церковь и впрямь никогда не была мечетью, и если она (т. е. церковь) исконное дѣло рукъ православнаго люда! Обращена на востокъ — ну да, какъ всѣ наши святыни, прежде еще чѣмъ было заслышано на свѣтѣ о какой то *Каабѣ!* Постройка тяжеловѣсная, массивная, — какъ всѣхъ нашихъ старинныхъ замковъ и зданій; — стѣны и башни предназначались для убѣжища и защиты жителей и ихъ имущества, въ случаѣ вражьихъ набѣ-

говъ — и прекрасно! Отчего-же, напр., не предположить въ свою очередь, что бѣдный народъ православный могъ искать въ своей святынѣ послѣдняго пріюта и защиты, вотъ хотя бы противъ самихъ же господъ татаръ, которые таки неоднократно и порядкомъ похозяйничали въ здѣшней странѣ? или противъ литовцевъ, или противъ поляковъ и ихъ лютыхъ союзниковъ, и впослѣдствіи противъ шведовъ? Какъ ни сбивчиво и беззаботно народное преданіе, но оно все таки сохранило бы память о какой-то божницѣ или мечети, если-бы онѣ здѣсь въ самомъ дѣлѣ когда либо существовали. Хоть за какимъ-нибудь курганомъ или урочищемъ осталось бы непремѣнно прозвище *татарскаго*. Впрочемъ, самое это особенное устройство свода могло служить для усиленія *резонанса* и было приспособлено именно къ церковному пѣнію.

— „Кстати, староста — братъ, какъ тебѣ кажется, зачѣмъ бы это маленькія отверстія (1), оставленныя мѣстами въ церковномъ сводѣ?“

— „Да можетъ быть, батюшка в. п., для прохода воздуха, и стока воды, т. е. значитъ для *причины* просушки, потому что иногда лѣтомъ во время проливныхъ дождей, и весною при таяніи снѣга, таки порядочно закрадывается сырости на церковномъ сводѣ, или, можетъ быть, для ухода копоти отъ свѣчь, и кадильнаго дыма: особенно когда бываетъ большое стеченіе народа. Впрочемъ, признаться, не знаю.“

Каждая изъ этихъ причинъ была вполнѣ логична: окончательное же „*не знаю*“ намъ слѣдовало просто усвоить и поставить девизомъ нашей будущей записки.

Но этого-то именно мы и не сдѣлали.

У насъ была предвзятая уже идея о мечети.

Объ ней только, да о бѣдствіяхъ татаръ, пространно говорилось въ нашей исполнительной запискѣ.

Начальство, пробѣжавъ ее, замѣтило намъ тогда: что на счетъ фактическихъ свѣдѣній кажется намъ не посчастливилось.

---

(1) Подобныя же отверстія находятся и въ сводѣ старинной новогрудской соборной церкви. Служать-ли онѣ именно для у с и л е н і я р е з о н а н с а? и на сколько настоящему нашему объясненію причастна а к у с т и к а? — да дозволено намъ будетъ оговорить и наше невѣжество стереотипною народною фразою: — н е м о ж е м ъ в ъ т о ч н о с т и д о л о ж и т ь. Но какъ бы то ни было, а сынковицкая церковь очень удобна для пѣнія.

— Откуда же ихъ было добыть — представляли мы, помнится, въ свое время оправданіе, — когда мѣстный священникъ только въ одномъ что и могъ насъ увѣрить: въ прочности своей церкви ?

— Вотъ по крайней мѣрѣ отъ старика — отвѣтило намъ съ улыбкою начальство — заручились вы таки хоть положительнымъ фактомъ; а то въ вашей *реляціи* одни предположенія.

Безъ сомнѣнія, не разсчитывали мы вовсе на подобный приговоръ, когда сочиняли нашу *реляцію*: но какъ въ молодости эрудиція рѣдко еще доводитъ до ожесточенія, то мы вскорѣ не замедлили примириться и даже по совѣсти согласиться съ постигшимъ насъ безпощаднымъ — *фактомъ!* Да, *фактомъ*. Очень хорошо помнимъ, что въ первую минуту было мы таки не утерпѣли и нашу тогдашнюю неудачу, хоть мысленно, но всеже обозвали — *фактомъ!*

И вотъ это самое воспоминаніе лишаетъ насъ теперь надежды на какую-либо примѣнимость настоящаго разсказа, особенно къ успѣвшимъ уже ожесточиться — хотя бы и молодымъ еще литераторамъ.

Да онъ вообще былъ-бы безцѣленъ и являлся-бы какимъ-то неожиданнымъ и безполезнынъ актомъ самоуничиженія, если бы на этотъ разъ не имѣли мы присовокупить кое-чего въ родѣ неумолимо необходимыхъ фактовъ.

По счастью, около того же самаго времени, къ которому относится нашъ разсказъ, намъ довелось узнать, достовѣрнымъ образомъ, два слѣдующія обстоятельства:

1: Что лидскаго уѣзда *маломожейковская* церковь построена совершенно въ одномъ стилѣ, и по всѣмъ вѣроятностямъ, одновременно съ сынковицкой. Мы поспѣшили тогда же справиться съ епархіальнымъ архивомъ, и въ мѣстномъ церковномъ документѣ, не обозначающемъ впрочемъ времени самаго основанія, отыскали имя основателя маломожейковской церкви. Онъ названъ *Шимкомъ Мацькомъ* (Симономъ Матвеемъ) *Юндзилловичемъ*. И такъ, вотъ по крайней мѣрѣ пунктъ сличенія, и несомнѣнное доказательство что одна изъ двухъ тождественныхъ церквей никогда не была мечетью.

2. Что б. слонимскій предводитель дворянства, покойный Адальбертъ Пусловскій (къ наслѣдникамъ котораго принадлежитъ и нынѣ имѣніе *Сынковичи*), около двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, составилъ тщательное по возможности

историческое описаніе сынковицкой церкви, и этотъ свой трудъ вмѣстѣ съ планами и старинными документами, хранившимися въ его фамильномъ архивѣ, по просьбѣ знатока и любителя древностей, б. референдарія Царства Польскаго, Осипа Сѣраковскаго, препроводилъ въ Варшаву къ нему, Сѣраковскому. Далѣе мы узнали, что всѣ бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго референдарія, перешли къ родной его сестрѣ, (Франковской), на дочери которой женатъ помѣщикъ слонимскаго уѣзда, б. уѣздный судья, г. Иванъ Юндзилъ.

Не смѣемъ утверждать положительно, но по бывшимъ коегдѣ подобнымъ примѣрамъ не считаемъ невѣроятнымъ, что въ числѣ подлинныхъ актовъ, отосланныхъ въ Варшаву, могли находиться и фундушевые документы, принадлежащіе сынковицкой церкви.

Въ 1841 году, конечно, не легко было надѣяться, даже путемъ административнымъ, на скорое и удовлетворительное разрѣшеніе настоящаго сомнѣнія.

Въ 1865 году, кто знаетъ, подобная попытка авось не вышла бы успѣшнѣе?

Прот. *Ил. Янковскій.*

(*Л. Е. В.*)

СЛІЯНІЕ ПОЛЬШИ СЪ РОССІЕЙ.

(Изъ выходящей въ Австріи сербской газеты *Србобранъ*, 1865, NN. 19—20).

Историческія истины, открывающіяся намъ въ жизни народа, не допускаютъ вопроса: справедливо или нѣтъ? Часто представляются такія обстоятельства, которыхъ человѣческая мудрость и сила не въ состояніи ни избѣжать, ни противостать имъ. На громадномъ поприщѣ человѣческой исторіи, мы видимъ народы поднимающіеся и падающіе, дѣлающіеся великими и уничтожающіеся чаще силой обстоятельствъ, нежели собственными заслугами или виной. Но всегда будетъ вѣрнымъ признакомъ гибели народа утрата въ немъ душевной энергіи и невозможность, вслѣдствіе сего, держаться самому собой и возвышаться. Чуждые элементы, если сумѣемъ употребить ихъ, способны, дѣйствительно, придать на нѣкоторое время кажующуся молодость устарѣвшей жизни какого-либо народа, но въ концѣ-концовъ влекутъ за собою неизбѣжное разрушеніе. Римляне служатъ самымъ колоссальнымъ и рельефнымъ примѣромъ.

Характеръ и исторію народовъ, давно исчезнувшихъ съ лица земли, разсматриваемъ и обсуждаемъ хладнокровно, слѣдовательно съ большимъ размышленіемъ и съ меньшимъ пристрастіемъ. Не въ такомъ положеніи находятся народы, живущіе съ нами вмѣстѣ и о которыхъ мы судимъ подъ вліяніемъ любви или ненависти и другихъ страстей.

Вся Европа, въ особенности славянское племя, знаетъ что такое поляки въ мірѣ славянскомъ. Ихъ блестящая эпоха, равно и дни ихъ физическаго и нравственнаго распаденія, находятся у насъ передъ глазами и въ памяти; каждое славянское поколѣніе, входившее въ какое-либо съ ними столкновеніе, невольно смотритъ на нихъ съ негодованіемъ заснувшаго гнѣва или съ сожалѣніемъ, даруемымъ низшему. Но не будемъ въ настоящее время подробно раскрывать ихъ грѣхи и заблужденія—все это достаточно уже раскрыто послѣднимъ безумнымъ ихъ возстаніемъ: взглянемъ лучше на нынѣшнее положеніе поляковъ и спросимъ, что за народъ живетъ на землѣ, носящей имя Польши, и способенъ ли онъ политически быть самостоятельнымъ?

На этотъ вопросъ самый пламенный партизанъ польскихъ мечтаній долженъ съ сомнѣніемъ покачать головой и согласиться, что это невозможно, — разумѣется, такой партизанъ, который знаетъ Польшу, а не одинъ изъ тѣхъ, которые и у насъ пишутъ и спорятъ о ней, не умѣя этнографически описать даже и мѣсто своего рожденія.

Народъ польскій безчувственъ ко всему, и безчувственъ въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Жители Польши исключительно славяне и жиды; простонародье до того пренебрежено, заброшено, безпечно, что можетъ сравниться развѣ съ калмыками. Унизила же его и низвела почти до скота та шляхта, о которой такъ много и сильно накричала Европа, и которая руководила народомъ не для его блага, а исключительно изъ видовъ личнаго интереса. Бродя безъ хлѣба и одежды, шляхтичи, по вѣрному описанію газеты *Zukunft*, разгоряченные водкой, выпитой въ кредитъ у жидовъ, подстрекаютъ народъ и возбуждаютъ противъ всякаго, у кого лучше матеріяльное состояніе; жалуются на правительство, что не даетъ имъ даромъ хлѣба, и нападаютъ на своихъ, кто съ ними не дѣлится; готовы служить они вездѣ и всякому, и маской либерализма и патріотизма прикрываютъ лѣность и нищенство. И этотъ-то элементъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ высшихъ аристократовъ, представляетъ собою въ Евопѣ носителей свободы и польскаго мученичес-

ства съ одной стороны, съ другой—неправды и тираніи русской! Подобные представители народа могутъ служить не для возвышенія его, а только на его погибель.

Европа было всколебалась, но скоро охладѣла къ своимъ любимцамъ; неужели же Россія, разогнавшая и подавившая мятежниковъ, станетъ теперь, по желанію нѣсколькихъ мечтателей, воскрешать идеальную Польшу? Возможно ли даже и мечтать о томъ, чтобъ она въ состояніи была удовлетвориться какою бы то ни было конституціей бездомныхъ санкюлотовъ, для которыхъ война и мятежъ составляютъ единственный элементъ удобнѣйшей и беззаботнѣйшей жизни?

Петербургское правительство доказало, что судитъ объ этомъ дѣлѣ гораздо основательнѣе, нежели какъ казалось то кое-гдѣ другимъ; доказало и то, что знакомо съ исторіей человѣчества не хуже другихъ, и понимаетъ ее не менѣе вѣрно, и вотъ оно рѣшило теперь земли бывшей Польши слить съ своимъ царствомъ. 1) Но что значитъ слить? Слить одну землю съ другою есть не что иное какъ лишить ее тѣхъ исключительныхъ правъ, какія она или сама себѣ добыла или пріобрѣла отъ господствующихъ правителей, и поставить ее подъ однообразное управленіе съ остальными областями.

Справедливо, подобный актъ не можетъ назваться дѣломъ особенной милости; но гдѣ онъ на столько необходимъ, какъ въ бывшемъ королевствѣ польскомъ, тамъ онъ не только долженъ быть одобренъ, но и считаться вынужденнымъ собственною безопасностью самосохраненія, этимъ главнѣйшимъ закономъ природы и разума, какъ дилеммой «быть или не быть.» Кто не станетъ лѣчить на своемъ тѣлѣ рану тѣмъ средствомъ, которое находитъ онъ самымъ надежнымъ?

Наполеонъ слилъ съ Франціей Ниццу и Савойю въ награду за пролитую кровь и матеріяльныя издержки на войнѣ; Пруссія сливаетъ съ собою завоеванныя соединенными силами Герцогства, за что должна отдать отчетъ какъ союзникамъ, такъ и тамошнему населенію; и неужели же Россія не въ правѣ слить съ собою Польшу, которую она неоднократно покоряла, какъ мятежницу, силою оружія, Польшу, которая при томъ не имѣетъ ни матеріяльной, ни нравственной силы, чтобъ управляться са-

(1) Это мнѣніе „Србобрана“, основано на весьма сомнительномъ слухѣ, распространненномъ заграницею нѣкоторыми иностранными газетами.

Ред.

мой собою и удержаться даже въ томъ случаѣ, когда бы великодушная Россія захотѣла даровать ей полную независимость?

Польша, какъ изжившее тѣло, уже разложилась, и только сліяніе съ державой русскою способно спасти ее отъ той гибели, какой подверглись ея сожители (евреи) при императорѣ Титѣ.

Съ XI столѣтія многіе евреи переселились въ Польшу, и мало-по-малу вся торговля, всѣ финансовыя средства перешли въ ихъ руки. Несчастный законъ, запрещавшій шляктѣ заниматься промыслами, помогъ хитрымъ пришельцамъ высосать землю. И когда сообразимъ, что Польша въ самое цвѣтущее свое время, между 1333 и 1587 годами, управлялась такими законами, которые не въ силахъ осчастливить на продолжительное время ни одну державу, то ни мало не удивимся, что въ эпоху наибольшаго внѣшняго блеска она посѣяла у себя сѣмя внутренняго разложенія, питала и холила его до тѣхъ поръ, пока не привело оно ея къ тому состоянію, въ какомъ встрѣчаемъ ее во второй половинѣ XVII вѣка.

На ряду съ внутреннимъ зломъ росло и другое, внѣшнее, которому Польша мало-по-малу должна была окончательно подчиниться. Опаснѣйшій ея сосѣдъ, Москва, со дня на день укрѣплялся больше и больше какъ мудрыми учрежденіями внутри, такъ и польскими грѣхами. Непрерывныя войны Польши съ Россіей, нѣмцами и турками, среди которыхъ она то одерживала побѣды, то терпѣла пораженія, довели финансовое ея состояніе до того, что и сама она не могла уже помышлять о возможности перенести наносимые ей удары. Къ этому не замедлила еще присоединиться роскошь и безпечность, овладѣвшія польскимъ народомъ до самыхъ низшихъ его слоевъ, и вотъ существенныя причины его гибели. Народъ, всецѣло рабъ, не признавалъ ни малѣйшей цѣны за шляхетскимъ управленіемъ, въ которомъ не принималъ онъ никакого участія; не въ состояніи были воодушевить его и шляхетскіе сеймы, гдѣ все ограничивалось исключительно интересами шляхты, а народъ подвергался лишь новымъ тягчайшимъ налогамъ, съ которыми ни мало не были связаны ни нравственныя, ни матеріяльныя его выгоды. Словомъ, дворяне представляли собою ликурговыхъ спартанцевъ, а народъ гелотовъ. (1).

---

(1) Понятны побужденія изъ за которыхъ авторъ этой замѣтки промолчалъ главную причину паденія Польши, — фанатизмъ ксендзовъ и шляхты, насилія надъ русскою вѣрою и народностью, вызвавшія ожесточеніе русскаго народа и кровавыя расправы съ притѣснителями. Ред.

Чего же иначе можно было ожидать отъ такой державы, кромѣ саморазрушенія?

Нѣтъ ни одного примѣра въ исторіи, чтобъ усиливающаяся внутри и внѣ держава терпѣла при себѣ слабаго и изнемогшаго сосѣда единственно изъ милости и изъ вниманія къ преданіямъ о прошедшихъ дѣяніяхъ, которыми отмѣтилъ онъ свое существованіе въ исторіи, тѣмъ менѣе такого, который не хотѣлъ и не хочетъ сознать, что времена перемѣнились и что часы его славы и значенія прошли невозвратно.

Екатерина II, одаренная быстрымъ взоромъ и государственнымъ умомъ, должна была испробовать первый ударъ, чтобы сдѣлать поляковъ для себя безвредными. Но она не взяла у нихъ ничего, кромѣ того, что захватили они сами у другихъ во время своей силы. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, господствуетъ неизмѣнный законъ: что не заключаетъ въ себѣ жизни, то падаетъ и уступаетъ мѣсто другому, здоровому. Ни къ чему не поведутъ сантиментальность и теоретическія доказательства какой-то незаконности и насилія и въ настоящемъ случаѣ, гдѣ подобный поступокъ оправдывается самымъ дѣломъ. Англичанинъ Боркъ могъ говорить: «когда-нибудь раскаются въ великой неправдѣ (въ раздѣлѣ Польши), и болѣе другихъ тѣ державы, которыя по преимуществу участвовали въ ней», но такъ какъ до сихъ поръ эти пророческія слова не оправдались, то сомнительно, что когда-либо и впредь оправдаются.

Польша, стремившаяся ополячить всѣ захваченныя ею нѣкогда земли, въ настоящее время позволяетъ себѣ жаловаться на Россію за чинимыя будто бы ей насилія и за введеніе въ администрацію языка русскаго. Такая жалоба ни сколько не болѣе справедлива и основательна какъ жалобы мадьяръ на нѣмцевъ за нѣмецкій языкъ, введенный въ Венгріи въ прошедшее десятилѣтіе, тогда какъ сами они и прежде и послѣ того истощаютъ всѣ усилія, чтобы перелить всѣхъ въ мадьяръ, въ единственно спасенія достойный народъ мадьярскій.

Отъ перваго раздѣла Польши (1672) до finis Poloniae (1831), и съ той поры до послѣднихъ дней, нѣсколько уже разъ поднимала она оружіе противъ Россіи, и на глазахъ цѣлаго міра падала все ниже и ниже, и вовсе не въ такомъ видѣ, какъ стараются увѣрить весь свѣтъ заблудшія ея дѣти; къ великому для нихъ сожалѣнію, они въ состояніи были увѣрить только тѣхъ, кто и безъ ихъ доказательствъ считалъ для себя полезнымъ думать и вѣрить такъ, какъ имъ хочется.

Но успѣла ли скитающаяся по свѣту эмиграція сдѣлать что-нибудь на пользу своей отчизны, погребенной преступленіями ея дѣтей?

Нисколько, и никогда ничего не успѣетъ, потому что всѣ троны, вокругъ которыхъ она извивается, уже убѣдились, что вина лежитъ на ней, а не на строгости русскаго правительства и не на жестокости русской администрацiи. На благодѣтельныя реформы императора Александра II отозвалась Польша мятежемъ, пожарами и убійствами, а теперь обвиняетъ Муравьева и Берга за послѣдствія своихъ прегрѣшеній.

Польша, этотъ Катилина въ Русской Имперіи, жалуется на мѣры, вызванныя ею же самой противъ себя! Развѣ существуетъ законъ, который былъ бы достаточно строгъ для тѣхъ, кто непрерывно возстаетъ противъ бытія цѣлаго государства, противъ мира и благосостоянія, противъ всѣхъ существующихъ правъ и законовъ? Случалось ли хоть разъ, чтобы побѣжденные мятежники предписывали законы побѣдившимъ ихъ государствамъ, и могли ли они когда-нибудь надѣяться отъ послѣднихъ чего-либо иного, кромѣ милости и забвенія о содѣянныхъ преступленіяхъ? И не даровала ли всего этого Россія Польшѣ съ величайшимъ великодушіемъ и либеральностью? Но кто стремится къ чему-то большему, къ полной самостоятельности, къ умершей Польшѣ, для того все мало и ничтожно.

Чего же желяютъ поляки отъ Россіи и что признаютъ они справедливымъ?

Чтобы Россія возвратила имъ бывшую Польшу со всѣми прежними воеводствами, на всемъ пространствѣ отъ Балтійскаго до Чернаго моря, чтобы уговорила сдѣлать то же Пруссію и Австрію, чтобы подарила имъ короля въ Варшавѣ съ полною королевскою властію, словомъ, чтобы воздвигла независимое государство въ государствѣ и снабдила его оружіемъ, съ которымъ оно могло бы воевать противъ Россіи, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ завоевать ее! Таковы вполнѣ справедливыя желанія по взгляду поляковъ и ихъ пріятелей.

Подобныя же желанія высказали и мадьяры въ 1848 году, въ либеральной своей конституціи, желанія, въ силу которыхъ одно государство должно имѣть двухъ королей, два министерства, два войска, а съ этимъ всѣмъ и тѣ дивныя послѣдствія, какія могли бы произойдти отсюда при удобномъ случаѣ. И могла ли ихъ уважить Австрія, и уважитъ ли когда-нибудь, по-

ка будетъ чувствовать въ себѣ жизненную силу и можетъ разчитывать на вѣрность остальныхъ своихъ подданныхъ? Никогда.

Возможно ли же ожидать отъ Россіи, чтобъ она, воздвигши и утвердивши мудрою своею политикой, счастливыми войнами и благопріятними обстоятельствами, громаднѣйшее царство, какое когда-либо видѣлъ міръ, чтобъ она отдала въ руки вѣроломныхъ своихъ враговъ оружіе и средства убійства противъ себя самой?

Польша уже давно вычеркнута изъ ряда государствъ европейскихъ, и нѣтъ силы, которая смогла бы возвратить ее въ прежнее состояніе и сообщить ей независимость и самостоятельность: только сила, способная воскрешать изъ мертвыхъ, въ состояніи это сдѣлать. Имя Польши есть монументъ, возбуждающій въ насъ воспоминанія; въ дѣйствительности же она исчезла гораздо прежде, нежели подпала подъ управленіе Муравьева и Берга.

Осталась земля, остался и народъ страдавшій подъ бывшимъ нѣкогда правительствомъ польскимъ; но исчезли правители и правительство, воображавшіе будто похищенное саблей не можетъ быть ею же возвращено назадъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Пріѣздъ Генералъ-Адъютанта К. П. Фонъ-Кауфмана въ Вильну.

Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что 2 мая въ 2 ч. 50 м. по полудни, прибылъ въ Вильну, Высочайше назначенный новый нашъ начальникъ края, генералъ-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ Кауфманъ (*). На путевомъ дворѣ же-

---

(*) Его превосходительство, Константинъ Петровичъ, четырнадцатый генералъ-губернаторъ сѣверо-западныхъ губерній, со времени возвращенія этого края къ Россіи. Вотъ рядъ виленскихъ генералъ-губернаторовъ: 1) Генералъ аншефъ князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ, съ 30 октября 1794 по 26 ноября 1798.— 2) Генералъ отъ инфантеріи Борисъ Петровичъ де-Лассіи, по 26 октября 1799.—Исправлялъ должность, генералъ отъ кава-

лѣзной дороги его встрѣтили—Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Потаповъ, начальникъ губерніи, и. д. начальника штаба войскъ округа и многіе военные штабъ и оберъ офицеры, некомандующіе частями.

Г. главный начальникъ края съ дебаркадера прежде всего отправился въ Свято-Духовъ монастырь, гдѣ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, викаріемъ литовской епархіи, съ монастырскою братіею; приложившись къ нетленнымъ мощамъ св. виленскихъ угодниковъ Антонія, Іоанна и Евстафія, и испросивъ благословеніе Божіе на предстоящіе труды на новомъ поприщѣ, его превосходительство прямо изъ церкви посѣтилъ маститаго нашего іерарха, высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго. За тѣмъ, прибывъ въ генералъ губернаторскій домъ, г. главный начальникъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ, всѣми гг. генералами и начальниками отдѣльныхъ воинскихъ частей.

леріи Иванъ Петровичъ Горичъ, съ 13 ноября по 19 декабря 1799.—3) Генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, по 11 іюля 1801. — 4) Генералъ-лейтенанъ Леонтій Леонтьевичъ Бенингсенъ, по 20 сентября 1806.—5) Генералъ отъ инфантеріи Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, съ 5 октября 1806 по 3 іюля 1806.—6) Генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ (вторично) по 17 апрѣля (1) 1812. — 7) Генералъ отъ инфантеріи Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ (вторично) по 24 декабря 1830.—8) Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій по 23 августа 1831. 9) Генералъ-адъютантъ, генералъ-маіоръ (потомъ генералъ-лейтенантъ) князь Николай Андрѣевичъ Долгорукій, по 18 марта 1840.—10) Генералъ-лейтенантъ Федоръ Яковлевичъ Мирковичъ, съ 1 февраля 1840 по 27 февраля 1850. — 11) Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Илья Гавриловичъ Бибиковъ 2-й, съ 15 марта 1850.—12) Генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, съ 10 декабря 1855 по 14 мая 1863. — 13) Генералъ отъ инфантеріи графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, съ 1 мая 1863 по 17 апрѣля 1865.—14) Генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, съ 17 апрѣля 1865.

---

(1) Съ 2 декабря 1810 по 1 февраля 1811 года находился въ отпуску. Должность его исправлялъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Николаевучъ Эссенъ. Въ мартѣ 1811 отправлялся къ молдавской арміи, поручивъ исправленіе должности генералъ-губернатора генералъ-маіору князю Ивану Степановичу Гурьелову; всѣже указы и предписанія начальства, до 17 апрѣля 1812 года были адресованы на имя князя Голенищева-Кутузова.

На другой день, 3 мая, въ 11 ч. утра, г. главному начальнику края представились духовенство всѣхъ исповѣданій, военные и гражданскіе чины, дворянство и представители городскихъ сословій—съ хлѣбомъ и солью. Всѣхъ представшихся было болѣе 500 человѣкъ. Число дворянъ было весьма значительно. Его высокопревосходительство, отъ Имени ГОСУДАРЯ благодарилъ всѣхъ служащихъ за ихъ труды и усердіе, высказавъ увѣренность, что труды эти не ослабнутъ, усердіе не уменшится, и что съ Божіею помощію преодолѣются всѣ трудности, неразлучныя съ управленіемъ края. Подходя къ каждой изъ отдѣльныхъ корпорацій, Константинъ Петровичъ удостоивалъ всѣхъ нѣсколькими привѣтливыми словами. Римско-католическому духовенству сказалъ, между прочимъ, что стоя во главѣ народа, какъ пастыри и наставники душъ, они должны руководить имъ, внушая любовь и правду, непреложное исполненіе долга и непоколебимую преданность ГОСУДАРЮ и отечеству; что въ этомъ отношеніи духовенство виновато, не съумѣвъ во время остановить мятежное броженіе, виновато тѣмъ болѣе, что допустило многихъ изъ своихъ собратовъ принять участіе въ послѣднихъ смутахъ и безпорядкахъ; что правительство, постоянно покровительствуя всѣ исповѣданія, всегда предоставляло свободу дѣйствій въ отношеніи вѣры и исполненія религіозныхъ обрядовъ; но требуетъ, чтобы духовенство не забывало своего священнаго призванія и было проповѣдникомъ любви и мира, а не вражды и лицемѣрія.

Дворянству г. главный начальникъ края сказалъ: „Господа! По своему положенію, какъ первенствующее сословіе въ краѣ, вы должны всѣми силами содѣйствовать правительству, чтобы какъ можно скорѣе залечить раны, которыя нанесены этой странѣ крамольными дѣйствіями. Дворянство должно заслужить забвеніе прошедшаго; будущее отъ васъ самихъ зависитъ; вы должны быть ревностными исполнителями правительственныхъ предначертаній, всегда клонящихся ко благу страны; вы до сихъ поръ мало обращали вниманія на воспитаніе юнаго поколѣнія и допустили зарожденіе несбыточныхъ мечтательныхъ надеждъ, противныхъ долгу и совѣсти, породившихъ несчастное возстаніе, подвергшихъ край всѣмъ ужасамъ и неистовствамъ мятежа и всѣмъ его послѣдствіямъ; вы сами, господа, въ этомъ виноваты, и, повторяю, отъ васъ самихъ теперь зависитъ залечить эти раны. Вы видѣли, господа, что когда возгорѣлся

мятежъ—вся Россія отозвалась негодованіемъ и поспѣшила заявить своему ГОСУДАРЮ, что она готова на всевозможныя жертвы, чтобы отстоять свое древнее достояніе.—Поймите же свой долгъ и никогда не забывайте, что это край русскій. Дайте воспитанію дѣтей вашихъ должное направленіе, сообразное съ ихъ призваніемъ, съ историческою и политическою правдою, содѣлайте изъ нихъ полезныхъ будущихъ русскихъ гражданъ, вѣрныхъ долгу и преданныхъ своему законному ГОСУДАРЮ и отечеству. Только этимъ путемъ вы можете заслужить уваженіе и пріобрѣсть довѣріе русскаго народа и русскаго дворянства, и повѣрьте, они поспѣшатъ протянуть къ вамъ братскую руку.»

„Съ своей стороны, я всегда готовъ быть вашимъ ходатаемъ предъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ, но вы сами, господа, должны мнѣ содѣйствовать къ осуществленію благихъ предначертаній ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.—Надѣюсь на васъ!"— На эту рѣчь дворяне отвѣтствовали единогласнымъ восклицаніемъ: „будемъ, будемъ содѣйствовать!"

Обращаясь къ представителямъ городскихъ сословій, и принявъ отъ нихъ хлѣбъ-соль, г. начальникъ края изволилъ указать и имъ, какъ важно воспитаніе дѣтей въ истинно русскомъ духѣ, заявивъ надежду, что они обратятъ на это особенное вниманіе и постараются, чтобы виленскіе граждане были всегда вѣрными долгу и чести русскими подданными.

Въ тотъ же день его высокопревосходительство Константинъ Петровичъ, въ сопровожденіи его превосходительства Александра Львовича Потапова, начальника губерніи и членовъ комитета по устройству православныхъ церквей, осматривалъ всѣ возобновляемые и вновь воздвигаемые православные храмы въ Вильнѣ.

Вил. Вѣст.

Пріѣздъ генералъ-адъютанта А. П. Безака въ Кіевъ.

Въ Кіевлянинѣ пишутъ слѣдующее: 28-го апрѣля; (въ 12-ть часовъ), его высокопревосходительству кіевскому, подольскому и волынскому генералъ-губернатору А. П. Безаку представлялись, въ присутствіи губернаторовъ трехъ губерній, чины граж-

данскаго вѣдомства, многіе изъ гг. членовъ мировыхъ учрежденій и представители дворянства кіевской губерніи.

Послѣ отдѣльнаго представленія лицъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и членовъ дворянства, начальникъ югозападнаго края, обратясь къ присутствовавшимъ, сказалъ:

„Пользуюсь присутствіемъ здѣсь гг. губернаторовъ ввѣреннаго мнѣ края и многихъ членовъ мировыхъ учреждсреній, чтобы просить ихъ обратить особенное вниманіе на скорое и правильное рѣшеніе крестьянскаго дѣла, какъ самаго важнаго въ настоящее время."

„Встрѣченныя на практикѣ, при выполненіи указа 3 іюня 1863 г., затрудненія устраняются нынѣ Высочайше утвержденными постановленіями главнаго комитета, кои, вмѣстѣ съ прежде изданными законоположеніями, относящимися до устройства быта крестьянъ югозападнаго края, по моему распоряженію, напечатаны, для удобства употребленія, особою книжкою."

„Волынское губернское присутствіе, замѣтивъ въ дѣйствіяхъ мировыхъ съѣздовъ отсутствіе твердыхъ основаній, при примѣненіи положенія 2 сентября 1863 г. о пониженіи выкупныхъ платежей, сдѣлало попытку къ установленію общихъ началъ, кои могли бы служить нѣкоторымъ указаніемъ мировымъ посредникамъ для болѣе уравнительнаго и правильнаго опредѣленія сказанныхъ пониженій."

„По примѣру волынскаго, я предложилъ кіевскому и подольскому губернскимъ присутствіямъ, при содѣйствіи мировыхъ съѣздовъ и нѣкоторыхъ опытныхъ посредниковъ, обсудить также этотъ предметъ, что ими и исполнено."

„Предоставивъ такимъ образомъ губернскимъ присутствіямъ управляемаго мною края установить, на основаніи мѣстныхъ условій хозяйства и состоятельности крестьянъ, по возможности, общія начала для примѣненія положенія 2-го сентября, я сохраняю за собою присвоенное мнѣ этимъ положеніемъ право оцѣнивать заключенія присутствій о пониженіяхъ, превышающихъ 15-ти процентный размѣръ, не по однимъ только принятымъ присутствіями основаніямъ, но и по всѣмъ другихъ даннымъ, которымъ могутъ быть представлены мнѣ при разсмотрѣніи каждаго отдѣльнаго случая, или собраны чрезъ особо командированныхъ мною чиновниковъ."

„Я буду энергически отстранять всѣ препятствія къ успѣшному ходу дѣла, буду строго и внимательно слѣдить за выполненіемъ мировыми дѣятелями своихъ обязанностей, поставляя себѣ въ пріятный долгъ поощрять и вознаграждать всякій усердный трудъ."

„Тѣ мировые дѣятели, которые добросовѣстно исполнятъ свое призваніе, могутъ быть увѣрены, что, по окончаніи дѣла, они не будутъ забыты. Я постараюсь доставить имъ въ краѣ другія должности, соотвѣтствующія ихъ способностямъ и познаніямъ.

Затѣмъ позволяю себѣ надѣяться, что отнынѣ крестьянское дѣло во ввѣренномъ мнѣ краѣ пойдетъ твердо и неуклонно по указанному ему Высочайшею волею пути, что гг. мировые дѣятели постараются, съ одной стороны — объяснить сельскому населенію сколь велико о немъ попеченіе Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ, а съ другой — внушать крестьянамъ необходимость строгаго уваженія законовъ и ненарушенія правъ собственности помѣщиковъ."

„Въ заключеніе еще нѣсколько словъ."

„Здѣшній языкъ есть сеть коренной русскій, а потому покорнѣйше прошу гг. губернаторовъ строго подтвердить, чтобы во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ не было въ употребленіи, ни письменно ни словесно, никакого другого языка, кромѣ русскаго, предоставляю имъ смѣнять или представлять къ увольненію тѣхъ чиновниковъ, кои позволятъ себѣ отступленіе отъ этого распоряженія. Съ своей стороны предупреждаю, что не буду отвѣчать ни на одну просьбу и ни на одно письмо дѣловое, написанныя ко мнѣ и подписанныя не по-русски, каковымъ правиломъ прошу руководствоваться всѣхъ лицъ, служащихъ подъ моимъ начальствомъ."

Посѣщеніе г. Ковно новымъ начальникомъ края.

9-го мая, въ 6 часовъ по полудни, прибылъ въ Ковно г. главный начальникъ сѣверо-западнаго края, генералъ-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ. Главною цѣлію посѣщенія нашего города г. генералъ-губернаторомъ была встрѣча Государя Императора и сопровожденіе Его Величества на обратномъ пути изъ-за границы въ Россію. Временемъ же пре-

быванія своего въ Ковнѣ его высокопревосходительство воспользовался для того, чтобы лично осмотрѣть всѣ городскія учрежденія города Ковно и ближе ознакомиться съ ходомъ дѣлъ въ ковенской губерніи.

9-го мая, вечеромъ, г. главный начальникъ посѣтилъ ковенское воспитательное заведеніе и дѣтскій пріютъ, входилъ во всѣ подробности ихъ устройства и, прощаясь, обѣщалъ изыскать средства, которыя бы обезпечили вновь открытое воспитательное заведеніе.

На слѣдующій день, утромъ, г. главному начальнику края представлялись духовенство, военные и гражданскіе чины всѣхъ вѣдомствъ, дворянство, а также представители городскихъ сословій.

Принявъ благословеніе отъ протоіерея ковенскаго собора и пригласивъ въ особый залъ лицъ православнаго духовенства, его высокопревосходительство, въ бесѣдѣ съ ними, обратилъ вниманіе на цифру православнаго населенія, какъ постоянно живущаго въ городѣ и губерніи, такъ и временно прибывающаго или убывающаго. Говоря о числѣ православныхъ приходовъ, о времени постройки храмовъ и объ ихъ настоящемъ состояніи, г. главный начальникъ края сказалъ между прочимъ: «Слава Богу, въ Ковнѣ православнымъ есть гдѣ помолиться»; прощаясь же съ представителями православія и русской народности въ здѣшнемъ краѣ, выразилъ увѣренность, что они сумѣютъ «устоять на высотѣ своего служенія и исторически важнаго значенія.»

Вслѣдъ за симъ представлялись предводители дворянства и дворяне ковенской губерніи. Къ нимъ г. главный начальникъ обратился съ слѣдующими словами: «Очень радъ, господа, видѣть васъ здѣсь и высказать то направленіе, которое по долгу присяги и совѣсти, я долженъ принять, и по которому, какъ по пути, указанному мнѣ Государемъ Императоромъ, я постараюсь вести край. Во Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ, данномъ на имя моего предмѣстника, графа Михаила Николаевича, Государю Императору угодно было выразить свой взглядъ на дѣла здѣшняго края. Вы всѣ, господа, конечно, читали этотъ рескриптъ. Вы были очевидцами бѣдствій, въ которыя недавно ввергнутъ былъ край крамольными дѣйствіями враговъ нашихъ; вы перенесли много, вы и теперь еще несете тяжелыя послѣдствія недавняго положенія дѣлъ,

и нечего намъ скрывать другъ отъ друга,—говорю вамъ прямо, что вы сами виноваты въ этомъ. Теперь у насъ должна быть общая цѣль. Воля Государя выражена ясно. Я не могу и не буду имѣть колебаній; буду ожидать вашей искренней помощи; вамъ не трудно доставить ее мнѣ, если только будете смотрѣть на себя, какъ на русскихъ дворянъ, принадлежащихъ къ русской семьѣ подданныхъ Государя, и сумѣете внушить тѣ же мысли и правила вашимъ дѣтямъ, на что обращаю ваше особенное вниманіе. Буду ожидать отъ васъ того откровеннаго и честнаго образа дѣйствій, какого отъ русскихъ дворянъ ожидать слѣдуетъ. Если мы пойдемъ по этому пути рука объ руку, единодушно, безъ заднихъ мыслей, мы скоро достигнемъ цѣли преуспѣянія и блага здѣшняго края. Только этимъ путемъ, господа, вы доставите мнѣ право ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о распространеніи на здѣшній край тѣхъ благодѣтельныхъ реформъ, какія Всемилостивѣйше дарованы внутреннимъ губерніямъ Россіи.» Дворяне, видимо тронутые этими словами, выразили полную готовность всегда и во всемъ исполнять священную волю Государя Императора.

Говоря потомъ съ учителями гимназій, г. главный начальникъ края указалъ имъ на особенную важность призванія ихъ въ здѣшнемъ краѣ, какъ воспитателей поколѣнія будущихъ вѣрноподданныхъ Государя Императора, и въ заключеніе выразилъ увѣренность, что они, конечно, не уступятъ предъ требованіями гражданскаго долга и оправдаютъ ожиданія правительства. Причемъ выразилъ желаніе, чтобы кто-либо изъ лицъ, спеціяльно призванныхъ къ дѣлу образованія, принялъ на себя трудъ: разрѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли, съ точки зрѣнія племенныхъ, вѣроисповѣдныхъ, общественныхъ и бытовыхъ отличій евреевъ, предоставить имъ полное право пользованія общими учебными заведеніями, или назначить какія-либо разграниченія между училищами еврейскими и всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій.

Начальниковъ и чиновниковъ отдѣльныхъ частей губернскаго управленія благодарилъ за ихъ «вѣрную службу и труды, понесенные въ здѣшнемъ краѣ,» и обѣщалъ на будущее время не оставить безъ вниманія ихъ заслугъ.

Къ городскому еврейскому обществу, которое наканунѣ поднесло ему хлѣбъ-соль, его высокопревосходительство обра-

тился съ слѣдующими словами: «Мнѣ весьма пріятно слышать заявленія вашей предаоности Престолу и правительству; но этого не достаточно; я желалъ бы видѣть вашу преданность не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Правительство хочетъ, чтобы вы были русскими гражданами, наравнѣ съ прочими; это не можетъ мѣшать вашимъ религіознымъ убѣжденіямъ; можно быть евреемъ по вѣрѣ и вмѣстѣ вѣрнымъ русскимъ подданнымъ. Я полагаю, вы достаточно уразумѣли, что Государь Императоръ заботится о вашемъ благѣ. Постарайтесь же сами съ своей стороны содѣйствовать успѣшному результату этихъ заботъ строгимъ и точнымъ повиновеніемъ закону и уваженіемъ къ властямъ; внушайте это и дѣтямъ вашимъ; старайтесь сдѣлать изъ нихъ не тунеядцевъ, но гражданъ, вѣрныхъ Престолу, полезныхъ обществу, русскихъ по чувству преданности къ законному Государю. Старайтесь о распространеніи и поддержаніи школъ, которыя правительство устраиваетъ для пользы дѣтей вашихъ. Живя въ Россіи и подъ русскими законами, вы должны знать русскій языкъ и говорить по-русски—это также нисколько не помѣщаетъ вашимъ религіознымъ вѣрованіямъ, но дастъ вамъ возможностъ сблизиться и стать въ уровень со всѣми русскими. Я полагаю, что вы понимаете, чего я хочу, и увѣренъ, что постараетесь оправдать мои ожиданія. Во мнѣ же вы всегда найдете охотное содѣйствіе вашимъ интерессамъ, если я увижу на самомъ дѣлѣ стремленія ваши къ пользамъ общаго отечества нашего, Россіи».

Наконецъ, представителямъ римско-католическаго духовенства г. главный начальникъ края поставилъ на видъ то, что, поднимая свою паству на мятежъ противъ правительства, они измѣнили своему долгу и своей присягѣ и что теперь отъ нихъ зависитъ заслужитъ довѣріе правительства служеніемъ въ духѣ системы, принятой въ управленіи краемъ.

Въ 12½ часовъ по полудни, его высокопревосходительство изволилъ посѣтить женскую гимназію въ сопровожденіи г. начальника губерніи, графа Н. М. Муравьева, а потомъ подробно осматривалъ ковенскую мужскую гимназію и народное училище, помѣщающееся въ зданіи гимназіи. Обойдя всѣ классы гимназіи и выслушивая отвѣты учениковъ въ тѣхъ классахъ, гдѣ производились годичныя испытанія, г. главный начальникъ края, при посѣщеніи VII класса, обратился къ оканчивающимъ курсъ ученикамъ съ слѣдующими словами: «Господа, вы окан-

чиваете курсъ; остаются одни экзамены. Вижу въ васъ не дѣтей, но молодыхъ людей съ готовымъ развитіемъ. Вы, конечно усвоили себѣ тѣ добрыя начала, которыя могла сообщить вамъ гимназія. Желаю вамъ сберечь ихъ на всю жизнь. Берегите ихъ не для себя только, но и для другихъ; старайтесь передать ихъ товарищамъ вашимь — и тѣмъ, которыхъ здѣсь оставляете, и тѣмъ, съ которыми встрѣтитесь въ университетѣ. Желаю этого для васъ же самихъ, для вашей пользы и счастія. Вы, въ свою очередь, будете призваны къ исполненію гражданскихъ обязанностей. Приготовьтесь же нести ихъ такъ, чтобы вполнѣ выказалось достоинство началъ, выносимыхъ отсюда, чтобы оправдались надежды вашихъ родителей и наставниковъ, чтобы во всю жизнь Государь Императоръ видѣлъ въ васъ вѣрноподданныхъ, а Россія достойныхъ сыновъ своихъ. Прощайте, господа. Со временемъ вы глубже поймете и лучше оцѣните мои желанія.»

Рядомъ съ гимназіею, въ самомъ центрѣ города, по распоряженію графа М. Н. Муравьева, начата православнымъ св. никольскимъ ковенскимъ братствомъ перестройка въ православный храмъ костела, упраздненнаго вмѣстѣ съ доминиканскимъ монастыремъ еще въ тридцатыхъ годахъ. Г. главный начальникъ края, осмотрѣвъ старинное зданіе и разбирая утвержденный графомъ Михаиломъ Николаевичемъ проектъ перестройки, прибавилъ: «Хотя я уважаю все, что утверждено этой подписью; но казалось бы, что на такомъ зданіи приличнѣе было бы вмѣсто деревяннаго купола, предположеннаго братствомъ, поставить желѣзный; пришлите мнѣ этотъ проектъ; мы подумаемъ, нельзя ли выполнить его съ желѣзнымъ куполомъ; надѣюсь, что братство, сверхъ ассигнованныхъ 11 т. р., соберетъ изъ внутреннихъ губерній еще до 2 т. «Члены совѣта братства приняли это предложеніе съ удовольствіемъ, и съ надеждою, что вся Россія, съ Москвою во главѣ, поможетъ братству совершить перестройку костела въ храмъ, предположенный къ освященію во имя святителей московскихъ и всей Россіи.

Затѣмъ г. главный начальникъ края ѣздилъ молиться въ православныхъ ковенскихъ соборахъ: въ лѣтнемъ во имя св. Александра Невскаго, и въ зимнемъ во имя св. Николая; осмотрѣлъ замѣчательную по капитальной постройкѣ своей дамбу,

посѣтилъ городскую больницу и тюрьму для политическихъ преступниковъ.

На другой день, 11-го мая, его высокопревосходительство осмотрѣлъ большое зданіе военнаго госпиталя и двѣ тюрьмы гражданскихъ арестантовъ, и того же числа, въ 3 ч. 35 м. по полудни, отправился обратно въ Вильну, съ поѣздомъ Его Императорскаго Величества. (*Сѣв. Почта*)

Дѣйствія церковнаго кіевскаго св. Владимірскаго братства.

— Въ собраніи членовъ совѣта Св. Владимірскаго братства, 1864 года декабря 20 дня, былъ розбираемъ отчетъ коммиссіи, которая учреждена, по опредѣленію совѣта, отъ 15-го ноября 1864 г., съ тою цѣлью, чтобы пріискать мѣры къ упроченію средствъ братства и изыскать постоянные источники доходовъ братства.

Коммиссія проэктируетъ въ своемъ отчетѣ слѣдующія стати, могущія увеличивать фондъ братскихъ суммъ:

1) Распространеніе (чрезъ продажу) полезныхъ книгъ въ народѣ. Для пріобрѣтенія книгъ, коммиссія предлагаетъ, съ одной стороны, отдѣлить изъ наличныхъ суммъ братства часть (примѣрно въ 200 руб. сер.) для книжнаго капитала; съ другой—обратиться, отъ имени братства, къ разнымъ книгопродавцамъ и обществамъ распространенія полезныхъ книгъ, чтобы этимъ путемъ пріобрѣсть для братства книги по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Для распродажи книгъ коммиссія предлагаетъ учредить книжные склады: главный складъ при братствѣ въ г. Кіевѣ и частные склады въ уѣздныхъ городахъ. Разбирая эту статью доходовъ, члены совѣта братства пришли къ слѣдующему заключенію: если при распродажѣ книгъ наложить малый процентъ, то распродажа доставитъ самые незначительные доходы, которыхъ можетъ быть не достанетъ на содержаніе складовъ, вознагражденіе продавцамъ книгъ и т. п. Доходъ будетъ равенъ съ расходомъ и превзойдетъ доходъ. Если же наложить большіе проценты, тогда выгоднѣе будетъ покупать книгу въ книжныхъ магазинахъ, въ которыхъ, при болѣе общирныхъ операціяхъ, чѣмъ распродажа книгъ въ брат-

скихъ складахъ, и малые проценты въ общей сложности доставляютъ большіе доходы. Такимъ образомъ признано, что распродажа книгъ чрезъ продажу не можетъ способствовать къ увеличенію доходовъ братства. Относительно безмездной раздачи книгъ коммиссія полагаетъ «избѣгать по возможности благотворенія книгами и допускать его только въ видахъ исключенія по отношенію къ тѣмъ книгамъ, которыя пожертвованы братству и которыя могутъ быть раздаваемы въ награду прилежнымъ ученикамъ». Члены совѣта братства признали избѣгать безвозмездной раздачи книгъ только частнымъ образомъ, по рукамъ, но по мѣрѣ средствъ братства, заботиться о безмездномъ основаніи и увеличеніи библіотекъ при школахъ. Книги, высылаемыя братствомъ въ школы, должны быть вносимы въ опись церковнаго имущества (какъ было поступаемо при разсылкѣ книгъ и до сихъ поръ) и безпрепятственно раздаваемы для чтенія всѣмъ кто пожелаетъ, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы были возвращаемы въ цѣлости. Для распространенія такихъ библіотекъ, въ настоящемъ собраніи членовъ совѣта братство положило — выдѣлить изъ суммъ братства 300 руб. сдр. для закупки книгъ.

2) Другимъ источникомъ доходовъ коммиссія полагаетъ «распространеніе (тоже чрезъ распродажу) въ народѣ правильно написанныхъ иконъ.» Для этой цѣли братство, какъ сказано въ отчетѣ, а) дѣлаетъ заказы лучшимъ живописцамъ, или учреждаетъ само мастерскую; б) братство открыло бы продажу иконъ при книжныхъ складахъ съ выгодою для братства; в) запретило бы торговать иконами въ балаганахъ и вообще продавать иконы безъ особаго свидѣтельства со стороны духовнаго вѣдомства. Для приведенія въ дѣйствіе въ 1-й и 2-й мѣры, коммиссія совѣтуетъ назначить извѣстную достаточную сумму для закупки иконъ. Относияельно 3-й мѣры коммиссія предлагаетъ братству исходатайствовать у епархіальнаго начальства распространеніе цензуры на иконы. Такъ какъ народъ главнымъ образомъ ищетъ иконъ по дешевой цѣнѣ, то въ собраніи членовъ совѣта братства были представлены образцы иконъ очень дешевыхъ и правильной живописи. Иконы эти срисованы на бумагѣ, бумага наклеивается на деревянную доску и наводится густымъ лакомъ. Такія иконы признаны вполнѣ удовлетворительными. На покупку иконъ собраніемъ рѣшено — выдѣлить изъ суммъ братства 300 руб. сереб.,

часть этихъ денегъ будетъ вручена г. члену совѣта купцу Савицкому, который принялъ на себѣ трудъ выписать изображенія на бумагѣ изъ Москвы и заказать деревянныя формы для наклейки. Но какъ склады книжные признаны братствомъ невыгодными; то распродажа иконъ будетъ уже производиться не при складахъ, какъ проэктируетъ коммиссія, а будетъ поручена сельскимъ благочиннымъ и священникамъ. Предсѣдатель братства, каѳедральный протоіерей Крамаревъ, на счетъ искорененія злоупотребленій въ торговлѣ иконами и введенія цензурныхъ правилъ, о которыхъ шла рѣчь въ отчетѣ коммиссіи, объявилъ, что объ этомъ предметѣ идетъ дѣло въ кіевской духовной консисторіи.

2) Кромѣ этихъ источниковъ доходовъ, коммиссія предлагаетъ еще—1-е устроитъ похоронные дроги съ платою, которая можетъ быть установлена совѣтомъ братства. Эта статья доходовъ одобрена всѣми членами совѣта. 2) Учредить кружку для сбора пожертвованій въ пользу братства при иконѣ Св. Владиміра. Предсѣдатель заявилъ, что кружка существуетъ со дня открытія братства. 3) Выдавать, согласно предложенію члена братства, графа Остенъ-Сакена, дипломы постояннымъ членамъ братства или лицамъ внесшимъ значительные вклады (единовременно до 100 руб.). Относительно этого предмета рѣшено выдавать дипломы членамъ, внесшимъ единовременно отъ 50 до 100 руб. сереб., или же изъявившимъ согласіе быть постоянными вкладчиками въ кассу братства. 4) Продавать при книжныхъ складахъ крестики и иконки. Рѣшено изъ выданныхъ 300 руб. сер. на закупку иконъ, отдѣлить не большую часть и для закупки крестиковъ. 5). Согласно предложенію члена братства г. Курдюмова, выдавать членамъ братства особыя книжки для сбора пожертвованій. Рѣшено: давать лицамъ тѣмъ кто пожелаетъ.

Наконецъ, коммиссія рекомендуетъ, какъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ обезпеченія братства, учрежденіе при немъ, когда откроется къ тому возможность, типографіи. Рѣшено: отложить открытіе типографіи братства на будущее время.

Списокъ новыхъ членовъ кіевкаго св.-Владимірскаго братства.

Съ 27 ноября 1864 года приняли, по предложенію совѣта братства, званіе почетныхъ членовъ братства:

1) Его высокопреосвященство, архіепископъ рязанскій Иринархъ, со внесеніемъ въ кассу братства—25 руб.
2) Его преосвященство, епископъ калужскій Григорій—25 р.
3) Его преосвященство, епископъ орловскій Поликарпъ.
4) Его высокопреосвященство, архіепископъ варшавскій Іоаникій—100 руб.
5) Его Высокопреосвященство, архіепископъ волынскій Антоній—25 руб.
6) Его преосвященство, епископъ полтавскій Іоаннъ—50 руб.
7) Его преосвященство, епископъ костромской Платонъ.
8) Его преосвященство, епископъ архангельскій Наѳанаилъ—10 руб.
9) Его преосвященство, епископъ курскій Сергій—25 руб.
10) Его высокопревосходительство, военный министръ Милютинъ—25 руб.
11) Его высокопревосходительство, министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ—25 руб.

Вписались въ число членовъ братства:

12) Статскій совѣтникъ Александръ Родіоновичъ Ратко—10 р.
13) Свиты Его Величества генералъ-маіоръ, князь Алексѣй Ивановичъ Кропоткинъ—25 руб.
14) Московскій купецъ Василій Сиротининъ—20 руб.
15) Московскій купецъ Д. Карпѣевъ—15 руб.
16) Инспекторъ кіевской семинаріи, архимандритъ Ѳерапонтъ—5 руб.
17) Графъ Сергѣй Дмитріевичъ Шереметевъ—25 руб.
18) Архимандритъ ярославскаго аѳанасьевскаго монастыря Иннокентій—5 руб.
19) Московскій фабрикантъ Сазиковъ—50 руб.
20) Крестьянинъ иркутской губерніи Степанъ Купцовъ—5 р.
21) Московскій купецъ Василій Медвѣдниковъ—3 руб.
22) Пожертвовалъ, не принимая званія члена братства московскій купецъ Алексѣй Медвѣдниковъ—10 руб.

Пожертвовали книгами:

23) Московскій купецъ, коммерціи совѣтникъ, К. В. Прохоровъ—нѣсколько сотъ мелкихъ брошюръ.
24) Редакторъ газеты «Кіевскій Телеграфъ»—50 экземпляровъ брошюры: Сороколѣтіе Европы съ 1815 по 1855 годъ.
25) Зиневичъ изъ Петербурга—10 книгъ.

Кіев. Еп. Вѣд.

Протоколъ засѣданія совѣта св.-Владимірскаго братства 28-го февраля 1863 года.

1865 года, февраля 28 дня, въ собраніи членовъ св. Владимірскаго братства подлежали обсужденію слѣдующіе предметы:

1. Въ началѣ засѣданія гг. членамъ братства была предъявлена записка графа *Остенъ-Сакена*, въ которой онъ выражаетъ такое мнѣніе: «было бы весьма полезно изданіе при совѣтѣ братства записокъ, въ коихъ излагался бы отчетъ о распоряженіяхъ, дѣйствіяхъ и успѣхахъ братства.» Цѣль записокъ, по предположенію графа Сакена,— съ одной стороны— увеличеніе общаго сочувствія, съ другой—увеличеніе средствъ братства, вырученными отъ подписчиковъ деньгами. Такое изданіе записокъ и отчетности, собраніе нашло безпорно полезнымъ, но неудобо-выполнимымъ.

Записки о дѣятельности братства и отчетность, могутъ быть издаваемы или въ видѣ брошюръ, или въ видѣ вѣдомостей и газетъ. Если издавать ихъ въ видѣ брошюръ, то едва ли распродажа ихъ выручитъ тѣ деньги, какія будутъ затрачены на отпечатаніе. Брошюры большею частію расходятся лишь въ томъ городѣ, въ которомъ изданы и не идутъ далѣе. Значитъ, изданіе записокъ въ видѣ брошюръ не увеличитъ ни общаго сочувствія, ни распространитъ извѣстности братства, ни увеличитъ его средствъ. Чтобы издавать записки въ видѣ вѣдомостей или газетъ, само собою разумѣется, нужны средства, нуженъ значительный основной капиталъ, котораго братство въ настоящее время не имѣетъ; и потому собраніемъ рѣшено: а) объявить, не будетъ ли благоугодно кому дать (заимообразно) капиталъ для изданія при братствѣ журнала или газеты; сотрудниками же не откажутся быть братья св. Владимірскаго братства; б) общая отчетность о распоряженіяхъ, успѣхахъ и дѣйствіяхъ братства будетъ опубликована въ годичномъ отчетѣ.

2. Такъ какъ братство, въ числѣ задачъ своихъ, предположило содѣйствовать, по мѣрѣ своего вліянія, поднятію народной въ краѣ нравственности и возвышенію значенія въ обществѣ духовенства, то совѣтъ братства предполагаетъ первоначально назначить премію въ 100 руб. сер., за написаніе сочиненій на слѣдующія двѣ темы: а) что могло бы способ-

ствовать поднятію нравственности народа въ здѣшнемъ краѣ; б) что могло бы способствовать усиленію значенія въ обществѣ духовенства?—Сочиненія имѣютъ быть представлены въ собраніе членовъ совѣта братства, и, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, сочиненія имѣютъ быть представлены запечатанными въ кувертѣ, безъ объявленія имени автора, и лишь тогда, когда изъ представленныхъ сочиненій будетъ избрано сочиненіе удовлетворительно обслѣдовавшее вопросъ, авторъ имѣетъ объявить свое имя. Къ слѣдующему собранію совѣтъ братства просилъ ключаря кіево-софійскаго собора, протоіерея *Оглоблина*, взять на себя трудъ представить, въ видѣ конспекта, тѣ частные вопросы и тѣ стороны, съ какихъ желалось бы обслѣдовать 1-й вопросъ; г. *Курдюмова* и священника *Колосова* совѣтъ просилъ, озаботиться составленіемъ такаго же конспекта относительно другаго вопроса. Къ слѣдующему собранію братство приглашаетъ пожаловать вообще тѣхъ лицъ, которымъ знакомы и которыя изучали эти вопросы.

3. Въ настоящемъ собраніи была еще предъявлена записка священника с. Вернигородка, бердичевскаго уѣзда, въ которой О. П. *Завадинскій*, приходскій священникъ, пишетъ: что пріѣхавши въ приходъ свой, въ 1855 году, онъ засталъ приходскую церковь въ самомъ жалкомъ состояніи: старую, тѣсную, съ бѣдною утварью и въ добавокъ съ 2 руб. сер. денегъ. Собравши небольшія средства, онъ приступилъ къ постройкѣ новой церкви; но теперь работа прекратилась на половинѣ дѣла, по той причинѣ, что во все нестало денегъ. О. П. *Завадинскій* проситъ братство пособить ему. Опредѣлено: пожертвовать изъ суммъ братства на это святое дѣло—50 руб. сер., и вмѣстѣ съ этимъ обратиться съ просьбою къ мѣстнымъ газетамъ, чтобы онѣ открыли у себя подписку въ пользу строющейся церкви въ с. Вернигородкѣ. Жертвователи могутъ адресоваться и въ св. Владимірское братство.

4. Въ собраніи членовъ братства, бывшемъ въ 1864 году, сентября 6-го дня, между прочимъ было рѣшено: выдать изъ собранныхъ суммъ братства, 500 руб. сер., для единовременнаго пособія тѣмъ изъ молодыхъ, окончившихъ курсъ семинаріи, наставниковъ приходскихъ школъ, которые оказали ревность и особые успѣхи въ преподаваніи. Основаніемъ для выбора учителей заслуживающихъ награды, положено: брать во вниманіе аттестацію наблюдателей церковно-приходскихъ

школъ. Рѣшеніе это постановлено распространить и на всѣхъ лицъ, оказавшихъ особенное усердіе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія въ предѣлахъ кіевской епархіи.

Примѣчаніе. Слѣдующее собраніе совѣта братства, предположено въ квартирѣ предсѣдателя совѣта, 15 апрѣля, въ 1 часъ по полудни.

Списокъ новыхъ членовъ братства съ 1-го февраля текущаго 1865 года.

1) Настоятель Слуцко-Грозовскаго монастыря, игуменъ *Геронтій*, 5 р. 2) Почетный членъ, экзархъ Грузіи, архіепископъ *Евсевій*, 50 руб. 3) Почетный членъ, архіепископъ полоцкій *Василій*, 300 руб. 4) Почетный членъ, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Фундуклей*, 300 руб. 5) министръ Императорскаго двора, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ *Адлербергъ*, и жена его, графиня *Марія Васильевна* внесли въ кассу братства 100 руб. 6) Архіепископъ псковскій *Ѳеогностъ*, 30 руб. 7) Чиновники александровскаго уѣзднаго казначейства 10 руб. 8) Помѣщикъ херсонской губерніи Константинъ Ѳедоровичъ *Бредихинъ*, 5 руб. 9) Коллежскій совѣтникъ *Тихоцкій*, 10 руб. 10) Почетный членъ архіепископъ рижскій *Платонъ*, 50 руб. 11) Епископъ Екатеринославскій *Платонъ*, 15 руб. 12) Почетный членъ епископъ таврическій *Алексій*, 13) Мануфактуръ совѣтникъ, почетный московскій гражданинъ *В. М. Бостнаджогло*, 10 руб. 14) Почетный членъ, епископъ брестскій *Игнатій*, 5 р. за прошлый годъ и 5 руб. за настоящій годъ, съ обязательствомъ ежегодно взносить по 5 руб. 15) Московскій купецъ Николай *Маклаковъ*, 10 руб. 16) Настоятель Юрьева монастыря архимандритъ *Геронтій*, 25 руб. 17) Намѣстникъ того же монастыря, іеромонахъ *Амвросій*, 5 руб. 18) Казначей того же монастыря, іеромонахъ *Моисей*, 5 руб. 19) Іеромонахъ того же монастыря *Виталій*, 5 р. 20) Почетный членъ, архіепископъ олонецкій *Аркадій*, 25 руб. 21) Почетный членъ, епископъ Ковенскій *Александръ*, 10 р. 22) Почетный членъ, епископъ екатеринбургскій *Митрофанъ*, 100 р. 23) Московскіе купцы Александръ, Семенъ и Сергѣй Владиміровичи *Алексѣевы*, 75 р. 24) Получено отъ сотрудника братства Александра *Кулжинскаго*, собранныхъ имъ по книгѣ, выданной братствомъ 17 руб. 25) Станціонный смотритель Алексѣй *Огневъ*, 1 руб. 26) Почетный членъ, главноуправляющій путями сообщенія генералъ

Мельниковъ 15 р. Получено отъ прежнихъ членовъ братства: 1) Отъ попечителя братства, митрополита кіевскаго *Арсенія*, 275 руб. 2) Отъ почетнаго члена епископа орловскаго *Поликарпа*, 25 руб. 3) Отъ Максима *Русанова*, 3 руб. 4) Отъ іеромонаха харьковскаго архіерейскаго дома *Самуила*, 5 руб.

Пожертвовано книгами:

1) Попечителемъ братства, кіевскимъ митрополитомъ *Арсеніемъ* 50 экзем. книги: Руководство для сельскихъ учителей и учительницъ, составленное Вѣрою *Вахрушовою*. 2) Почетнымъ членомъ братства, экзархомъ Грузіи, *Евсевіемъ* 50 книгъ собственнаго сочиненія. 3) Членомъ совѣта братства, попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, княземъ *Ширинскимъ-Шихматовымъ* 50 экз. книгъ для чтенія въ народныхъ училищахъ. 4) Членомъ братства статскимъ совѣтникомъ *М. А. Максимовичемъ* 40 экз. брошюры: Украинецъ. 5) Слѣпцемъ Григоріемъ Ивановичемъ *Ширяевымъ* книгъ и священныхъ изображеній на 300 руб. 6) Павломъ Ивановичемъ *Евсьевскимъ* 10 книгъ разнаго содержанія.

Церковное братство въ Минскѣ.

(Корреспонденція „С.П.Б. Вѣдомостей").

При минскомъ Петропавловскомъ каѳедральномъ соборѣ, 18-го апрѣля, учреждено православное братство. Уставъ этого братства составилъ г. Спигаговъ. Мы не будемъ подробно касаться тѣхъ правилъ, которыя изложены въ уставѣ, потому что онъ составленъ по примѣру уставовъ для братствъ, которыя уже существуютъ при нѣкоторыхъ церквахъ западнаго края. Но мы хотимъ разсказать самое торжество открытія братства въ Минскѣ. Открытіе происходило 18-го апрѣля, послѣ обѣдни. Обѣдню совершалъ здѣшній архіепископъ Михаилъ. По окончаніи литургіи, ректоръ минской семинаріи, архимандритъ Аѳанасій, произнесъ проповѣдь о братствахъ, а затѣмъ прочелъ и самый уставъ братства. Началось молебствіе, въ началѣ котораго архіепископъ раздалъ всѣмъ братчикамъ свѣчи, съ которыми они стояли до конца службы. Въ концѣ молебствія было провозглашено многолѣтіе Августѣйшему Государю, всей царской фамиліи, архіепископу и всему братству. Потомъ всѣ братчики были пригла-

шены къ высокопреосвященному Михаилу для перваго засѣданія, на которомъ и была произведена братчиками баллотировка членовъ совѣта. По уставу слѣдовало избрать десять членовъ, за исключеніемъ почетныхъ, которыми считаются мѣстный архіепископъ и губернаторъ. Выборъ членовъ совѣта долженъ былъ послѣдовать по баллотировкѣ, но какъ шаровъ не случилось, то учредитель, г. Спигаговъ, предложилъ каждому братчику клочекъ бумажки, на которомъ и слѣдовало каждому братчику написать десятъ лицъ, которыхъ онъ желалъ бы имѣть членами братскаго совѣта. Когда въ эти карточки были внесены будущіе кандидаты братскаго совѣта минскій губернаторъ, вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ, приступили къ счету голосовъ. Старшимъ братчикомъ избранъ проживающій въ Минскѣ на покоѣ архіепископъ Антоній, и къ нему назначили двухъ помощниковъ: ректора здѣшней семинаріи, архимандрита Аѳанасія и вице-губернатора. Затѣмъ возникъ вопросъ, сколько слѣдуетъ избрать мущинъ и сколько женщинъ въ число остальныхъ членовъ? Старшій братчикъ настаивалъ, что нужно избрать четырехъ дамъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ вліять на общество и тѣмъ приносить пользу братству. Съ такимъ мнѣніемъ согласились почти всѣ братчики, но учредитель сказалъ, что это будетъ несогласно съ уставомъ, и потому порѣшено избрать двухъ дамъ. Когда такимъ образомъ были избраны и всѣ остальные члены, нужно было избрать изъ нихъ тѣхъ лицъ, которыя бы приняли на себя должности казначея и дѣлопроизводителя. Первую должность безпрекословно принялъ выбранный въ члены совѣта здѣшній городской голова Совѣтниковъ, а отъ должности дѣлопроизводителя выбранные члены начали одинъ за другимъ отказываться, ссылаясь на то, что у каждаго есть свои по службѣ занятія; уже послѣ отказа двухъ изъ нихъ, третій принялъ на себя эту обязанность. *Замѣчательно, что учредитель не избранъ въ члены совѣта*, хотя г. Спигаговъ принималъ самое живое участіе въ этомъ дѣлѣ (1). Неизбраніе его въ члены нѣкоторые объясняли какими-то партіями, составленными будто бы противъ него, но

(1) Да, это слишкомъ ужъ оригинально, что въ числѣ дѣятелей братства не будетъ учредителя братства, или что тоже — дѣло будетъ дѣлаться безъ хозяина дѣла, фирма будетъ существоватъ безъ виновника ея инициантивы. Эту ошибку еще можно поправить. Ред.

намъ кажется, что тутъ дѣло произошло иначе. Большей части братчиковъ пришлось быть при выборахъ въ первый разъ. Имъ роздали билетики и предложили вписать десять братчиковъ, которыхъ бы они желали имѣть членами совѣта. Задача мудреная! Гдѣ тутъ разсуждать о томъ, кто изъ братчиковъ болѣе можетъ быть полезенъ братству,—кто записывалъ свое начальство, кто своихъ знакомыхъ, а кто, по просту, однихъ дамъ, а потому и не мудрено, что не только забыли про учредителя, но даже никого не избрали въ члены совѣта изъ лицъ бѣлаго духовенства. (1) Выборы кончились около пяти часовъ. Высокопреосвященный Михаилъ предложилъ братчикамъ обѣдъ и въ заключеніе тостъ за здоровье Государя Императора, а учредитель за здоровье начальника западнаго края. Братскій сборъ, говорятъ, простирался до 500 р. Интересно знать, что на первыхъ порахъ предприметъ совѣтъ. Теперь пока онъ ограничился приглашеніемъ въ почетные братчики всѣхъ митрополитовъ и начальника западнаго края. Сумма, собранная съ братчиковъ, конечно, незначительна, но за то начало сдѣлано. Все же братство позаботится хотя о православныхъ церквахъ въ западномъ краѣ, (2) которыя очень бѣдны сравнительно съ р. католическими костелями и окажетъ пособіе въ дѣлѣ распространенія школъ для дѣтей православнаго исповѣданія.

Ѳ. Воиновъ.

О народныхъ училищахъ въ минской губ.

Къ числу самыхъ раціональныхъ и благодѣтельныхъ мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время для упроченія и поддержанія

(1) Удивительно! Ред.

(2) Эта задача братства во все неисполнима, при ничтожности денежныхъ средствъ его. Для осуществленія ее нужны сотни тысячъ рублей, ничтожная же какая либо помощь, со стороны братства для удовлетворенія нуждъ церквей въ минской эпархіи — капля въ море. По нашему мнѣнію, всякому, вновь возникающему братству въ западной Россіи, слѣдовательно еще бѣдному денежными средствами, слѣдуетъ прежде всего обращать свое вниманіе на нравственную и матеріальную поддержку,—своимъ вліяніемъ и наличными, хотя и сначала скудными капиталами, по примѣру кіевскаго братства,—сельскихъ школъ, возвышенія православнаго духовенства въ глазахъ народа и правительственныхъ мѣръ къ искорененію полонизма, и на мѣсто его къ прочному утвержденію православія и возстановленію прежней русской народности въ этой искони русской странѣ. Ред.

во всей чистотѣ въ здѣшнемъ краѣ православія и русской народности между крестьянскимъ сословіемъ, конечно, слѣдуетъ отнести открытіе народныхъ училищъ. Это, такъ сказать,—*прочно построенная плотина*, сквозъ которую трудно будетъ проложить дорогу всякому посягательству на настоящую народность бѣлорусскаго крестьянина.

Чтобы ознакомить публику съ положеніемъ народныхъ училищъ въ минской губерніи, кореспондентъ «Виленскаго Вѣстника», изъ котораго мы заимствуемъ эту замѣтку, сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія, почерпнутыя имъ, какъ онъ увѣряетъ, изъ самаго источника: Въ минской губерніи народныя училища возникли только годъ тому назадъ; дирекція открыла свои дѣйствія съ 1-го января 1864 года. (1) Въ составъ ея входятъ: директоръ, два инспектора и канцелярія, состоящая изъ письмоводителя и канцелярскаго служителя; а кромѣ того при дирекціи этой состоитъ училищный совѣтъ: изъ директора, съ званіемъ предсѣдателя, членовъ—отъ министерства внутренныхъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и мѣстнаго епархіальнаго вѣдомства православнаго исповѣданія, и изъ двухъ инспекторовъ.

Въ первомъ полугодіи 1864 года штатныхъ народныхъ училищъ существовало 154. Въ томъ числѣ: въ минскомъ уѣздѣ 13, въ борисовскомъ 20, въ игуменскомъ 27, въ слуцкомъ 15, въ бобруйскомъ 15, въ пинскомъ 10, въ мозырьскомъ 18, въ рѣчицкомъ 15, въ новогрудскомъ 21. Самое большое число училищъ въ игуменскомъ, а самое меньшее въ пинскомъ уѣздѣ. Пункты ихъ размѣщенія большею частію избраны по указаніямъ епархіальнаго начальства; въ нѣскольких только пунктахъ училища отрыты по просьбѣ сельскихъ обществъ и опытъ показалъ, что, за весьма немногими исключеніями, пункты эти выбраны совершенно удачно.

Сверхъ этихъ училищъ, вѣдѣнію дирекціи подлежатъ, по одной только учебной части, 30 училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, а съ мая 1864 года всѣ городскія училища, которыхъ въ губерніи 13, преобразованы въ народныя и переданы въ вѣдѣніе дирекціи народныхъ училищъ.

Учащихся въ первое полугодіе 1864 года, въ совокупности, было: мальчиковъ 5,846, дѣвочекъ 784; а въ настоящее

---

(1) Впрочемъ церковно-приходскія сельскія училища, заботливостію мѣстнаго Архипастыря открыты были при большей части приходовъ еще до 1860 г. Ред.

время всѣхъ учащихся въ народныхъ собственно училищахъ, за исключеніемъ городскихъ училищъ и училищъ въ вѣдѣніи палаты государственныхъ имуществъ, состоитъ по спискамъ 6,358. Конечно, цифра эта не даетъ еще права дѣлать блистательные выводы о распространеніи русской грамотности въ простомъ народѣ минской губерніи; но для начала и это хорошо, а главное, хорошо то, что народному образованію дано болѣе правильное направленіе, что оно ограждено отъ всякаго вреднаго вліянія и находится теперь въ рукахъ людей благонамѣренныхъ. Сравнительно-большее число учащихся оказывается въ новогрудскомъ уѣздѣ, гдѣ на каждое училище приходится среднимъ числомъ 44 учебника. Причина этого заключается въ густотѣ народонаселенія и большей зажиточности жителей.

Предметы въ народныхъ сельскихъ училищахъ преподаются слѣдующіе: Законъ Божій, русское чтеніе и письмо, чтеніе на славянскомъ языкѣ и ариѳметика; а кромѣ того дѣтей обучаютъ церковному пѣнію и пѣнію избранныхъ русскихъ пѣсень. Успѣхи учащихся, по отзывамъ обозрѣвавшихъ училища, оказываются, кромѣ ариѳметики, которая какъ-то не дается здѣшнему крестьянину, весьма удовлетворительными, а это, по всей справедливости, должно приписать, кромѣ училищнаго начальства, сельскому духовенству. Священники наши въ этомъ важномъ дѣлѣ поступаютъ не какъ *наемники, имъ же не суть овцы ихъ*, но какъ *пастыри добрые*. Славянская грамотность ведется паралельно съ русскою, и почти въ каждомъ училищѣ есть нѣсколько учениковъ, которые могутъ читать въ церкви Часы и Апостолъ, а это, и въ особенности пѣніе учениками цѣлой обѣдни (какъ намъ разсказывалъ одинъ изъ инспектеровъ) приводитъ крестьянъ, которые при прежнихъ порядкахъ ничего подобнаго не видали и не слыхали, въ умиленіе до слезъ и производитъ на нихъ самое благодѣтельное вліяніе. Результаты этихъ фактовъ обѣщаютъ въ будущемъ много утѣшительнаго. Учебныхъ пособій, какъ изъ позаимствованныхъ нами свѣдѣній видно, есть уже достаточное количество; но главный еще недостатокъ состоитъ въ удобныхъ помѣщеніяхъ училищъ. Впрочемъ, всего вдругъ сдѣлать нѣтъ возможности, но не подлежитъ сомнѣнію, что при заботливости начальства о народныхъ училищахъ, и эти недостатки будутъ постепенно устраняемы. Еще намъ кажется, что по географическому положенію минской губерніи, съ ея

непроходимыми въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ болотами и топями, число лицъ, которымъ ввѣрено управленіе училищами, не совсѣмъ достаточно. Намъ хорошо извѣстно, что инспекторамъ, при обозрѣваніи училищъ въ глубокую осень и жестокую зиму, приходится сдѣлать до 3,000 верстъ, подвергаться разнымъ лишеніямъ и не имѣть иногда гдѣ нибудь въ глуши даже теплаго ночлега, а потому не рѣдко бываетъ, что они, встрѣчая въ пути на огромномъ пространствѣ своихъ объѣздовъ, подобныя неудобства, подвергаются иногда болѣзнямъ, и жить то имъ (не надо забывать и этого) приходится по нѣскольку мѣсяцевъ на два дома.

Извѣстія изъ юго-западныхъ губерній.

I.

Четыреста двадцать приходскихъ обществъ, съ населеніемъ 378,219 душъ обоего пола, уѣздовъ: *житомірскаго*, *овручскаго*, *новградволынскаго*, *староконстантиновскаго*, *острожскаго*, *заславскаго*, *луцкаго*, *дубенскаго*, *кременецкаго* и *владиміръ-волынскаго*, волынской губерніи, составили, за 1,901 подписью лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, двадцать девять всеподданнѣйшихъ писемъ, которыми благодарятъ Государя Императора и Августѣйшихъ Членовъ Его Царственнаго Дома, за оказанныя 992 православнымъ церквамъ Волыни щедроты и милости, и за мѣры, предпринятыя правительствомъ къ обезпеченію духовенства.

Всѣ эти письма, въ главныхъ чертахъ, сходны между собою; онѣ носятъ отпечатокъ искренности и преисполнены благоговѣйнаго чувства благодарности къ Тому, Кто безправному большинству населенія далъ величайшій изъ даровъ — свободу, и непоколебимой преданности къ Его Августѣйшему Семейству. Касаясь минувшихъ бѣдствій Волыни, при иновѣрномъ владычествѣ Польши — стремившейся уничтожить и искоренить мѣстныя русскія начала, чтобы, въ замѣнъ ихъ, насадить насильственно, на почвѣ русской, чуждые намъ польскіе элементы — нѣкоторыя изъ всеподданнѣйшихъ писемъ воспоминаютъ о благодѣтельномъ возсоединеніи западнаго края съ Рос-

сіею, въ достославное царствованіе императрицы Екатерины II, которое предотвратило дальнѣйшее окатоличеніе и ополяченіе этой древлерусской области, но не могло однако же, при существованіи крѣпостной зависимости православныхъ крестьянъ отъ иновѣрныхъ помѣщиковъ, прекратить вѣковой борьбы между народностями. Говоря далѣе о манифестахъ 19-го февраля 1861, 30-го августа 1863 г., положившихъ наконецъ предѣлъ этой борьбѣ, всеподданнѣйшія письма съ восторгомъ отзываются о Царскихъ вкладахъ, украшающихъ нынѣ церкви волынскія, и о мѣрахъ, предпринимаемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по Высочайшей Государя Императора волѣ, къ устройству ветхихъ храмовъ и обезпеченію духовенства, и упоминаютъ съ благодарностью о родственномъ сочувствіи русскихъ людей и, въ главѣ ихъ, маститаго святителя первопрестольной столицы, высокопреосвященнаго митрополита Филарета, къ религіознымъ и духовнымъ нуждамъ православныхъ жителей Волыни. Православная церковь — говорится во всеподданнѣйшихъ письмахъ — выводится нынѣ изъ постыднаго ея униженія и получаетъ подобающее ей и столь желанное благоустройство.

Движимые чувствами вѣрноподданнической преданности къ Престолу и благодарности къ частнымъ жертвователямъ, подписавшіе всеподданнѣйшія письма русскіе люди даютъ увѣреніе въ томъ, что никакія ухищренія мятежной Польши не будутъ въ состояніи совратить ихъ съ пути долга и служенія Государю и Отечеству. Въ видахъ же полнаго объединенія западной нашей окраины съ остальною Русью, подписавшіе письма просятъ о томъ, чтобы были уничтожены всѣ мѣстныя и племенныя отличія, препятствующія этому объединенію, и чтобы исчезло навсегда даже офиціяльное названіе западной и юго-западной Россіи (1).

Всеподданнѣйшія письма эти, изъ коихъ многія замѣчательны и по изложенію, были, 2-го сего апрѣля, поднесены министромъ внутреннихъ дѣлъ Государю Императору,

(1) Всероссійское спасибо заявившимъ это желаніе!.. Впрочемъ оно вполнѣ примѣнимо къ бумагамъ и документамъ офиціальнымъ, но не къ статьямъ ученымъ: этнографическимъ, а географическимъ требующимъ точнаго разграниченія мѣстности.

Ред.

и Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ благодарить Его Именемъ приходскія общества.

II.

»*Кіевлянинъ*«, дѣлая обзоръ событій минувшаго года, между прочимъ приводитъ слѣдующія любопытныя извѣстія:

»Изъ оффиціальныхъ документовъ видно, что въ январѣ мѣсяцѣ 1864 года, образованныя въ юго-западныхъ губерніяхъ отрасли народоваго жонда, такъ называемые за-жонды, нисколько не оставляя своихъ замысловъ, получили только новое, болѣе коллегіальное устройство, измѣнили отчасти свой составъ и дѣятельно готовили новыя средства: въ людяхъ, въ припасахъ и денежныхъ сборахъ, для того, чтобы поднять знамя возстанія, по первому сигналу изъ Варшавы и при появленіи бандъ изъ Галиціи. Такъ было на Волыни—въ Луцкѣ и Владимірѣ-Волынскомъ; на Подоліи—въ Каменцѣ, Брацлавѣ и Винницѣ. Можно догадываться, что именно подольская губернія, относительно говоря, спокойная въ 1863 году, теперь готовилась быть чуть ли не главнымъ театромъ возстанія. Операціоннымъ базисомъ новыхъ покушеній эмиграціонной и варшавской революціонной партіи, сверхъ Галиціи, предполагались Дунайскія Княжества. Въ іюлѣ, въ Бухарестѣ былъ арестованъ самимъ министромъ-президентомъ, въ сопровожденіи полицеймейстера и значительнаго военнаго отряда, нѣкто Фригіези. Изъ бумагъ этого Фригіези оказывается, что онъ родомъ венгерецъ (настоящее имя его Сутакъ), служившій въ чинѣ полковника подъ начальствомъ Гарибальди и получившій отъ лондонскаго революціоннаго комитета порученіе организовать изъ венгерскихъ, польскихъ и италіянскихъ выходцевъ, проживающихъ въ Румыніи, двѣ банды, изъ которыхъ одна должна была вторгнуться въ Венгрію, а другая, чрезъ Трансильванію, въ Галицію и въ подольскую губернію, чтобы тамъ поднять знамя бунта. Въ то время, когда арестованы были Пржесмыцкій и князь Четвертинскій, главные представители революціоннаго дѣла на Волыни, и графъ С. Красинскій, главный коммисаръ жонда въ Подоліи, въ Кіевѣ былъ схваченъ и отравилъ себя одинъ изъ главнѣйшихъ коммиссаровъ варшавскаго подземнаго правительства, Лембке. Какъ

мѣстные дворяне-поляки, такъ и варшавскіе агитаторы, послѣ неудавшихся попытокъ и такъ траги-комически разрѣшившихся надеждъ на содѣйствіе народа на юго-западѣ, очень хорошо понимали несостоятельность возстанія въ этомъ краѣ: задача ихъ состояла въ томъ, чтобы страхомъ этихъ волненій пріостановить сосредоточеніе русскихъ войскъ въ Царствѣ Польскомъ, или заставить правительство заняться формированіемъ новыхъ военныхъ силъ. Вотъ почему еще въ началѣ 1864 г. нельзя было поручиться, чтобы возстаніе не обнаружилось и не нарушило спокойствіе въ юго-западныхъ губерніяхъ.

Письмо изъ Рима въ редакцію „Виленскаго Вѣстника" о польскихъ ксендзахъ эмигрантахъ.

Мы получали отъ одного изъ польскихъ эмигрантовъ слѣдующее письмо изъ Рима, отъ 9-го мая:

„Съ прискорбіемъ беру перо, чтобы сообщить вамъ, мои соотечественники, нѣсколько словъ о тѣхъ изъ представителей нашего духовенства, кои, спасаясь отъ казни за участіе въ мятежѣ, искали убѣжища въ Римѣ. Прежде всего прошу васъ не принимать словъ моихъ за клевету, выдуманную агентами русскаго правительства;—нѣтъ, какъ истинный католикъ, почитающій Бога и вѣру, я гнушаюсь ложью и лицемѣріемъ.

Послѣ усмиренія польскаго мятежа, въ 1864 году, немедленно явились въ Римъ польскіе ксендзы, и подъ личиною крайней бѣдности, обратились къ святому отцу, испрашивая для себя пріюта. Его святѣйшество, тронутый зрѣлищемъ скитающихся слугъ Божіихъ, обеспечивъ ихъ матеріальное существованіе въ монастырѣ Св. Троицы пилигримовъ, назначилъ имъ, сверхъ того, по сто скудовъ на необходимыя издержки, полагая что они дѣйствительно лишены всякихъ средствъ. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Ихъ прибыло сюда 24 человѣка, и у каждаго изъ нихъ было довольно денегъ. Послѣ вступленія въ монастырь Св. Троицы, они тотчасъ начали самую безпутную жизнь. Кельи рѣдко видали ихъ въ своихъ стѣнахъ, ночи они проводили въ трактирахъ, театрахъ и другихъ мѣстахъ. Наконецъ, прокутивъ всѣ деньги, они обрати-

лись къ кардиналу министру, прося вновь о пособіи, но кардиналъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить ихъ просьбу. Тогда 16 изъ нихъ, въ сильнѣйшемъ негодованіи оставили Римъ и отправились во Францію, гдѣ стали распространять въ газетахъ самыя оскорбительныя и ложныя извѣстія о Римѣ, которыя наконецъ дошли до свѣдѣнія св. отца.

Боже мой!—свѣтъ до сихъ поръ не зналъ польскаго духовенства, а теперь — смотря на дѣйствія его, всѣ заламываютъ руки! — Тѣ самые, которые столь недавно еще предводительствовали мятежу во имя вѣры, которую выставляли на показъ какъ основаніе всѣхъ своихъ дѣйствій, нынѣ всенародно отрекаются отъ Бога, говоря, что нѣтъ Бога.

Почтенные отцы! посмотрите на вашихъ братьевъ,—проникнитесь святостью вашего священничества—и сознайте, наконецъ, что призваніе ваше—не возбуждать смуты и мятежи, а служить Господу Богу и объяснять слово Божіе. Тѣ изъ польскихъ ксендзовъ, которые дѣйствительно сознаютъ свое назначеніе, конечно, не принимали участія въ мятежѣ, развѣ только нѣкоторые изъ нихъ, подобно мнѣ, вовлечены были въ него силою обмана. Съ кѣмъ и за кого была наша борьба? За Польшу? о нѣтъ!—За вѣру? но польскіе ксендзы, находившіеся въ Римѣ, убѣдили, что у нихъ не было никакой вѣры. Они принадлежатъ къ самымъ отъявленнымъ отщепенцамъ и еретикамъ, какъ я въ этомъ достаточно убѣдился, когда эта шайка негодяевъ выѣхала изъ Рима. Наконецъ, осталось ихъ тамъ только четверо: Петръ *Рыльскій*, Янъ *Шокальскій*, уніатъ изъ конгрессной Польши, *францисканецъ* неизвѣстной мнѣ фамиліи, и Іосифъ *Видерко*, паулинъ изъ Ченстоховы, который прежде принялъ было православіе и проживалъ въ г. Полтавѣ, но оттуда бѣжалъ въ Римъ, гдѣ ходатайствовалъ о возвращеніи его въ нѣдра р. католическаго костела, что и было ему разрѣшено. Эти люди — за исключеніемъ одного францисканца, истиннаго слуги церкви, срамятъ званіе, къ которому принадлежатъ, въ особенности Петръ Рыльскій—человѣкъ безъ вѣры, безъ души и лишенный всякаго чувства, обманывающій всѣхъ своимъ притворствомъ. Но, какъ говорится, шила въ мѣшкѣ не утаишь: его Богъ—мятежъ, къ которому, стремятся всѣ его мысли.

Горько подумать, что подобные этимъ ксендзы служатъ наставниками нашего добраго народа. Съ прискорбіемъ и

слезами обращаюсь къ тебѣ, народъ: слушайся такихъ только ксендзовъ, кои тебѣ объясняютъ слово Божіе, по Евангелію и и Св. писанію; но если они станутъ тебѣ говорить о политикѣ, то, плюнувъ три раза на землю, гоните ихъ отъ себя словами: *Уйди прочь сатана!* Религія не обязываетъ васъ слушать подстрекательства ксендзовъ, подъ личиною религіи совершающихъ величайшія преступленія, что теперь вполнѣ доказали на дѣлѣ польскіе ксендзы послѣдней эмиграціи.

Римъ, однако, можетъ похвалиться тѣмъ, что имѣетъ въ своихъ стѣнахъ нѣкоторыхъ ксендзовъ-поляковъ, достойныхъ уваженія; они живутъ у Св. Клавдія и на Via Paulina. Это— истинные слуги Божіи, и потому неудивительно, что они навлекаютъ на себя нареканія и ненависть другихъ польскихъ ксендзовъ, бросающихъ каменьями въ тѣхъ, которые имъ не сдѣлали ничего—кромѣ добра.

Эмигрантъ.

Казнь Бржоски и Вильчинскаго.

17-го (29-го) минувшаго апрѣля, близъ м. Соколова, въ деревнѣ Сыцитkахъ шляхетскихъ, сѣдлецкаго уѣзда, люблинской губерніи, задержаны и доставлены въ Варшаву извѣстный предводитель мятежнической шайки, *ксендзъ Станиславъ Бржоско* (32 лѣтъ), и главный помощникъ его, луковскій *мѣщанинъ*, сынъ кузнеца, Францишекъ *Вильчинскій* (21 г.). (1)

По изслѣдованію и произведенному затѣмъ надъ Бржоскою и Вильчинскимъ полевому военному суду, они, по собственному сознанію, оказались виновными:

Бржоска въ томъ: 1) что при началѣ, возникшихъ въ 1861 году, безпорядковъ въ Царствѣ Польскомъ, онъ, въ видахъ развитія мятежа, произнесъ, въ костелѣ въ г. Луковѣ, къ народу возмутительную проповѣдь, и, не смотря на то, что опредѣленный ему по суду за это годичный арестъ въ казематѣ ограниченъ былъ тремя мѣсяцами, не оставилъ своихъ замысловъ, такъ какъ, вскорѣ по освобожденіи, присуствовалъ на устроенномъ въ д. Ключевѣ, съ революціонною цѣлію, съѣздѣ сосѣднихъ ксендзовъ, и вмѣстѣ съ ними призналъ надъ собою власть образовавшагося тогда въ Варшавѣ такъ-называемаго центральнаго комитета; 2) съ открытіемъ вооруженнаго воз-

---

(1) Подробности задержанія ихъ помѣщены въ предъидущей, 7-ой книжкѣ. Ред.

станія, онъ поступилъ, въ званіи капелана, сперва въ шайку Левандовскаго, а потомъ въ шайку Крысинскаго, гдѣ командовалъ особымъ отрядомъ. Въ обѣихъ этихъ шайкахъ онъ лично участвовалъ въ восьми стычкахъ съ нашими войсками, причемъ, въ стычкѣ подъ м. Станиномъ, былъ раненъ, а послѣ разбитія шайки Крысинскаго и побѣга его заграницу, сформировалъ изъ остатковъ этой шайки и разбитыхъ также бандъ Руцкаго и Кобылинскаго особую шайку, состоявшую, по его словамъ, почти изъ тысячи человѣкъ, принялъ надъ нею главное начальство, съ присвоеннымъ ему такъ-называемымъ народовымъ жондомъ титуломъ генерала и главнаго капелана народовыхъ войскъ; 3) послѣ неоднократныхъ пораженій, нанесенныхъ его шайкѣ, будучи вынужденъ распустить ее, Бржоска удалился съ Вильчинскимъ въ лѣса луковскаго уѣзда, гдѣ, изъ скрывавшихся тамъ бродягъ и преимущественно бѣглыхъ солдатъ, сформировалъ новую шайку; шайка эта имѣла уже чисто разбойничій характеръ; возбуждаемая Бржоскою, она ознаменовала свои дѣйствія убійствами, грабежами и насиліями, совершаемыми надъ разными лицами, причемъ и самъ Бржоска участвовалъ въ ограбленіи одного помѣщика и приказалъ повѣсить двухъ нищихъ (старика и старуху), подозрѣвавшихся въ намѣреніи указать мѣсто нахожденія его шайки, а предъ повѣшеніемъ онъ же ихъ и исповѣдывалъ; этими жестокостями Бржоска навелъ такой ужасъ на жителей, что и съ совершеннымъ почти уничтоженіемъ его шайки, укрывавшейся преимущественно въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ живетъ мелкая шляхта, никто изъ жителей не рѣшился содѣйствовать къ открытію мѣста его пребыванія; 4) въ упорномъ желаніи, не смотря на повсемѣстное подавленіе мятежа, продолжать преступныя дѣйствія свои, какъ это видно, изъ отобраннаго у него при поимкѣ, черноваго рапорта къ такъ-называемому «народному жонду», въ которомъ, требуя присылки денегъ и оружія, увѣрялъ, что русскія войска расположены малыми отрядами по деревнямъ, и потому легко ихъ уничтожить, и 5) въ сопротивленіи вооруженною рукою, при задержаніи его, 17-го (29-го) минувшаго апрѣля, въ деревнѣ Сыпиткахъ шляхетскихъ, въ домѣ солтыса, гдѣ онъ въ послѣднее время скрывался съ Вильчинскимъ, и произведеніи при этомъ изъ ружья и револьвера нѣсколькихъ выстрѣловъ въ казаковъ и жандармовъ.

Вильчинскій; 1) въ бытности въ разныхъ мятежниче-

скихъ шайкахъ съ самаго начала вооруженнаго возстанія и участіи во многихъ стычкахъ съ нашими войсками; 2) въ томъ, что, присоединившись къ шайкѣ Бржоски, находился почти безъотлучно при немъ и въ качествѣ ближайшаго его помощника, когда Бржоско, по разбитіи шайки, удалился въ луковскіе лѣса — содѣйствовалъ ему къ сформированію новой разбойничьей шайки, съ которою, въ званіи отряднаго начальника, лично участвовалъ въ грабежахъ и насиліяхъ надъ окрестными жителями; 3) въ повѣшеніи, вмѣстѣ съ другими разбойниками, двухъ евреевъ изъ города Луковз, двухъ упомянутыхъ нищихъ и одного неизвѣстнаго человѣка, называвшагося Францишкомъ, и 4) въ сопротивленіи при задержаніи его съ Бржоскою, причемъ также стрѣлялъ въ жандармовъ и казаковъ.

За преступленія эти, Бржоско и Вильчинскій, по приговору полеваго военнаго суда, на основаніи 83, 174, 175, 631 и 632 статей I. кн. воен. уголов. устава и 20 и 283 ст. т. XV Св. Закон. уголовныхъ, присуждены, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ смертной казни повѣшеніемъ.

Казнь эта исполнена въ м. Соколовѣ, 11-го (23-го) сего мая, въ 11 часовъ утра.

Корреспонденція изъ Львова въ „С.-Петебургскія Вѣдомости."

Намъ пишутъ изъ Львова (въ Галиціи), въ первыхъ числахъ мая:

Кто не бывалъ во Львовѣ, тотъ, быть можетъ, думаетъ, что этотъ, чисто-русскій по происхожденію городъ, построенный Львомъ, православнымъ русскимъ княземъ Галицкимъ, въ XIII столѣтіи, до сихъ поръ остается русскимъ же городомъ. Но это было бы заблужденіемъ, отъ котораго нужно какъ можно скорѣе отдѣлаться. Обыкновенный туристъ не найдетъ во Львовѣ ничего русскаго. Языкъ, на которомъ онъ принужденъ говорить тамъ, будетъ польскій, или нѣмецкій; народъ, съ которымъ онъ тамъ вездѣ встрѣтится, поляки, нѣмцы или евреи; вывѣски на магазинахъ и лавкахъ, названія улицъ и мѣстъ, объявленія и афиши на стѣнахъ, все это польское или нѣмецкое; однимъ сло-

вомъ, обыкновенный туристъ, и въ особенности человѣкъ Западной Европы, проживъ нѣсколько времени во Львовѣ, выѣдедъ оттуда съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ жилъ въ чисто польскомъ городѣ, въ родѣ Кракова или Варшавы, принадлежащемъ въ настоящее время Австріи. Но какъ бы ни ясно было для англичанина, француза, итальянца и нѣмца, и даже для русскаго, не имѣющаго основательныхъ поводовъ ближе ознакомиться со Львовомъ, что это польско-нѣмецкій, а ни въ какомъ случаѣ не русскій городъ, на самомъ дѣлѣ, однако, это не совсѣмъ такъ. Во Львовѣ есть небольшой процентъ насенія, которое нѣмцы называютъ рутенами (Ruthenen), а поляки русинами, которое само себя называетъ русскими. Живетъ это населеніе тамъ въ политическомъ и гражданскомъ загонѣ, въ презрѣніи у поляковъ, нѣмцевъ и даже евреевъ, въ бѣдности и постоянной борьбѣ съ обстоятельствами. Тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ съ нашей стороны всякаго вниманія. Эти люди, въ числѣ отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ, называютъ себя *интеллигенціей* русскаго народа въ Галиціи. Они живутъ интересами, которые многимъ изъ нашихъ читателей — чего добраго — могутъ показаться смѣшными, но которые для львовскихъ русскихъ составляютъ самыя серьозныя и самыя свѣтлыя стороны ихъ жизни. Они заботятся объ образованіи своего народа, составляющаго сельское населеніе юго-восточной Галиціи (числомъ въ два съ половиной милліона), они стараются вывести его изъ гражданскаго и экономическаго угнетенія, они требуютъ правъ для своего языка въ школѣ и администраціи, они бьются изо всѣхъ силъ, чтобы народъ русско-галицкій не былъ поглощенъ враждебными ему народами — польскимъ и нѣмецкимъ, они издаютъ на своемъ языкѣ журналы ученые, литературные и политическіе, издаютъ книги и брошюры, заботясь объ ихъ распространеніи, и все это среди страшной борьбы съ обстоятельствами, среди борьбы, для которой у нихъ не достало бы силъ, и въ которой имъ пришлось бы неизбѣжно погибнуть, если бы имъ нельзя было озираться на страну, къ которой принадлежимъ мы съ вами, читатель.

Проѣзжая черезъ Львовъ, мы были приняты тамошними русскими съ необыкновеннымъ радушіемъ, и скоро ознакомились съ ихъ положеніемъ. Много наслушались мы отъ нихъ жалобъ на ихъ горькую долю, и вотъ одна изъ нихъ. Русскіе въ Галиціи, единокровный и единоязычный съ нами народъ,

болѣе всѣхъ славянскихъ народовъ лишены средствъ умственнаго (литературнаго) сообщенія съ Россіей. Они жаждутъ нашихъ книгъ, нашихъ газетъ и журналовъ, и не знаютъ, какъ доставать ихъ. Редакторъ „Слова“ писалъ въ разныя редакціи петербургскихъ газетъ, прося ихъ обмѣниваться ихъ изданіями на его газету, и ни откуда не получилъ удовлетворительнаго отвѣта. Единственная газета, получаемая изъ Россіи, есть „Сѣверная Почта“, которая одна не можетъ быть для него достаточною опорою въ постоянной борьбѣ его съ польскими и нѣмецкими газетами, враждебными Россіи. Академія Наукъ присылаетъ даромъ свои изданія въ богатую польскую библіотеку графа Оссолинскаго, но повидимому не имѣетъ прямыхъ сношеній съ тамошними русскими учеными, изъ которыхъ двое украсили бы своими именами любую Академію. Одинъ изъ этихъ ученыхъ, уже много лѣтъ составляетъ этимологическій словарь славянскихъ нарѣчій, сравнивая ихъ корни со всѣми языками арійскаго племени и долженъ покупать на свои крайне-скудныя средства, болѣе чѣмъ въ три-дорога, даже такія книги, какъ академическій словарь русскаго языка. Разсматривая эту работу, мы были поражены необыкновенною ученостью и трудолюбіемъ этого истинно-замѣчательнаго человѣка, трудъ котораго въ состояніи затмить все, что сдѣлано было по этой части самимъ Миклошичемъ. Уже 80,000 словъ разобрано этимологически съ самыми строгими филологическими пріемами и бѣдный ученый, получающій отъ своей службы не болѣе 600 руб. въ годъ на наши деньги, не знаетъ, будетъ ли онъ имѣть возможность предпринять изданіе своего труда, который принесъ бы безспорно великую честь славянскому міру. Я говорю о каноникѣ Петрушевичѣ. Русскіе ученые, посѣщая Прагу и Вѣну, обыкновенно рѣдко заглядываютъ во Львовъ, гдѣ, между прочимъ, у одного Петрушевича они нашли бы два шкафа славянскихъ рукописей. Они нашли бы тутъ для себя еще большую драгоцѣнность, именно примѣръ, какъ можно заниматься наукой среди разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ стѣсненіи и нуждѣ, которыя намъ неизвѣстны. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивлятьтя, какъ горсть людей, окруженная шпіонами, ненавистью и презрѣніемъ двухъ или даже трехъ вмѣстѣ живущихъ національностей, отстаиваетъ свое право существованія, свой языкъ и литературу, уповая на одну будущность и съ величайшимъ терпѣніемъ ожидая справедливости.

Русскіе во Львовѣ вообще любатъ Россію и желаютъ всей душой болѣе близкаго литературнаго общенія съ нами; но смотрятъ на это общеніе не одинаково. Въ этомъ малочисленномъ обществѣ рѣзко выдаются три партіи: одна, самая интелигентная, — люди серьозной науки, желаетъ приблизить свой литературный языкъ какъ можно больше къ великорусскому, т. е. къ нашему литературному языку, не стоя даже за малорусскій выговоръ, другая — люди образованные — стремится къ образованію языка средняго между великорусскимъ и малорусскимъ, и твердо настаиваетъ на малорусскомъ выговорѣ, наконецъ, третья — плохо образованная молодежь — упорно стоитъ за полную самостоятельность въ литературѣ малорусскаго нарѣчія и пишетъ *кулишовкой*. Первую партію поддерживаетъ, между прочимъ, издаваемый въ Вѣнѣ сатирическій журналъ „Страхопудъ", представителемъ второй служитъ „Слово", а представителемъ третьей, которую первыя двѣ называютъ хохломанской партіей, служитъ въ нѣкоторой степени „Мета". Редакція послѣдней, говорятъ, получаетъ, между прочимъ, денежную поддержку отъ поляковъ, враждебно относится къ Россіи и даже хлопочетъ о присоединеніи Малороссіи къ Австріи. Впрочемъ, журнальчикъ этотъ не пользуется никакимъ значеніемъ и едва насчитываетъ тридцать подписчиковъ. Самая распространенная изъ львовскихъ газетъ „Слово", — она расходится въ тысячѣ экземпляровъ. Всѣ эти партіи сходятся въ „Народномъ домѣ", гдѣ получаются славянскія газеты и журналы (изъ нашихъ одинъ „День (1), гдѣ устроенъ маленкій театръ, въ которомъ даются драмы и оперетки на малорусскомъ нарѣчіи. Читателямъ нашимъ, быть можетъ, покажется страннымъ, что, при любви къ Россіи нашихъ галицкихъ единоплеменниковъ, журналистика наша въ ихъ „Русской Бесѣдѣ" (такъ-называется русское casino, помѣщающееся въ народномъ домѣ) имѣетъ лишь одного представителя, тогда какъ чешскіе, польскіе и

---

(1) Это несправедство. Редакція Вѣстника западной Россіи высылаетъ во Львовъ нѣсколько экз. этого изданія въ даръ Народовому Дому, Семанаріи и нѣкоторымъ передовымъ людямъ изъ уніятскихъ священниковъ, сверхъ того, въ прошломъ году, она высылала туда почти всѣ русскія газеты и журналы, свѣтскіе и духовные, получаемые ею на обмѣнъ за Вѣстникъ, а также много русскихъ книгъ и цѣлыя сотни брошюръ.

Ред.

сербскіе журналы находятся тамъ въ значительномъ количествѣ; но дѣло объясняется просто. „День“, какъ и многіе славянскіе журналы, получается въ „Русской Бесѣдѣ“ даромъ; а могутъ ли львовскіе русскіе, будучи людьми, по нашему очень бѣдными, платить за русскіе журналы и газеты втрое дороже, чѣмъ стоятъ они въ Россіи? Отсутствіе правильной конвенціи между Россіей и иностранными государствами относительно пересылки книгъ и періодическихъ изданій, отзывается и здѣсь также вредно для насъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Уже не въ первый разъ приходится говорить о томъ, сколько выграло бы нравственное вліяніе Россіи на Европу, еслибъ были устранены препятствія, заграждающія дорогу нашей литературѣ за границу. (1) Отъ себя же лично считаю долгомъ обратиться къ нашимъ издателямъ, какъ періодическихъ изданій, такъ и книгъ не забывать *даровой* посылкой своихъ изданій тѣ изъ славянскихъ обществъ и учрежденій, которыя, будучи лишены матеріальной возможности знакомиться съ нашей литературой, всей душой желаютъ и, прибавлю должны находиться въ ближайшемъ литературномъ общеніи съ нами. Особенно же важно, чтобы тамошніе публицисты, принужденные вести за Россію жаркую полемику съ нѣмцами и поляками, не были поставляемы въ необходимость почерпать извѣстія о Россіи изъ тѣхъ же враждебныхъ намъ газетъ польскихъ и нѣмецкихъ, съ которыми собственно и ведется борьба славянскими публицистами.

Модестовъ.

О введеніи русскихъ буквъ для латышкаго письма и печати и о Русско-жмудскомъ Мѣсяцесловѣ.

Въ «С. П.-б. Вѣд.» пишутъ; «Мысль о введеніи русскихъ буквъ для латышскаго письма и латышской печати начинаетъ

---

(1) И редакція Вѣстника, испытавъ въ прошломъ году разныя препятствія, затрудненія и лишнія издержки за пересылку во Львовъ газетъ, журналовъ и книгъ, прекратила ихъ высылку туда въ настоящемъ году, за исключеніемъ только своего изданія.

Ред.

приводиться въ исполненіе. Въ Вильнѣ изданъ латышскій букварь русскими буквами. Вотъ его заглавіе: Латышскій букварь. Латвѣшу Бокверус. Вильно. въ тип. А. Сыркина. 1864 г., 16, стр. 183. Всѣмъ знающимъ латышскій языкъ извѣстно, что весь алфавитъ этого языка, безъ малѣйшихъ затрудненій, можетъ быть переданъ русскими буквами. Поэтому нельзя не радоваться прекрасному почину. Желательно только, чтобъ онъ не ограничивался предѣлами одно западнаго края, но чтобъ введеніе русскихъ буквъ для латышской печати и письма нашло себѣ мѣсто также и въ остзейскихъ губерніяхъ, главнымъ же образомъ, въ остзейскихъ школахъ для латышей. Въ этихъ школахъ до сихъ поръ латыщи обучаются своему языку по латинскимъ буквамъ для письма и по нѣмецкимъ для печати, что естественно сбиваетъ ихъ съ толка и вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ къ германизаціи. Введеніе русскаго алфавита въ латышскій языкъ будетъ сильнѣе всякихъ другихъ мѣръ содѣйствовать сближенію ихъ съ русскою народностью: учась своей грамотѣ, латышъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ пріобрѣтать возможность къ ознакомленію съ языкомъ господствующаго племени. Будемъ надѣяться поэтому, что починъ, сдѣланный въ Вильнѣ, не останется безъ послѣдствій, а главное,—будетъ примѣненъ къ латышскимъ школамъ въ прибалтійскомъ краѣ.»

Русско-жмудскій Мѣсяцесловъ.

Съ разрѣшенія г. главнаго начальника края, въ началѣ января изданъ, въ два столбца, съ русскимъ и жмудскимъ текстомъ, «Мѣсяцесловъ хозяйственный на лѣто Христово 1865» «Календорюсъ укининкасисъ антъ мету Вѣшпатисъ 1865,» украшенный превосходнымъ, гравированнымъ на стали изображеніемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Жмудскій переводъ текста напечатанъ русскими гражданскими буквами, съ соблюденіемъ правописанія по системѣ, принятой въ последнее время учителями народныхъ школъ ковенской губерніи. Употреблявшійся доселѣ въ польско-жмудскихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ календаряхъ жмудскихъ, алфавитъ латино-польскій оставленъ вовсе, какъ непригодный къ дѣлу. Фонетика жмудскаго языка въ совершенствѣ передается русскими буквами; алфавитъ же латино-польскій въ нѣкоторыхъ звукахъ, неродныхъ латинскому корню (ч, ш, щ), долженъ прибѣгать къ неесте-

ственнымъ сложнымъ сочетаніямъ буквъ. Вслѣдствіе того, и въ экономическомъ отношеніи русская азбука для жмудскихъ изданій гораздо выгоднѣе прежней польской, — а въ книгахъ, издаваемыхъ для народа это—разсчетъ не только матеріальный, ибо дешевле стоитъ и скорѣе разойдется изданіе, но и нравственный, потому что за большею распродажею книгъ по пониженнымъ цѣнамъ — въ большую массу невѣжественнаго и фанатизированнаго народа изольется свѣтъ здравыхъ идей. Съ принятіемъ для жмудскихъ книгъ русской азбуки пріобрѣтается наконецъ и то великое удобство, что жмудинъ изучаетъ русскій и жмудскій языкъ не по двумъ различнымъ грамотамъ, какъ прежде, а одной русской, — и чрезъ-то знаніе грамоты дается каждому мальчику вдвое скорѣе прежняго. Настоящему изданію Русско-Жмудскаго Мѣсяцеслова наборъ текста одинаковымъ русскимъ шрифтомъ принесъ ту выгоду, что продажная цѣна за экземпляръ установлена по 12 коп. сер., цѣна, какъ довелось намъ слышать отъ покупателей и продавцевъ, сравнительно небольшая за пять слишкомъ листовъ убористой печати съ портретомъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Во всякомъ случаѣ, изданіе удешевлено на столько, что выручкою едва покрыты могутъ быть издержки по изданію.

Содержаніе Русско-Жтудскаго Календаря, кромѣ Святцевъ православныхъ и римско-католическихъ, табели высокоторжественныхъ дней, росписи еврейскихъ праздниковъ и свѣдѣній о ярмаркахъ, составляютъ еще нѣкоторыя другія статьи, полезныя для улучшенія нравственнаго и внѣшняго быта жмудскаго крестьянина, обыкновенно суевѣрнаго и невѣжественнаго, не по своей, впрочемъ, винѣ. Въ отдѣлѣ «Духовныя наставленія» съ христіанскою любовію и простотою разъясняются евангельскія истины объ обязанностяхъ христіанина, постѣ, молитвѣ, и т. д. Въ хозяйственномъ отдѣлѣ помѣщены дѣльныя наставленія о постройкѣ жилищъ, удобреніи почвы, о лучшей порѣ для рубки лѣса, о стиркѣ бѣлья, и т. д. Далѣе слѣдуютъ наставленія объ уходѣ за дѣтьми въ первые годы ихъ жизни въ примѣненіи къ крестьянскому быту, о леченіи нѣкоторыхъ нерѣдко встрѣчающихся болѣзней животныхъ и проч. Послѣ этихъ полезныхъ вещей, не менѣе пріятно, конечно, будетъ жмудину встрѣтить въ Календарѣ и нѣсколько народныхъ своихъ пѣсенъ, которыя оставлены безъ русскаго перевода и о которыхъ, замѣтимъ кстати для инте-

ресующихся вопросомъ о родствѣ племени литовскаго съ славянскимъ, что онѣ весьма много сходны съ пѣснями русскими въ заунывности думы, въ образахъ о представленіяхъ и даже отдѣльныхъ выраженіяхъ.

Опытъ, конечно, покажетъ, сколько это изданіе удовлетворитъ потребности, и какія частности должны будутъ имѣться въ виду для будущихъ изданій народныхъ книгъ на жмудскомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, съ новымъ способомъ изданія популярныхъ жмудскихъ книгъ, просвѣщеніе — эта насущнѣйшая потребность жмудина, свободнаго нынѣ, слава Богу, физически, но духомъ томящагося еще подъ гнетомъ темной силы фанатизма, принесетъ несомнѣнно вѣрный плодъ. Цѣлію и долгомъ всѣхъ вообще жмудскихъ изданій будетъ содѣйствовать возстановленію и укрѣпленію въ сознаніи жмудиновъ той тѣсной, вѣковой связи ихъ съ русскими началами, русскимъ языкомъ и русскими людьми, которая, существуя со временъ древняго литовскаго княжества и до сихъ поръ еще сохраняя краснорѣчивое свидѣтельство о себѣ въ актахъ и письменныхъ памятникахъ прошлой исторіи края, могла быть на время ослаблена только продолжительными насиліями и неутомимою тайною пропагандою польско-фанатическихъ притязаній. Въ сонмѣ новой русской литературно просвѣтительной силы изданному нынѣ Русско-Жмудскому Мѣсяцеслову предлежитъ начать скромное, но великое дѣло внесенія свѣточа истины и знанія во всѣ темные уголки жмудской народности, чтобы освѣтить ей прямой путь къ истиннымъ ея просвѣтителямъ и освободителямъ.

Русь въ Конгресовой Польшѣ.

Въ NN. 28 и 29 газеты *Слово*, издаваемой во Львовѣ, въ Галиціи, на языкѣ, хотя и ломаномъ, но все же русскомъ, помѣщена интересная статья подъ заглавіемъ: *Русь въ Конгресовой Польшѣ, или Польщѣ*, какъ пишутъ въ этой газетѣ.

Надобно замѣтить, что русскіе въ Австріи имѣли въ послѣднее время много причинъ быть благодарными австрійскому правительству, оберегающему ихъ отъ нахальныхъ и притѣснительныхъ притязаній польскаго элемента вообще и поль-

ской шляхты въ особенности. Австрійское правительство само поняло вопросъ о русской народности, подавленной было долговременнымъ гнетомъ, тяготѣвшимъ надъ нею во время польскаго владычества, пробудило въ ней національные инстинкты, указало на важность образованія въ духѣ народномъ, согласилось на равноправность уніятскаго обряда съ р. католическимъ; а вопросъ объ отношеніяхъ сельскаго населенія къ панамъ разрѣшило крутымъ и кровавымъ переворотомъ 1846 г. Разумѣется, австрійское правительство руководствовалось во всемъ этомъ не интересами русской народности, а государственною необходимостью, побуждающею его разрознивать и возстановлять другъ противъ друга національности, изъ которыхъ состоитъ Австрійская Имперія, лишенная одной, безспорно преобладающей, центральной національности. Появленіе ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, устройство сельскихъ школъ, введеніе русскаго языка въ гимназіи и отчасти даже во львовскій университетъ, основаніе русскихъ семинарій въ Львовѣ и въ Вѣнѣ, открытіе русскаго театра въ первомъ изъ этихъ городовъ: вотъ тѣ выгоды, которыми пользуются русскіе въ Галиціи, подъ австрійскимъ правительствомъ. Въ настоящее время передовые люди Галиціи идутъ уже далѣе: такъ между прочимъ съ каждымъ годомъ ростетъ и усиливается партія людей, называемыхъ *обрядовцами* и желающихъ возстановить чистоту славянскаго богослуженія, потерпѣвшаго значительныя измѣненія, вслѣдствіе соединенія съ латинскою церковью; съ другой стороны, все болѣе и болѣе расширяется кругъ патріотовъ, желающихъ обратить въ достояніе своего народа всѣ тѣ права, которыя были обѣщаны еще октябрскимъ (1860 г.) дипломомъ, положившимъ первыя основанія нынѣшнему государственному устройству Австрійской Имперіи, и которыхъ добивается вообще такъ-называемая славянская партія федеральной Австріи.

Понятно, что по оживленіи національнаго чувства, русскіе въ Галиціи, въ Венгріи, въ Буковинѣ, не могли не оглянуться вокругъ себя и не посмотрѣть, что дѣлается для русской народности въ Россіи, въ такъ-называемой ими *Закордонной Руси*, т. е. въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, и въ *Конгресовой Польшѣ*, т. е. Царствѣ Польскомъ. Естественно было людямъ, почувствовавшимъ интересы своей народности и поднявшимся на ноги при содѣйствіи чуждаго имъ по про-

исхожденію правительства, ожидать, что они встрѣтятъ въ русскихъ мѣстностяхъ, примкнувшихъ отъ прежней Польши къ главному центру русскаго населенія, гораздо большіе успѣхи въ смыслѣ національности нежели у себя. Событія последнихъ лѣтъ особенно возбудили въ галицкихъ патріотахъ, принужденныхъ у себя дома вести политическую и соціальную борьбу съ польскимъ элементомъ, интересъ ознакомиться съ положеніемъ русскаго населенія западныхъ губерній и польскаго края. Галицкія газеты открыли свои столбцы извѣстіямъ о *закордонной* Руси и холмской епархіи: почти не было нумера, который не содержалъ бы корреспонденціи изъ этихъ мѣстностей, или разсужденій объ участи русскаго населенія въ нихъ. Мало-по-малу у галицкихъ патріотовъ выработалось мнѣніе, что права русской народности гораздо болѣе обезпечены въ австрійской, нежели въ русской имперіи. Этотъ парадоксъ (употребимъ это слово) сильно распространенъ въ Галиціи: его стараются поддержать органы правительственной нѣмецкой партіи во Львовѣ и въ Вѣнѣ; за него же схватилась партія такъ называемой Южной Руси, пытающаяся создать изъ галицкаго населенія какую то особую русскую народность; съ нимъ должны соглашаться даже люди, чуждые этихъ партій. Вышеупомянутая статья газеты *Слово* написана человѣкомъ, который не питаетъ сочувствія ни къ нѣмецкимъ централистамъ, ни къ блуднымъ русскимъ сепаратистамъ, но и онъ склоняется къ тому же парадоксу и старается объяснить по своему равнодушіе Россіи къ русскому дѣлу. Мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ его статьи, отступая только отъ ея орѳографіи, или лучше сказать, какографіи, и удерживая всѣ тѣ уродливости рѣчи (*мѣстце*, *скорше*, и т. д.), которыми испестрила ее болѣе умышленная, нежели неумышленная безграмотность редакціи. Издатель газеты *Слово*, г. Дѣдицкій, хорошо владѣетъ общерусскимъ языкомъ: но онъ считаетъ своимъ долгомъ не признавать его правилъ и обычаевъ, и сочинять, съ помощію польскихъ рѣченій и оборотовъ, которые столь изобильно вошли въ мѣстный говоръ, особый литературный языкъ, полагая, что онъ тѣмъ способствуетъ развитію и укрѣпленію русской народности. Но объ этомъ послѣ; а теперь дадимъ говорить автору вышеупомянутой статьи. Онъ говоритъ.

»Послѣднее раздѣленіе Польши еще не наступило, оно бу»детъ окончательное, вполнѣ совершенное, отнятіемъ русскихъ

»областей отъ конгресовой Польши и прилученіемъ ихъ къ ю»гозападной Руси. Поляки хорошо понимаютъ, что вся вос»точная часть конгресовой Польши есть чисто русская земля, »которую они сами, еслибъ были на мѣстци Россіи, присоеди»нили бы къ западной Руси, не уважая (не взирая) на Вѣн»скіе трактаты съ 1815 года, на основаніи которыхъ упомяну»тая часть Руси прилучена была къ конгресовой Польшѣ. По»ляки предвидятъ такоже, что скорше и позднѣйше, съ послѣ»довавшимъ нынѣ освобожденьемъ русскаго народа отъ крѣ»постнаго состоянія, воздвигнется русская народность въ за»падной части конгресовой Польши, и станетъ домагаться при»служащихъ ей правъ и свободъ, подобно тому, якъ то дѣется »въ Галиціи, и что трудно будетъ Полякамъ дальше подъ вла»дѣніемъ Россіи терроризовать Хелмскихъ Русиновъ, чтобы тѣ »же не отлучались отъ народности польской, которую имъ на»силіемъ навязуютъ. Петербургскому правительству сами По»ляки открыютъ очи, что оно наконецъ увидитъ тамъ русское »племя, гдѣ передъ тымъ только поляковъ видѣло, и образу»мится (пойметъ) что и уніаты Холмскіе суть русскаго проис»хожденія, и не будетъ по давному помагать Полякамъ ополь»щивать русскую братью. Намъ кажется, что проворная Поль»ща дастъ тупоглавой (sic) Москвѣ хорошую научку, выстав»ляя тую же нынѣ на поруганіе всей западной Европы. Даль»нозоркая Россія знала все, что дѣется во всемъ мірѣ, но не »вѣдала ничего о томъ, что у ней приготовлялось Поляками »дома.»

Далѣе авторъ говоритъ о важномъ значеніи Кіева для всего нашего югозападнаго края и о вліяніи, которое имѣли въ немъ Поляки до послѣдняго времени, устроивъ въ немъ средоточіе для своей пропаганды.

»Что же теперь,» спрашиваетъ авторъ, »сказать о притя»заніяхъ и преобладаніи Поляковъ надъ пригнетенною Русью »въ конгресовой Польшѣ, нашихъ несчастныхъ братіяхъ въ »Холмской епархіи, гдѣ уніятскому духовенству не дозволя»лось даже говорить по-русски, и на томъ языкѣ обучать ко»ренной русскій народъ? При такомъ жалкомъ состояніи рус»ской церкви въ конгресовой Польшѣ, польскіе либералы из»давна ничего не хотятъ и знать о племени русскомъ, въ Ав»густовской губерніи обитающемъ, гдѣ Бѣлороссы сутъ всѣ »католики латинскаго обряда и подобно соплеменнымъ Холм-

»скимъ Русинамъ уже издавна польскимъ духовенствомъ о-»полыщиваются, такъ въ церкви, якъ на школѣ обученіемъ, »преподаваемымъ имъ на польскомъ языкѣ. Такое неимовѣр-»ное нерадѣніе о русской народности въ Августовской губерніи »и вообще во всей восточной части конгресовой Польщи не »есть безпримѣрное: оно практикуется въ самой Россійской »Имперіи въ сусѣдней Гродненской губерніи, гдѣ Поляки та-»кую же пропаганду въ пользу росширенія границъ Польщи »явно совершаютъ, гдѣ греческій обрядъ и Черноросcы въ са-»момъ жалостнѣйшемъ состояніи находятся, безъ малѣйшаго »помоществованія съ россійской стороны.»

Въ доказательство справедливости своихъ словъ, авторъ дѣлаетъ выписки изъ *Сѣверной Почты* и другихъ газетъ, и изъ нѣкоторыхъ корросподенцій *Слова*.

»Нѣтъ сомнѣнія,» прибавляетъ онъ отъ себя въ видѣ по-ясненія, »что русскій западный край находится въ весьма жал-»комъ положеніи при польской пропагандѣ и пассивной роли »россійскаго общества, въ которомъ примѣчается только *рели-»гійный фанатизмъ* и космополитизмъ безъ патріотизма, ког-»да московское купечество ежегодно шлетъ десятки тысячъ »на содержаніе Палестинскихъ путешественниковъ и аѳон-»скихъ монаховъ, когда россійскіе ученые съ большою при-»лежностію занимаются изслѣдованіемъ нынѣшняго состоянія »другихъ славянскихъ племенъ, напр. Болгаръ, Сербовъ, Кашу-»бовъ и проч., когда россійско образованное общество старает-»ся о введеніи цивилизаціи на Амурѣ: а между тѣмъ кроваво »трудящійся западно-русскій народъ умираетъ съ голоду и ли-»шенъ нерѣдко молитвенныхъ храмовъ.»

Желая объяснить такое равнодушіе русскаго общества къ поддержкѣ своей народности на западѣ, авторъ позволяетъ себѣ догадку, что вѣроятно уніятскій и римскій обрядъ, испо-вѣдуемый Русскими, живущими въ Августовской и Люблин-ской губерніяхъ конгресовой Польши, составляетъ главную причину того, что они не пользуются сочувствіемъ православ-ныхъ Русскихъ.

Галицкій публицистъ ошибается: Россія вовсе не стра-даетъ, какъ онъ выражается, «религійною нетолеранціей,» то есть религіозною нетерпимостью. Въ Варшавѣ бывали случаи, что не только христіане римско-католическаго вѣроисповѣда-нія, но и евреи, сами изъявлявшіе желаніе обратиться въ пра-

вославіе, не были принимаемы въ лоно нашей церкви, въ доказательство нашей »религійной толеранціи.» И такъ, если мы на западныхъ окраинахъ нашихъ отказываемся принимать въ православіе иновѣрцевъ добровольно обращающихся къ нему, то никакъ нельзя объяснять религіозною нетерпимостію тотъ фактъ, что подъ русскимъ владычествомъ русскія населенія перерабатываются въ чуждую и враждебную Россіи народность. Есть другія причины, почему бѣлорусскія народонаселенія римскаго закона не только въ августовской, но и въ гродненской и минской губерніяхъ, насильно побуждаются возненавидѣть свое русское происхожденіе и превратиться въ заклятыхъ враговъ Россіи.

Это объясняется не религіознымъ фанатизмомъ, какъ налагаетъ галицкій уніятъ, а другими причинами, — не рѣшаемъ тѣми ли которыя онъ самъ же раскрываетъ въ своей статьѣ, характеризуя ихъ не слишкомъ вѣжливыми терминами; или можетъ быть еще тѣми, которыя побуждаютъ самую газету, гдѣ онъ пишетъ, чуждаться общерусскаго литературнаго языка. Во всякомъ случаѣ, это вопросъ политическій. Рѣшеніе его, дѣйствительно, много зависитъ отъ того, будетъ ли русское населеніе Царства Польскаго, согласно съ мыслію автора, считаться и офиціяльно тѣмъ, что оно есть въ дѣйствительности,—Русью, а не Польшей. При ревностной вѣротерпимости, которою мы одушевлены въ вышепоказанной степени, мы не можемъ имѣть ни побужденій, ни средствъ обращать этихъ людей въ вѣрныхъ сыновъ православной церкви; мы, слава Богу, во всякомъ случаѣ не захотѣли бы насиловать ихъ совѣсть; но, съ другой стороны, говоря съ точки зрѣнія здраваго смысла, мы не можемъ имѣть побужденій къ тому, чтобы превращать насильно эти народонаселенія въ чуждый и враждебный намъ элементъ, отказывая имъ въ употребленіи чистаго русскаго языка для молитвы, духовныхъ требъ и вѣроученія. Если же русскія населенія Царства соединятся крѣпкими узами съ русскимъ народомъ, то что станется съ конгресовою Польшей 1815 года? И однако этотъ призракъ, искуственно введенный въ дѣйствительность, есть именно та сила, которая внушаетъ полякамъ ихъ притязанія, а русскихъ сбиваетъ съ толку и разрозниваетъ. Есть даже мнѣніе, что мы обязаны, и нравственно и юридически, задерживать на землѣ этотъ призракъ, вѣроятно въ ожиданіи новаго возстанія, ко-

торое ужъ обѣщаетъ намъ прусскій военный министръ. Есть мнѣніе, что наша обязанность простирается еще далѣе, что мы призваны трудиться надъ воскрешеніемъ призрака, и что Россія не исполнитъ своего долга, если не совершитъ этого призванія. Подобныя мнѣнія, по какому-то чуду, возникаютъ и находятъ пріютъ въ русскихъ умахъ, на ряду съ мнѣніями о необходимости раздробить Россію и русскій народъ, между тѣмъ какъ вопросъ о сліяніи Польши съ Имперіей кажется чѣмъ-то чудовищнымъ. Въ контрастъ считаемъ нелишнимъ указать на переведенную во вчерашнемъ нумерѣ нашихъ *Воскресныхъ прибавленій* статью изъ *Сербобрана* именно объ этомъ вопросѣ, о сліяніи Польши съ Россіей. Эта статья интересна какъ голосъ безпристрастнаго наблюдателя, говорящаго съ славянской точки зрѣнія. »Польша, сказано въ этой статьѣ, уже давно вычеркнута изъ ряда государствъ европейскихъ, и нѣтъ силы, которая смогла бы состояніе и дать ей независимость и самостоятельность: только сила, способная воскресить изъ мертвыхъ, въ состояніи это сдѣлать... Неужели же Россія, разогнавшая и подавившая мятежниковъ, станетъ теперь, по желанію нѣсколькихъ мечтателей, воскрешать идеальную Польшу?»

Въ заключеніе прибавимъ: не занимаетъ ли одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ недоразумѣній, на которыя сѣтуетъ авторъ указанной выше статьи въ львовскомъ *Словѣ*, тотъ самый языкъ, которымъ издается эта »русская« газета? Г. Дѣдицкій, ея издатель, нападающій на князя Черкасскаго за преподаваніе наукъ въ холмскомъ семинаріи на общерусскомъ литературномъ языкѣ, не старался ли прежде самъ писать на этомъ языкѣ по возможности чисто и не былъ ли онъ побужденъ къ его теперешнимъ безплоднымъ усиліямъ ломать этотъ языкъ совѣтами, шедшими къ нему отъ *финскихъ хладныхъ скалъ?* Наши журналы нападали на него тогда за чистоту его литературнаго языка еще съ большимъ задоромъ, чѣмъ нападаетъ онъ теперь на князя Черкасскаго. Эти старанія разорвать русскій языкъ, то есть, что одно и то же, разорвать русскій народъ, не клонятся ли къ тому самому, на что сѣтуетъ и въ чемъ обвиняетъ Москву львовское *Слово*? Это, въ нашихъ глазахъ, еще хуже чѣмъ воскрешать Польшу или ополячивать русскихъ.

(*Москов. Вѣдомости.*)

О виленскомъ воспитательномъ домѣ „Іисусъ Младенецъ.“

Въ послѣдней половинѣ прошлаго года совершено коренное преобразованіе виленскаго воспитательнаго дома «Іисусъ Младенецъ.» (1).

Учрежденное въ концѣ XVIII-го столѣтія и съ тѣхъ поръ оставшееся почти безъ всякихъ измѣненій, заведеніе это не столько удовлетворяло благотворительной цѣли призрѣнія сиротъ неизвѣстнаго происхожденія, сколько служило орудіемъ въ рукахъ ксендзовъ и р. католическихъ монахинь къ ополяченію края и къ размноженію людей польскаго происхожденія. Не говоря уже о тѣхъ сиротахъ, которыя изъ заведенія отдавались на попеченія постороннихъ воспитателей р. католиковъ и которые такимъ образомъ оставались внѣ всякой возможности развиваться въ духѣ русской народности, въ самомъ заведеніи надзоръ за дѣтьми былъ ввѣренъ пяти сестрамъ милосердія римско-католическаго моношескаго ордена, неумѣвшимъ или нехотѣвшимъ говорить по русски и воспитывавшимъ ввѣренное имъ юношество въ исключительно польскимъ направленіи.

На такое вредное направленіе заведенія давно уже было обращено должное вниманіе со стороны православнаго духовнаго начальства. Въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ, оно не переставало указывать свѣтской власти, какъ на злоупотребленія при крещеніи подкидываемыхъ младенцевъ по обрядахъ латинской церкви, вопреки существовшаго уже въ то время узаконенія, такъ въ особенности на несоотвѣтственность оставленія воспитанія въ рукахъ р. католическихъ монахинь. Едва въ 1859 году въ заведеніи устроена была православная церковь и назначена одна надзирательница православнаго исповѣданія; но эти улучшенія могли ли принести существенную пользу, когда въ этой церкви богослуженіе, за неимѣніемъ особаго, постояннаго при ней священника, совершалось очередными свя-

---

(1) Названіе для этого заведенія выбрано болѣе чѣмъ неудачно. Мы стѣсняемся даже формулированіемъ причины, по чему такъ думаемъ: причину эту поймутъ люди съ тонкимъ чувствомъ христіанскимъ. Мы думаемъ, что такъ могли бы назвать это заведеніе только евреи; мы протестуемъ противъ этого названія. Ред.

щенниками только однажды въ недѣлю, тогда какъ въ нахо-дившейся тутъ же римско-католической капеллѣ служба была отправляема два раза въ день, особо для того назначеннымъ ксендзомъ?—Что касается надзирательницы, то вся ея обязанность заключалась только въ томъ, чтобы прочитывать съ дѣтьми молитвы. При такомъ положеніи, ополяченіе и окатоличеніе воспитанниковъ принимало все большіе и большіе размѣры; дѣти переставали говорить по русски; православныя дѣвочки вышивали облаченія для ксендзовъ, или дѣлали цвѣты для украшенія р. католическихъ алтарей, словомъ, и воспитательное заведеніе въ Вильнѣ, вполнѣ подходило подъ общій строй господствовавшаго въ то время направленія....

Г. главный начальникъ края, обративъ вниманіе и на это заведеніе, поручилъ сдѣлать коренныя въономъ преобразованія, сообразныя съ цѣлію подобнаго рода благотворительныхъ заведеній. Въ апрѣлѣ 1864 года сдѣлано было распоряженіе объ удаленіи р. католическихъ сестеръ изъ заведенія и о закрытіи находившейся въ немъ каплицы. Въ тоже время, по ходатайству г. главнаго начальника края, ея императорское высочество, великая княгиня Елена Павлова благоволила принять въ этомъ дѣлѣ живое участіе, и, по сдѣланному ея высочествомъ распоряженію, прибыли въ Вильну три сестры крестовоздвиженской общины. Для служенія опредѣленъ къ церкви заведенія особый постоянный священникъ, имѣющій также наблюденіе, чтобы подбрасываемые младенцы, не оставались безъ св. крещенія. Воспитанники, отданные на попеченіе постороннихъ лицъ, римско-католическаго исповѣданія, отобраны отъ нихъ для раздачи на попеченіе православнымъ крестьянамъ и ремесленникамъ, и наконецъ сдѣлано распоряженіе, чтобы воспитанники, оставляемые въ заведеніи, были обучаемы нѣкоторымъ мастерствамъ.

Не смотря на то, что число воспитанниковъ простиралось до 700, и что ихъ приходилось разыскивать въ разныхъ мѣстностяхъ и уѣздахъ, предназначенное преобразовчніе воспитательнаго дома уже къ концу истекшаго года могло считаться почти окончательно совершеннымъ. Изъ подвѣдомственныхъ заведенію питомцевъ, достигшіе 3-хъ лѣтняго возраста, большею частію уже были отобраны отъ прежнихъ попечителей р. католиковъ, за исключеніемъ только немногихъ, живущихъ въ г. Вильнѣ, или вблизи приходскихъ церквей въ уѣздахъ; но

попечители первыхъ городскихъ воспитанниковъ, числомъ до 50-ти, обязаны подписками посылать своихъ питомцевъ въ церковь воспитательнаго дома, при выходѣ изъ которой они повѣряются по особо заведенному для сего списку; а за оставленными въ уѣздахъ воспитанниками имѣютъ ближайшее наблюденіе мѣстные приходскіе священники. Остальные изъ общаго числа воспитанниковъ, частью отданы на попеченіе православнымъ крестьянамъ, ремесленникамъ и священникамъ, значительная же часть находится въ самомъ заведеніи, въ которомъ съ этою цѣлію приспособлено помѣщеніе для увеличившагося почти въ пять разъ противъ прежняго числа питомцевъ; причемъ всѣ они снабжены бѣльемъ, платьемъ, обувью, кроватями, одѣялами и прочими принадлежностями.

Къ концу 1864 года, вмѣсто прежняго числа отъ 30 до 40, на которое разсчитаны были штаты воспитательнаго дома, въ немъ уже находилось до 150 постоянныхъ воспитанниковъ православнаго исповѣданія. Они обучаются священникомъ Закону Божію, а одною изъ состоящихъ при заведеніи сестеръ крестовоздвиженской общины—русской грамотѣ и ариѳметикѣ, въ чемъ также принимаетъ дѣятельное участіе состоящій при заведеніи врачъ; остальное же время занятій проводятъ дѣвочки въ рукодѣльной, а мальчики въ мастерскихъ.

Съ этою цѣлію выписаны изъ Москвы четыре мастера: столяръ, портной, сапожникъ и башмачникъ; мастерскія снабжены всѣми необходимыми для нихъ инструментами и матріалами; мастерскія находятся въ полномъ ходу и уже исполняютъ постороннія заказы, а одинъ изъ свободныхъ художниковъ, открывшій собственными средствами въ помѣщеніи воспитательнаго дома живописную, обучаетъ способнѣйшихъ изъ воспитанниковъ черченію и рисованію.

На покрытіе расходовъ по произведенному преобразованію и по устройству мастерскихъ, г. главнымъ начальникомъ края было асигновано единовременно, изъ штрафныхъ суммъ 2,844 руб. 42 коп., а въ началѣ текущаго года его высокопревосходительству благоугодно было предоставить въ собственность заведенію капиталъ въ 10 т. р., изъ штрафныхъ суммъ, взысканныхъ съ лицъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, съ тѣмъ, чтобы капиталъ этотъ былъ обращенъ въ 5% государственные билеты, и изъ процентовъ раздавались денежныя пособія на обзаведенія тѣмъ изъ обучающихся различнымъ ре-

месламъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, которые окажутся наиболѣе способными. Правила раздачи пособій утверждены 18-го января и состоятъ главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что удостоеніе денежныхъ наградъ, каждый разъ съ утвержденія г. главнаго начальника края, производится черезъ годъ, послѣ выставки сдѣланныхъ воспитанниками работъ и моделей; возрастъ удостоиваемыхъ: — 16 лѣтъ для дѣвочекъ и 18 — для мальчиковъ; размѣръ пособій отъ 50 до 75 рублей для каждаго; первая выставка назначена 1-го октября 1866 года.

Такимъ образомъ, виленскій воспитательный домъ въ такое короткое время преобразованъ въ такое благотворительное заведеніе, которое, удовлетворяя цѣли призрѣнія младенцовъ неизвѣстнаго происхожденія, въ тоже время въ состояніи будетъ пополнить ощущаемый въ этомъ краѣ недостатокъ въ русскихъ ремесленникахъ. (*Бирж. Вѣд.*)

Древніе памятники православія въ Луцкѣ.

Статейка, предлагаемая читателямъ — не какія нибудь археологическія изслѣдованія памятниковъ православія въ Луцкѣ. къ чему я не имѣю ни средствъ, ни времени, а взглядъ на современное состояніе этихъ памятниковъ. Изъ 22-хъ православныхъ храмовъ, 300 лѣтъ тому назадъ существовавшихъ въ Луцкѣ, до нашего времени уцѣлѣлъ только одинъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, — какъ священный памятникъ древняго православія. По присоединеніи Волыни къ Польшѣ, польско-iезуитская пропаганда ратоборствовала здѣсь во всеоружіи, и путемъ несвойственныхъ духу христіанства насилій стерла съ лица земли остальные православные храмы. Да горькая участь постигла здѣшніе православные храмы, но нисколько не утѣшительно, а возмутительно и настоящее состояніе ихъ. Взору наблюдателя на главной проѣзжей улицѣ въ Луцкѣ представляются развалины сгорѣвшаго въ 1803 году Крестовоздвиженскаго собора, прежде бывшаго Крестовоздвиженскаго братскаго монастыря, при которомъ, въ самую тяжкую пору для православія на Волыни, существовало знаменитое въ лѣтописяхъ Луцка Крестовоздвиженское братство, ратовавшее около столѣтія съ нахлынувшимъ р. католицизмомъ и павшее въ нерав-

ной борьбѣ. То была смутная, — тяжкая пора!... Но и теперь что мы видимъ въ этомъ столь знаменитомъ Крестовоздвиженскомъ соборѣ, что представляютъ огромныя развалины его?! Печальные остатки Крестовоздвиженскаго собора стоятъ безъ всякого присмотра и громко говорятъ о равнодушіи тѣхъ, къ чьей обязанности относится попеченіе о храмахъ. Развалины эти въ пренебреженіи, и то священное мѣсто для насъ, гдѣ приносилась безкровная жертва о спасеніи нашихъ отшедшихъ братій, — мучениковъ за вѣру предковъ, — предоставлено нынѣ — евреямъ! Если древне-православные храмы въ Луцкѣ были во время оно обращаемы нагло поляками въ жидовскія корчмы, то какимъ образомъ въ настоящее время, — въ вѣкъ прогресса и цивилизаціи, и пр. — мы, православные, поступаемъ такъ небрежно съ остатками древнихъ храмовъ? Недавно впрочемъ развалины Крестовоздвиженскаго собора проданы на съемъ за 500 руб. и разбираются. Слава Богу и за такой результатъ: по крайней мѣрѣ „мѣсто свято" не будетъ уже служить укоромъ намъ заѣзжимъ и поселившимся въ Луцкѣ, — а покамѣсть оно продолжаетъ служить тому же тажелому для православнаго чувства назначенію. Особое каменное зданіе, — принадлежащее къ оставленнымъ въ пренебреженіи руинамъ Крестовоздвиженскаго собора, расположенно въ параллель съ ними съ востока на западъ, нижній этажъ котораго отдается подъ наёмъ, а въ верхнемъ помѣщается соборный причтъ, — приходитъ въ ветхость, и въ западной части полуразрушено. Безъ должной поддержки, съ теченіемъ времени рушится оно и совсѣмъ! Отъ этого зданія вдоль улицы тянется рядъ лавокъ и лавчонокъ съ жильемъ при нѣкоторыхъ изъ нихъ, что съ главной проѣзжей улицы составляетъ ограду руинъ Крестовоздвиженскаго храма. Все это въ арендѣ у жидовъ, какъ равно и главные остатки собора.

Не въ утѣшительномъ состояніи и Покровская православная церковь, — живой памятникъ древняго православія въ Луцкѣ. Въ невидной мѣстности, на небольшой площадкѣ, стоитъ убогій храмъ, каменный, небольшихъ размѣровъ, покрытый тесомъ. По своей внѣшности онъ немногимъ, только своею своеобразною формой, отличается отъ расположенныхъ по одной линіи съ нимъ подобныхъ же каменныхъ, покрытымъ тесомъ, жидовскихъ домовъ, обнесенъ деревянною оградою, и въ одномъ изъ угловъ на востокъ, подъ деревяннымъ навѣсомъ на

4-хъ деревянныхъ столбахъ съ двумя-тремя небольшими колоколами, приземистая колокольня. Слабый разноситъ она благовѣстъ, почти незамѣтный въ пространствѣ. Какъ внѣшность этого храма, такъ равно и внутренняя его обстановка, указываютъ наблюдателю, что уже давнымъ давно не прикасалась къ нему заботливая объ украшеніи храмовъ рука человѣка. И такъ, единственный православный памятникъ древняго православія въ Луцкѣ, не говоря уже объ украшеніи его, нисколко не поддерживается вь надлежащемъ видѣ. Причина этому — малочисленность православныхъ обитателей города и въ большинствѣ несостоятельность ихъ. 1-е Октября — храмовой день этой единственной православной церкви въ Луцкѣ — представилъ впрочемъ отрадное явленіе среди мертвящей здѣшней дѣйствительности. Собравшееся въ церковь общество прихожанъ, на призывный голосъ своего пастыря, съ полнымъ сочувствіемъ и единодушно изъявило желаніе воскресить среди себя бывшее Крестовоздвиженское братство, которому, какъ обществу, возможно найти мѣстные способы для своей благотворительной дѣятельности. Главною задачею этой дѣятельности — сохранять и поддерживать православіе въ надлежащемъ благолѣпіи и обратить благочестивое вниманіе на священный памятникъ древняго православія въ Луцкѣ. Такимъ образомъ предположено учредить при Покровской церкви — Покровское братство и сь благословенія архипастыря, на голосъ братства щедролюбивая Россія не откажетъ подать руку помощи. Составленъ уставъ братства и представленъ на усмотрѣніе преосвященнаго. Дайже Богъ видѣть, при благотворной дѣятельности братства, возрожденнымъ въ здѣшнемъ краѣ православіе.

Житель Луцка — чъ.

1864 года, 19-го Октября. Луцкъ.

Іезуиты въ Польшѣ,

историческій очеркъ, составленный А. Морачевскимъ.

(*Выдержка изъ брошюры подъ этимъ заглавіемъ*).

»Въ 1724 г. во время церковной процессіи въ Торнѣ, по случаю какого-то неуваженія со стороны нѣмцовъ воспитанники іезуитскаго коллегіума затѣяли настоящее сраженіе, за

которымъ послѣдовало нѣсколько другихъ, двое іезуитскихъ питомцевь были посажны въ городскую тюрьму; въ отомщеніе за это іезуиты въ своемъ коллегіумѣ заперли одного нѣмецкаго ученика. Начались переговоры и споры между президентомъ города и ректоромъ іезуитовъ. Между тѣмъ народъ, раздраженный выстрѣлами, вѣроятно произведенными іезуитскими воспитанниками, бросился на коллегіумъ, ограбилъ его. равно какъ и церковныя алтари, но сдѣлалъ это не за тѣмъ, чтобы присвоить себѣ что либо, но чтобы все сжечь на улицѣ, Осквернили святыню и, какъ кажется, сожгли даже образъ Пресвятой Дѣвы. Это было дѣйствительное преступленіе, оскорблявше католическую религію, въ чемъ же былъ виновенъ президентъ города, не жегшій и не велѣвшій жечь? Іезуиты надѣлали много шуму, требовали слѣдствія, назначена была коммисія, вліяніемъ на судей они достигли того, что президенѣъ Реснеръ былъ казненъ, а вмѣстѣ съ нимъ казнены и пять гражданъ. Этотъ *короткій* судъ XVIII вѣкѣ наполнилъ ужасомъ полъ-Европы, осрамилъ имя Польши, возбудилъ ожесточенную ненависть къ іезуитамъ въ польской Пруссіи и во всѣхъ протестантскихъ государствахъ.

Въ одной нотѣ, написанной по этому случаю, сказано:

»Если іезуиты сами не предавались ханжеству, то они прививали его польскимъ католикамъ посредствомъ ухищреній, противныхъ духу евангелическому и чистому ученію Христову, и этимъ самымъ внушали народу и юношеству фанатизмъ противъ диссидентовъ. Сочиненія ихъ наполнены чудесными приключеніями.

Такимъ образомъ іезуитъ Янъ Пашковскій въ календарѣ іезуитскаго ордена разсказываетъ между прочимъ:

«14 августа 1618 г. католическій священникъ Юлій Манцинелли, итальянецъ, проповѣдывавшій слово Божіе по Европѣ и Африкѣ, во время молебствія въ Неаполѣ, услышалъ голосъ Пресвятыя Дѣвы, изрекшей: *И почему ты не называешь меня польскою королевою, такъ какъ я люблю это королевство за его особую преданность, мнѣ оказываемую.*»

Другой іезуитъ Квяткевичъ въ своихъ запискахъ, на стр. 844 подтверждаетъ сказанное слѣдующимъ образомъ:

«Когда—говоритъ—іезуитъ Манцинелли, мужъ дивный, не разъ удостоенный видѣнія и посѣщенія святыхъ съ небеси, и въ 1618 году умершій, величалъ Пресвятую Дѣву различными именами, то отъ Божіей Матери получилъ напоминаніе, чтобы называть ее также *польскою королевою*. Такимъ образомъ, по замѣчанію лѣтописца, въ нашемъ краѣ вошло въ употребленіе это названіе.»

Замѣтка V-я излагаетъ цѣлую программу экзаменовъ, которыя дѣлаемы были благороднымъ юношамъ, воспитанникамъ виленской академіи и излагаетъ какъ доказательство того, что «воспитанники іезуитовъ могли дѣлаться въ ней только безтолковыми личностями, попугаями на сеймѣ, въ судѣ и при другихъ общественныхъ занятіяхъ.»

Послѣ этого наконецъ нужнымъ считаемъ передать нѣсколько отрывковъ изъ конфиденціальнаго письма, писаннаго папою Піемъ XIV къ своему другу Бертинацци, зущищавшему предъ папою дѣло іезуитовъ. По словамъ составителя брошюры письмо это, сколько ему извѣстно, не появлялось еще до настоящаго времени въ печати на польскомъ языкѣ:

Римъ, 21 іюля, 1773 г.

«Ты слишкомъ поздно обращаешься ко мнѣ для защиты іезуитовъ. Я сообразилъ смотрѣлъ очень внимательно акты ордена; который въ теченіе 200 лѣтъ его существованія былъ утверждаемъ различными папами, какъ полезный въ распространеніи просвѣщенія и считающій въ числѣ своихъ послѣдователей много мучениковъ; но, съ другой стороны, я изслѣдовалъ и опасность, которою угрожаетъ этотъ орденъ, составляющій *государство среди государствъ*. Не смотря на свои обѣты повиновенія апостольской столицѣ, не смотря на сдѣланное ордену предложеніе о преобразованіи устава его, онъ твердитъ, что долженъ остаться въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится, или вовсе прекратить свое существованіе (sint ut sunt aut non sint).

Скажи протежируемымъ тобою, что въ этомъ дѣлѣ я совѣтовался съ лицами, вовсе не заинтересованными въ немъ. Съ одной стороны я разобралъ архивы іезуитской пропаганды и прочелъ находящіяся въ нихъ записки кардинала Турнона, гг. Мегрота и Бома, съ другой стороны—апологіи общества, писанныя самыми іезуитскими миссіонерами. Какъ пастырь вѣрныхъ и въ особенности монашескихъ орденовъ, я не могу упразднить

знаменитый орденъ безъ достаточныхъ побудительныхъ причинъ для оправданія себя въ глазахъ потомства. Скажи имъ, что я исполнилъ намѣренія Бенедикта XIV и въ особенности согласно мнѣнію кардиналовъ Марафосчи, Зелада, Негрони, Карафа, Корсини и принявъ во вниманіе положеніе, въ какомъ находится христіанство, я желалъ избѣжать повторенія тѣхъ несчастныхъ временъ, когда папы оставались безъ пріюта и въ короляхъ и императорахъ имѣли враговъ......... Впрочемъ въ *блестящіе вѣка нашей церкви существовали ли монахи и монастыри, подобные іезуитскому ордену?.........*

(*Продолженіе будетъ*).

Послѣднія минуты корпуса арміи краковскаго воеводства 1863 г.

Лѣтомъ 1863 г., не далеко отъ Лисварты, въ гостинной господскаго дома г. Б. нѣсколько лицъ вело оживленный разговоръ; побрякиванье палашами и нарядъ мужчинъ обличали *народовыхъ* рыцарей, освободителей польской *ойчизны*. Это дѣйствительно были остатки разсыпавшагося гдѣ то около Олькуша отряда повставцевъ, громко именующагося *корпусомъ арміи краковскаго воеводства* (!!!). За столиками, уставленными водкой, виномъ, чаемъ и различными закусками, сидѣло нѣсколько *офицеровъ* и двѣ дамы пожилыхъ лѣтъ; въ простѣнкѣ между окнами стояло фортепьяно, на которомъ начальникъ отряда *капитанъ* З. фальшиво брянчалъ мелодію »Съ дыму пожаровъ«; противъ него, прислонившись къ фортепьяно, стояла панна Паулина, отъ времени до времени посматривая на присутствующихъ съ сожаленіемъ, которое ясно выражалось на ея лицѣ; кромѣ того, двѣ дѣвицы, значительно моложе ея, разговаривали въ сторонѣ съ офицерами. Передъ крыльцомъ на дворѣ толпа жалкихъ, загорѣлыхъ, исхудалыхъ и полупьяныхъ повставцевъ уписывала съ аппетитомъ говядину, заливая ее ежеминутно водкою и пивомъ; поодаль отъ нихъ, у изгороди, сложены были ихъ карабины со штыками, а еще дальше стояли привязанные къ изгороди неразсѣдланныя лошади. Оставимъ этихъ бѣдняковъ, которые хотятъ въ пьяномъ одуреніи забыть свою несчастную долю. Посмотримъ лучше что дѣлается въ домѣ.

— У насъ, панна Паулина—сказалъ капитанъ З. — сколько я замѣчаю, врожденное правило всему противурѣчить; если бы внутреннее убѣжденіе не увѣряло меня въ нашей сердечной приверженности къ родному дѣлу, я готовъ былъ бы заподозрить васъ въ совершенномъ равнодушіи ко всему, во имя чего въ настоящее время край приноситъ столько жертвъ.

— И въ томъ и въ другомъ случаѣ вы не ошиблись — отвѣчала панна Паулина, печально покачивая головой—я люблю Польшу больше жизни, какъ должно и какъ прилично истинной полькѣ, дочери этой страны; потому-то мнѣ и больнѣе видѣть, что столько нашей молодежи, цвѣта нашего края пропадаетъ ни за что въ постыдныхъ бѣгствахъ оскорбляющихъ нашу народную честь. Убійства, поджоги, измѣны, наполнили край; жиды и нѣмцы обогащаются нашими деньгами; мы тратимъ послѣдній грошъ; съ каждымъ днемъ хуже и хуже, и одному только Богу извѣстно, что ожидаетъ насъ завтра.

— Ахъ, панна Паулина! все все ваше существо проникнуто элегіей! Правда, гдѣ то за горами, за лѣсами, москалямъ удалось одержать надъ нашими войсками нѣсколько незначительныхъ побѣдъ—это обыкновенныя случайности войны; армія наша, однакоже, дѣйствуетъ энергически на всѣхъ пунктахъ Польши, Литвы и Руси; съ каждымъ днемъ число воиновъ увеличивается, и нѣтъ сомнѣнія, что скоро мы начнемъ приближаться къ Варшавѣ, чтобы овладѣть столицей; остальное пойдетъ какъ по маслу, потому что москали и такъ уже упали духомъ; союзные намъ государства и сухимъ путемъ и и моремъ спѣшатъ къ намъ на помощь; мы окружимъ *москву* со всѣхъ сторонъ, разобьемъ ее въ пухъ и прахъ, и, черезъ нѣсколько дней, на землѣ ляшской не будетъ и слѣда этихъ наѣздниковъ. Что вы на это скажете?

— А то, капитанъ, что высказанные вами планы и проекты считаю *грушками на вербѣ* (польск. послов. П. Р.); это мечты, какихъ я наслушалась вдоволь, и отъ которыхъ до дѣйствительности очень далеко. Какъ слабая женщина, я не имѣю права противорѣчить вашему мнѣнію, охотно даже желаю раздѣлять его; но потому, что до сихъ поръ видѣла и слышала, не могу измѣнить своего убѣжденія, у меня какое то дурное предчувствіе. Москали занимаютъ у насъ города и мѣстечки и даже деревеньки; многочисленные отряды ихъ и днемъ и ночью снуютъ по дорогамъ и лѣсамъ, такъ что наши

не могутъ ни гдѣ отдохнуть. Всѣ мужики на ихъ сторонѣ; жиды будто бы стоятъ за насъ, потому что мы дорого платимъ имъ за каждую услугу и, не смотря, однакоже, на эти выгоды, втихомолку доносятъ на насъ полиціи о перевозѣ и складахъ нашего оружія; наконецъ, извините меня капитанъ, но и эти народовые солдаты не даютъ намъ ни малѣйшей поруки, всюду бѣгутъ они, всюду перевѣсъ на сторонѣ москвы. Какъ тутъ думать о взятіи Варшавы, когда самаго дряннаго городишка, самаго уединеннаго уголка повстанцы не удержали до сихъ поръ, и повстанье замѣтно потухаетъ. Новыхъ силъ нѣтъ въ краѣ, мѣщане слишкомъ разочарованы, чтобы долѣе оставаться расположенными къ повстанью, купцы и вообще богатые люди проклинаютъ его, высшая шляхта бѣжала изъ края и ораторствуетъ въ европейскихъ столицахъ; никто теперь рѣшительно уже не вѣритъ въ помощь чужихъ государствъ, потому что изъ газетъ, даже самыхъ расположенныхъ къ нашему дѣлу, развѣ только слѣпой не увидитъ, что тѣ государства, которыя будто бы должны оказать намъ помощь, явно и тайно расположены къ москалямъ. Далѣе, обманываться, капитанъ, не возможно, и я убѣждена, что въ сущности раздѣляете мое мнѣніе.

— Во многихъ отношеніяхъ, я согласенъ съ вами — отвѣтилъ капитанъ — что же касается до помощи, ожидаемой отъ расположенныхъ къ намъ государствъ, то я думаю совершенно иначе; двусмысленное ихъ поведеніе, въ настоящее время, необходимое слѣдствіе общей европейской политики; но положеніе дѣлъ, однакоже, измѣнится въ одну минуту. Народовый жондъ въ близкихъ отношеніяхъ и дѣйствуетъ за одно съ оюзными державами, лицами, не расположенными къ намъ или съ измѣнниками, справимся: въ веровкахъ и деревьяхъ у насъ недостатка нѣтъ; такъ или иначе, наша рѣчь-посполитая, тѣмъ или другимъ путемъ, опять будетъ сильна и войдетъ въ прежнія свои границы. Наша борьба — борьба на жизнь или смерть!

— Въ этомъ съ вами согласна — сказала панна Паулина.— Да, на смерть! Смерть заглядываетъ намъ въ глаза отовсюду, смертью нашей отчизны кончится, вѣроятно, эта борьба...

О чемъ это вы такъ серьезно и горячо разсуждаете? — прервалъ ихъ, подходя къ паннѣ Паулинѣ панъ Михалъ, который называлъ себя *поручикомъ*. Гораздо лучше было бы,

если-бъ вы соблаговолили съиграть что нибуть и спѣть, это насъ одобритъ и развеселитъ; послѣ проклятой битвы подъ Раб... не могу придти въ себя; мною овладѣло какое то странное, зловѣщее предчувствіе; пѣніе ваше можетъ быть, хотя на минуту разгонитъ мрачныя мысли, которыя такъ назойливо лѣзутъ намъ въ голову.

— И мы просимъ, и мы просимъ васъ спѣть — повторили всѣ гости.

— Краковячка, краковячка!—прибавилъ п. Михалъ.

— Краковячка! — подхватили всѣ.

Панна Паулина сѣла за фортепьяно, взяла нѣсколько аккордовъ, и правда, не обработаннымъ, но очень миленькимъ голоскомъ запѣла:

На Вавель, на Вавель; краковянинъ бравый!
Ты вздохнувъ подумай о погибшей славѣ...
Нѣтъ героевъ прежнихъ,— измельчали внуки,
Кинули отчизну и сложили руки...
Можете повстанцы драться съ москалями,
Если тѣ кидать въ васъ станутъ пирогами.
Преклони колѣна и молися Богу:
Дай полякамъ разумъ, укажи дорогу!

Пѣніе стихло, умолкли и послѣдніе акорды; въ гостинной царствовало молчаніе; всѣ переглядывались, никто не произнесъ ни слова; наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ, капитанъ обращаясь къ паннѣ Паулинѣ, сказалъ:

— За прелестное пѣніе приносимъ искреннѣйшую благодарность; слова нѣсколько колки, они не только язвительны для отсутствующихъ, но и оскорбляютъ присутствующихъ воиновъ святаго польскаго дѣла; но вамъ все дозволено, даже и посмѣяться надъ нами; мы на васъ не разсердимся хотя бы...

Рѣчь капитана прервалъ вошедшій въ комнату повстанецъ; онъ держалъ въ одной рукѣ карабинъ, а въ другой письмо съ красной печаткой.

— Имѣю честь сообщить капитану— сказалъ онъ подходя къ командиру — что пикетъ, поставленный на дорогѣ въ В. задержалъ какого то мужика; мужикъ должно быть шпіонъ, потому что несъ письмо отъ русскаго офицера.

— Гдѣ же эта птица? — спросилъ капитанъ, взявъ поданное ему письмо.

— Стоитъ на дворѣ подъ карауломъ—отвѣчалъ повстанецъ.

— Господа товарищи! — сказалъ громко капитанъ — прошу васъ со мной въ особую комнату, произведемъ военный судъ надъ негодяемъ—и, обратившись къ повстанцу, онъ прибавилъ: поставъ караулъ изъ трехъ людей подъ ружьемъ къ дверямъ, и приведи къ намъ подсудимаго.

Въ комнатѣ отдѣленной отъ гостинной сѣнями, служившей канцеляріею эконому и войту, расположился *военный судъ*. Когда ввели мужика, слѣдствіе началось чтеніемъ, письмо заключалось въ слѣдующемъ:

«Милостивый Государь.»

«Сѣно все я покупаю у васъ по назначенной цѣнѣ — по «25 коп. за пудъ, или по 5 злот. за центнеръ. Послѣ завтра «пришлю вахмистра который былъ у васъ и прежде, и нѣ«сколькихъ объѣздчиковъ; они привезутъ и слѣдующія вамъ «деньги, возмутъ сѣно и отправятъ его на обывательскихъ «подводахъ.»

«Сожалѣю, что не могъ повидаться съ вами въ бытность «у В..., но что отложено, не пропало.»

«Капитанъ Л.....въ.»

— Кто ты такой?— спросилъ капитанъ мужика.

— Служу полевымъ сторожомъ во дворѣ въ С..., меня послали съ письмомъ въ В... къ начальнику объѣздчиковъ, который покупаетъ у насъ сѣно—отвѣчалъ мужикъ.

— Когда же вышелъ ты изъ В...?

— Вчера по полудни и ночевалъ въ К..., а сегодня на разсвѣтѣ пошелъ домой, потому что мнѣ приказано воротиться скорѣе, такъ какъ панъ сбирается ѣхать въ Варшаву и ждетъ денегъ, которыя и получитъ отъ объѣздчиковъ за сѣно.

— Отвѣчай правду на то, что я тебя спрошу, въ противномъ случаѣ въ дѣло пойдетъ веревка: не знаешь ли по какой дорогѣ поѣдутъ эти объѣздчики съ деньгами для твоего барина?

На лицѣ мужика видѣнъ былъ испугъ, онъ весь дрожалъ и, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, отвѣчалъ:

— Я, вельможные господа, ни въ чемъ не виноватъ, служу во дворѣ и что мнѣ прикажутъ, то и долженъ дѣлать; меня послали съ письмомъ, я его и отнесъ и несу отвѣтъ.

— Негодяй! крикнулъ капитанъ — не вертись, отвѣчай на

то, о чемъ у тебя спрашиваютъ; говори ясно: когда и гдѣ поѣдутъ къ вамъ эти объѣздчики?

— Вахмистръ сказывалъ мнѣ, что выѣдутъ сегодня по полудни, а завтра утромъ пріѣдутъ къ намъ; переночуютъ тольвъ Р..., гдѣ закупили себѣ овесъ.

— Не видѣлъ ли ты по дорогѣ москалей? Не говорили ли тамъ, нѣтъ ли ихъ гдѣ нибудь въ окрестности?

— Не видалъ ни одного москаля отъ самаго В..., а на ночлегѣ болтали, что они потянулись къ Дзялошыну.

— Мужика этого — крыкнулъ капитанъ, отворяя дверь въ сѣни и обращаясь къ стоящимъ тамъ героямъ — взять и караулить хорошенько, чтобы онъ не улизнулъ. Ну, трогайся отсюда!—прибавилъ онъ, обращаясь къ мужику.

Когда мужикъ вышелъ, командиръ сказалъ:

— Надо напугать этихъ негодьяевъ— объѣздчиковъ; мѣстность, по которой они поѣдутъ знаю хорошо. Черезъ часъ выступимъ отсюда и займемъ позицію въ лѣсу, у деревни Р...; на опушкѣ лѣса есть частые кусты, по обѣимъ сторонамъ дороги,— въ нихъ и засядемъ, пока эти мерзавцы не появятся. Зададимъ же мы имъ баню; отъ первыхъ выстрѣловъ или всѣ падутъ или сдадутся. Деньги, ихъ лошади, оружіе и одежда, какъ военный призъ, достанутся нашему отряду, а съ плѣнными мы поступимъ по нашимъ военнымъ законамъ; затѣмъ, господа, нечего тратить время, идите къ своимъ частямъ, спящихъ солдатъ— разбудите, пикеты— снимите, кавалерію и пѣхоту приведите въ порядокъ, чтобы все было готово къ походу; черезъ часъ, говорю, маршъ!

Никто не протестовалъ противъ приказанія начальника; всѣ занялись приготовленіями; пока, однако же, собрали спавшихъ по разнымъ угламъ, прошло около трехъ часовъ; наконецъ, собранный отрядъ выступилъ и безпрепятственно прибылъ въ лѣсъ у деревни Р.... Меньше чѣмъ черезъ четверть часа, когда повстанцы приготовились къ битвѣ, засѣвши въ кустахъ дороги, подъѣхало верхомъ шесть или семь солдатъ пограничной стражи. По командѣ додувцы: «пли»! съ обѣихъ сторонъ дороги на объѣздчиковъ посыпались частые выстрѣлы; но, о! чудо! кромѣ легкой контузіи ноги у одной лошади, ни кто не получилъ ни малѣйшей царапины. Солдаты выстрѣлили на удачу въ кусты, и пулей убили отличную лошадь подъ начальникомъ повстанскаго отряда; лошадь, падая, при-

давила собою, испуганнаго этимъ, вовсе неожиданнымъ случаемъ, мужественнаго защитника польской свободы—быстраго завоевателя Варшавы. Въ рядахъ произошли безпорядокъ и замѣшательство; никто и не подумалъ о преслѣдованіи объѣздчиковъ, которые направились форсированнымъ маршемъ къ деревнѣ Р... Когда начальника вытащили изъ подъ лошадинаго трупа, оказалось, что онъ ушибъ слегка ноги и правую щеку.

Когда все нѣсколько успокоилось, всѣ пошли въ чащу лѣса, гдѣ и составили военный совѣтъ, на которомъ обсудивъ подробно замѣчанія панны Паулины, всѣ пришли къ убѣжденію, особенно поручикъ Михалъ, что эти замѣчанія очень благоразумны. Вслѣдствіе чего и вывели такое заключеніе: въ виду очевидной опасности отъ снующаго повсюду непріятеля, равно какъ и въ виду бѣдствій края, основательно предрѣкаемыхъ окрестной шляхтой, равномѣрно въ виду того, что ряды народовыхъ войскъ измучены длинными и безпокойными походами и ослабленные физически, не могутъ устоять противъ во сто разъ сильнѣйшаго непріятеля, чѣмъ даютъ поводъ къ злоупотребленіямъ *обѣимъ воюющимъ сторонамъ*—отрядъ, составленный изъ послѣдняго корпуса арміи краковскаго воеводства, распускается, а офицеры и солдаты получаютъ отпускъ до собранія большихъ народовыхъ силъ.

Послѣ такого единогласнаго постановленія, оружіе спрятано въ лѣсу и, прежде чѣмъ погасла вечерняя заря, господа офицеры, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, разсыпавшись въ разныя стороны, каждый своею дорогою перешелъ на прусскую территорію. Солдаты, большею частью потянулись внутрь края и, явившись полиціи, поселились спокойно по домамъ занялись роботой, назначенной имъ провидѣніемъ,

Таковъ былъ конецъ повстанскаго отряда, одного изъ самыхъ большихъ въ 1868 году, извѣстнаго подъ именемъ «арміи краковскаго воеводства,» отряда, организованіе котораго стоило краю нѣсколько милліоновъ.

Sic transit gloria mundi!

Замѣчанія панны Паулины имѣли большое вліяніе на окончательное постановленіе начальника и его штаба; распуская уцѣлѣвшіе остатки, они спасли жизнь и себѣ и другимъ и не одну окрестность сохранили отъ катастрофъ. . . . Увы!

если бы въ краѣ нашемъ было побольше такихъ женщинъ, какъ панна Паулина,—сколькихъ бы бѣдствій, сколькихъ несчастій, слезъ, неизлѣчимыхъ ранъ избѣжали бы всѣ.

(*Варш. Дн.*)

Загужье,
Мартъ 1865 года.

Проэктъ Морица Саксонскаго о завоеваніи Польши.

Подъ этимъ заглавіемъ въ приб. къ Рус. Инв. напечатана слѣдующая статья:

Въ настоящее премя, когда не осталоось живыхъ свидѣтелей предсмергныхъ дней бывшаго Королевства Польскаго, а исторія еще не выяснила во всей ихъ полнотѣ минувшія событія, весьма часто высказываются мнѣнія, что раздѣлъ Польши былъ явленіемъ насильственнымъ, что это было политическое убійство, величайшее беззаконіе и т. д. Французскіе и польскіе публицисты проповѣдуя такія рѣчи, забываютъ что если бы Королевство Польское представляло въ себѣ данныя къ самостоятельной государственной жизни, то, по всей вѣроятности, оно и доселѣ было самосостоятельно и никому бы не приходило на мысль разнимать его на составныя части, какъ никому неприходитъ на мысль совершать ампутацію совершенно здоровому члену. Въ томъ то и дѣло, что всѣ основы государственной жизни были издавна подорваны въ Королевствѣ Польскомъ, гдѣ господствовала постоянная анархія, слѣдствіе междоусобицы и ничѣмъ неограниченнаго произвола дворянства, угнетенія крестьянъ, преслѣдованія диссидентовъ и поразительной слабости королевской власти, ибо король значилъ менѣе многихъ вельможъ. Такой порядокъ дѣлъ, очевидно, могъ вызвать, и дѣствительно вызвалъ, съ самой массѣ населенія, желаніе спокойствія, что возможно было достигнуть только соединеніемъ бывшихъ частей Польши съ сосѣдними государствами, — соединеніемъ, которое, какъ показали послѣдствія, болѣе всего способствовало успокоенію края и развитію его внутреннихъ силъ. *Раздѣлъ Польши, хотя и обозначилъ паденіе ея государственной жизни, тѣмъ не менѣе былъ*

прогрессомъ, по отношенію къ внутреннему быту ея обитателей, и лучше того, какъ оно кончило, Королевство Польское не могло кончить. Было очевидно, еще задолго до раздѣла, что оно не можетъ существовать какъ государство. Изъ актовъ, хранящихся въ архивѣ военно-топографическаго депо, можно видѣть, что Турція еще ранѣе другихъ государствъ помышляла раздѣлить Польшу, имѣя въ виду присоединить къ себѣ Украйну, Волынь и Подолію; по не толькр государства, а и частныя лица составляли самыя смѣлыя предположенія на счетъ судебъ Польши и не шутя брались приводить ихъ въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, знаменитый графъ Морицъ Саксонскій, побочный сынъ польскаго короля Августа II, замѣчательный полководецъ и отличный военный писатель, думалъ просто-на-просто завоевать Польшу, въ цѣломъ ея составѣ, и въ своемъ сочинененіи: „Мои думы“ (Mes reveries) посвятилъ особую главу для доказательства возможности не только завоевать, съ 48,000 войска, все королевство, но и утвердиться въ немъ полнымъ властелиномъ. Конечно, этотъ планъ, при вмѣшательствѣ сосѣднихъ государствъ, не могъ бы быть приведенъ въ исполненіе, по крайней мѣрѣ, безъ сдѣлки съ сосѣдями, тѣмъ не менѣе онъ пріобрѣтаетъ въ настоящее время особый интересъ, какъ выраженіе того состоянія, въ которомъ находилась тогдашняя Польша, какъ найлучшее засвидѣтельствованіе современника. Если графъ Морицъ Саксонскій и ошибался, говоря о силахъ Россіи и Турціи, которыя онъ зналъ мало, то Польшу онъ зналъ коротко, проведя въ ней свою молодость, командуя въ ней частями саксонскихъ войскъ и имѣя близкое ему лицо на престолѣ польскомъ. Наконецъ, свидѣтельство его вполнѣ авторитетно: хотя молодость графа и была весьма бурною, а пламенное воображеніе, подвигая его на дѣятельность самую разонообразную, и давало ему нѣкоторый видъ авантюриста, но впослѣдствіи онъ, тѣмъ не менѣе, явился весьма серьезнымъ человѣкомъ и замѣчательнымъ полководцемъ, въ званіи маршала Франціи. Записки свои онъ писалъ передъ своею кончиною и высказалъ въ нихъ окончательный результатъ своей долгой и славной дѣятельности. Чтобы читатели сами могли судить, до какой степени не утратили еще свѣжести замѣтки графа Морица Саксонскаго о Польшѣ и нашихъ знакомцахъ полякахъ, и что такое была Польша еще задолго до раздѣла,

мы приводимъ здѣсь почти цѣликомъ его описаніе и проектъ завоеванія Польши небольшимъ числомъ войскъ.

„Польша страна обширная, равнинная, безъ укрепленныхъ городовъ; она весьма населена, богата хлѣбомъ, скотомъ и вообще всѣмъ необходимымъ для жизни. Въ ней много лѣсовъ, большихъ судоходныхъ рѣкъ и денегъ. Климатъ здоровый, господствующихъ болѣзней, какъ въ другихъ странахъ, нѣтъ, и мѣстные жители и иностранцы чувствуютъ себя одинаково хорошо. По истинѣ, эта страна создана для войны. Бродяжный способъ жизни, который ведутъ поляки, имѣетъ слѣдствіемъ, что непріятель, бросившись преслѣдовать ихъ, вскорѣ видитъ себя въ невозможности совершать, какъ они, безконечные переходы; отъ этого преслѣдовать ихъ вовсе не нужно, а нужно занять главнѣйше пункты на рѣкахъ, укрѣпить ихъ, расположить войска въ баракахъ и собирать повсемѣстно контрибуціи.

Силы воей республики недостаточны, чтобы взять хорошо палисадированный редутъ. Нѣтъ предметовъ первой необходимости для веденія даже маленькой осады — ни артиллеріи, ни снарядовъ, и правительство таково, что, пока оно будетъ существовать не будетъ въ состояніи пріобрѣсти ихъ. Люди знающіе не станутъ и оспаривать этого факта; да если бы поляки и пріобрѣли эти столь необходимые для войны предметы, они бы ихъ недолго сохраняли.

Противники Польшя всегда полагали, что должны противопоставлять ей, какъ странѣ равнинной, всѣ силы которой состоятъ изъ кавалеріи — тоже кавалерію. Это ставило ихъ въ необходимость безпрестанно переходить съ мѣста на мѣсто для продовольствія войскъ, часто раздѣлялъ свои силы и посылать значительныя партіи на фуражировки. Будучи весьма подвижна, польская кавалерія бросается на отдѣльныя части и хотя не вступаетъ съ и ими въ бой, но, угрожая съ разныхъ сторонъ, чрезвычайно утомляетъ ихъ и, наконецъ, разстраиваетъ. Чтобы дать понятіе объ этихъ стычкахъ, я приведу двѣ изъ нихъ, бывшія въ прошедшую войну между саксонскими войсками и польскими конфедератами.

Въ 1716 году, въ одной изъ частей Польши произошло возстаніе, съ цѣлью изгнанія саксонскихъ войскъ. Возстаніе вспыхнуло внезапно, когда мы были разбросаны по различнымъ провинціямъ. Коронная армія или войска республики, въ числѣ 20,000

человѣкъ, бросились на одинъ изъ саксонскихъ кавалерійскихъ полковъ и окружила его въ деревнѣ: полкъ сдался на капитуляцію, ни мало не защищаясь, и черезъ нѣсколько часовъ былъ прехладнокровно изрубленъ на куски. Затѣмъ конфедераты двинулись противъ двухъ драгунскихъ полковъ, шедшихъ уже на соединеніе съ другими саксонскими войсками. Зная изъ опыта, что не слѣдуетъ сдаваться, полки эти стали защищаться; разбили конфедератовъ на голову и взяли у нихъ 20 паръ литавръ, шландартовъ и знаменъ. Это было между Краковомъ и Сендомиромъ, при дер. Торносъ; драгунами командовалъ Клингенбергъ.

Въ это время я двигался изъ Ярослава въ Литву, для содѣйствія къ прекращенію начинавшагося тамъ возстанія. Чтобы собрать недоимки, я оставилъ въ Ярославѣ небольшой отрядъ изъ 80 человѣкъ. Конфедераты окружили ихъ, три раза ходили въ атаку и были отбиты. По прошествіи 15 дней, офицеръ, командовавшій отрядомъ, Гакманъ, не имѣя продовольствія, повелъ рѣчь о здачѣ города и, послѣ долгихъ переговоровъ, ему дозволили отступить со всѣми военными почестями и увезти 40,000 экю, — вещь весьма заманчивую для поляковъ. Изъ города его выпустили, но черезъ два дня отрядили вслѣдъ за нимъ 800 всадниковъ, которые скоро его и нагнали; отражая ихъ атаки въ теченіе 6 дней, Гакманъ продолжалъ свой путь и, наконецъ, догналъ меня около Варшавы, въ 100 лье отъ Ярослава; онъ имѣлъ при себѣ 40,000 экю, 68 человѣкъ, да двѣ пары литавръ, отбитыя дорогою у поляковъ; не будучи ни разу разбитъ, онъ потерялъ всего 16 человѣкъ: это вполнѣ достовѣрно, хотя, и кажется баснословнымъ. Я бы могъ назвать еще нѣсколько дѣлъ, но и этихъ довольно, чтобы дать понятіе о полякахъ и ихъ способѣ веденія войны (1).

---

(1) Къ этимъ случаямъ мы можемъ прибавить еще одинъ, бывшій съ самимъ Морицомъ Саксонскимъ. Въ 1714 году, по возвращеніи Карла XII изъ Турціи, полкъ графа получилъ приказаніе слѣдовать въ Померанію. Графъ поспѣшилъ въ полкъ и, по врожденному нетерпѣнію, не выждалъ прикрытія, необходимаго въ то время каждому путешествовавшему въ Польшѣ, раздираемой духомъ партій. Результатомъ такой неосторожности вышло то, что поляки въ числѣ 800 человѣкъ, напали на него въ Крахницѣ, близъ Сендомира, и окружили гостинницу, въ которой онъ остановился. Съ 5-ью офицерами и 12 служителями графъ Морицъ Саксонскій отбилъ нападеніе поляковъ съ большимъ для нихъ урономъ и счастливо ушелъ, не потерявъ ни одного человѣка. В. Э. Л. Т. IX.

Поляки такъ подвижны, что часто дѣлаютъ съ большимъ числомъ войскъ по 30 и 40 лье въ день и производятъ нападенія совершенно внезапно: они могутъ застигнуть врасплохъ, и не надо забывать, что не всѣ дѣла кончаются счастливо; поэтому раздѣленіе силъ и постоянные форсированные переходы съ ними ни къ чему хорошему не поведутъ. Бѣгать надо предоставить имъ, а самимъ обратить вниманіе на занятіе выгодныхъ пунктовъ и затѣмъ собирать небольшими отрядами пѣхоты контрибуціи съ окрестныхъ мѣстъ; искать эти отряды въ странѣ, гдѣ, много лѣсовъ, значило бы искать иголку въ стогѣ сѣна, и если они не будутъ заходить днемъ въ деревни, чтобы пьянствовать, они будутъ совершать свои экспедиціи совершенно незамѣченными. Такой способъ веденія войны будетъ новъ для поляковъ и они скоро исчезнутъ съ тѣхъ мѣтностей, среди которыхъ мы займемъ посты, такъ какъ они ужасно боятся пѣхоты. Опасаясь быть захваченными ею врасплохъ, они не осмѣлятся держаться въ деревняхъ; отъ кавалеріи они этого отнюдь не ожидаютъ — она и тяжела, да и невозможно, чтобы они не знали о выходѣ въ полѣ кавалерійскаго отряда черезъ ксендзовъ и шляхту, бросающихся со всѣхъ ногъ предупредить ихъ объ этомъ и присоединиться къ нимъ.

Пунктъ, который слѣдуетъ занять прежде всего — *Вердеръ*, около Маріенбурга. Черезъ это овладѣваемъ польскою Пруссіей, страною богатою, изобильною и населенною; Данцигъ, Эльбингъ, Маріенбургъ и Кенигсбергъ останутся въ тылу: во всѣхъ этихъ мѣстахъ развита промышленность и торговля и какъ въ нихъ живетъ много нѣмцевъ, всегда, можно навербовать хорошихъ рекрутовъ, въ портахъ же кенигсбергскомъ и данцигскомъ, куда приходитъ множество кораблей изъ разныхъ странъ Европы, кромѣ того, можно достать офицеровъ и снаряды всѣхъ родовъ; ихъ нѣтъ въ Польшѣ и черезъ это отнимается возможность пріобрѣтать ихъ. Вердеръ, находясь на островкѣ очень хорошій и удобный пунктъ. Здѣсь рѣка широка и построенный фортъ будетъ достигаемъ только по узкой полосѣ земли въ два лье длины. Тотъ много потеряетъ людей и усилій, кто рѣшится вести по ней атаку. Небольшіе форты одинъ на правомъ, другой на лѣвомъ берегу Вислы сдѣлаютъ обложеніе этого пункта невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что при этомъ полякамъ пришлось бы навести, для взаимнаго сообщенія, три большихъ

моста, что не только для поляковъ, но и для всякой другой націи вещь нелегкая.

Эти форты будутъ построены скоро—Польша первая страна въ мірѣ для быстраго возведенія фортификаціонныхъ построекъ. Земля рыхла, въ соснахъ нѣтъ недостатка, а это отличный готовый палисадъ, стоитъ только ихъ срубить и укрепить. Имѣя футъ и болѣе въ діаметрѣ, они рубятся не легко. Одинаково же скоро можно построить казармы, выводя деревянныя стѣны: такія строенія полезны для здоровья, зимою теплы и почти ничего не требуютъ для своего устройства, такъ что можно выстроить казармы, магазины, и т. п., въ самое короткое время и безъ издержекъ; нужны только топоры, а солдаты, особенно если будутъ руководимы офицерами, весьма пригодны для такихъ построекъ.»

Затѣмъ графъ Морицъ Саксонскій полагаетъ занять слѣдующіе пункты: Грауденецъ—1 т., пунктъ при сліяніи Вислы съ Бугомъ—1 т., Яновицъ—1 т., при сліяніи Сана съ Вислой—5 т., островокъ близъ Солецъ—1 т., Краковъ—5 т., Замостье—1 т., Леопольдъ—5 т., Бресть-Литовскъ—1 т., Пинскъ—5 т., Жидевиловъ — 1 т., Долгиновъ на Виліи—1 т., Ковно — 5 т., и въ старой Польшѣ Познань—6 т. человѣкъ. При этомъ онъ очерчиваетъ самымъ краткимъ образомъ положеніе каждаго пункта, отдавая особое предпочтеніе—важности и неприступности пункту при сліяніи Буга съ Вислой (нынѣ кр. Новогеоргіевскъ), Брестъ-Литовскому и Ковно. Большая часть пунктовъ избрана такъ, что расположенные въ нихъ отряды не могутъ быть окружены или блокированы. Все будетъ такъ хорошо занято, продолжаетъ графъ Морицъ Саксонскій, что поляки будутъ вынуждены преспокойно принять законы, тогда какъ всѣ пересчитанныя нами войска не превышаютъ 48 т. пѣхоты и 3 т. кавалеріи (1).

«Покореніе всей Польши будетъ дѣломъ двухъ лѣтъ (двухъ кампаній) и не станетъ мнѣ ни одной копѣйки; напротивъ, я еще пріобрѣту, посредствомъ контрибуцій, большія суммы, отнюдь не разоряя страны; съ каждаго очага я возьму по безделицѣ. Высчитано, что если бы, въ Польшѣ съ выпитой бочки пива платили всего по 15-ти французскихъ солей (sols),

(1) Все число пересчитанныхъ войскъ—47 т.; въ какомъ же числѣ и въ какихъ пунктахъ предположено размѣстить кавалерію—не сказано.

то было бы на что содержать 350,000 войска; изъ этого уже можно судить о величинѣ этого кролевства и о числѣ его обитателей.

Я убѣжденъ, что это завоеваніе можно совершить, не давъ ни одного сраженія. При этомъ войска, незанятыя постоянными маршами, могли бы быть употреблены для усиленія укрѣпленій, и, при повсемѣстномъ изобиліи лѣса, ничто не помѣшало бы мнѣ возвести такія постройки, которыя были бы сильнѣе многихъ извѣстныхъ крѣпостей. Какъ только я займу поименованные пункты, чему я вовсе не предвижу препятствій, мнѣ уже нечего обращать вниманія на союзниковъ Польши, или на тѣхъ, кто захочетъ помочь ей. При помощи рѣкъ, я всегда буду имѣть возможность снабжать всѣмъ необходимымъ занятые пункты, и непріятель не осмѣлится вторгнуться въ страну, оставя ихъ позади себя, и еслибъ сдѣлалъ это, то нашелъ бы себя въ невыгодномъ положеніи: откуда бы онъ добывалъ предметы необходимые для войны и даже для жизни? Не во внутренности ли страны? Но онъ скоро бы былъ лишенъ всего и вынужденъ сняться съ мѣста. Что же ему оставалось дѣлать? Ужь не вести ли правильныя осады противъ пунктовъ, укрѣпленнныхъ природою и искусствомъ? (1).

Наконецъ, оказать противодѣйствіе могутъ не татары и не турки; для этого нужны всѣ силы и богатства Франціи, Англіи и Голландіи. Турки хотя и самые богатые сосѣди поляковъ, но бояться ихъ должно еще менѣе, нежели русскихъ. Я сказалъ, что для покоренія Польши нужно всего 48 т. человѣкъ; никто, однако, не помѣшаетъ мнѣ, по занятіи страны, имѣть ихъ 100 т. Развѣ ихъ не дастъ страна, или она не будетъ въ состояніи содержать ихъ? Или опасаются возможности на-

---

(1) Очевидно, что графъ Морицъ Саксонскій совершенно не расчитывалъ на вмѣшательство сосѣднихъ государствъ, иначе бы онъ не говорилъ такимъ образомъ. Самъ полководецъ, онъ не могъ не знать, что нѣтъ крѣпостей, которыхъ нельзя взять, но есть множество крѣпостей, которыя можно обойдти, и проектированныя имъ принадлежали всѣ къ послѣднему разряду: чтобы не опасатся ихъ противнику стоило только оставить противу нѣкоторыхъ изъ нихъ небольшіе наблюдательные отряды, въ томъ конечно случаѣ, еслибъ онъ не захотѣлъ тратить время, чтобы брать ихъ силою. Впрочемъ нужно помнить, что въ 1740 годахъ положеніе всѣхъ сосѣдей Польши было таково, что гораздо скорѣе можно было ожидать сдѣлки при исполненіи разсматриваемаго плана, нежели вмѣшательства и противодѣйствія вооруженною силою.

бора? или скажутъ: вѣдь набранные будутъ поляки? Правда, но человѣкъ всегда человѣкъ, и нужна только дисциплина и умѣніе руководить людьми. Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что римскіе легіоны были составлены исключительно изъ уроженцевъ Рима: въ нихъ входили люди всѣхъ націй и если всѣ они были хороши, особенно если были предводимы талантливыми вождями, то только потому, что дисциплина и обученіе войскъ были одинаковы и хорющи, и однообразны.

Набирать въ Польшѣ рекрутъ можно также легко, какъ и контрибуціи; стоитъ только взять по одному человѣку съ прихода, или деревни; конечно, нужно будетъ наложить на лица этихъ рекрутъ клейма, съ обозначеніемъ тѣхъ частей войскъ, къ которымъ ихъ причислятъ, чтобы воспрепятствовать побѣгамъ: ни въ своихъ деревняхъ, ни въ другихъ мѣстахъ они не будутъ въ безопасности; можно сократить имъ срокъ службы, но уже скоро соблюдать данное слово.

Съ поляками не должно входить въ военное время ни въ какіе переговоры, потому что они только и ищутъ какъ бы васъ обмануть: затянуть время и освободить свои земли отъ контрибуцій. Истинный секретъ покорить поляковъ — это не слушать ихъ; равно не слѣдуетъ соглашаться присоединять къ себѣ ихъ войска, которыя только и пригодны, чтобы затруднять васъ и производить безпорядки на квартирахъ. Являясь толпами съ предложеніями услугъ, они тотчасъ же уходятъ, какъ только не получаютъ выгодъ отъ своихъ предложеній, и остается только одно неудовольствіе, что вы доставили имъ средства ограбить ихъ собственную страну, къ чему они вовсе не чувствуютъ отвращенія. Случается, что имѣя при себѣ, даешь только разбить себя, потому что они бѣгутъ при первой возможности, оставляя незанятые промежутки, разстраивающіе ваши войска. Мы видѣли больше чѣмъ множество такихъ примѣровъ. Что касается до артиллеріи, то ее можно пріобрѣсти въ Швеціи дешево, въ большомъ количествѣ и хорошаго достоинства, по морю доставить на Вислу и снабдить различные форты.

По окончательномъ устройствѣ занятыхъ пунктовъ, легко привести поляковъ къ благоразумію, воспрепятствовать имъ сообщаться между собою. Не прибывшимъ домой къ назначенному времени, можно угрожать конфискаціей ихъ земель;

всѣ другія мѣры также удадутся. Гарнизоны будутъ содѣйствовать съ своей стороны и цѣль легко будетъ достигнута. Тогда уже можно будетъ поговорить о соглашеніи; дать имъ законы и принудить исполнять ихъ.

Вотъ какъ съ малымъ числомъ войскъ и денегъ я нашелъ бы себя достаточно сильнымъ, чтобы подчинить себѣ поляковъ самое большое въ два года. Весьма можетъ случиться такое обстоятельство, которое и дозволитъ приступить къ исполненію этого плана.»

Закончивъ выписки изъ сочиненія графа Морица Саксонскаго, мы прибавимъ, съ своей стороны, что, не смотря на очевидное безсиліе Польши, мы не можемъ допустить, вмѣстѣ съ графомъ Морицомъ, возможности завоеванія ея частнымъ человѣкомъ, но единственно вслѣдствіе вмѣшательства сосѣднихъ державъ, которыя скорѣе и съ большимъ на то правомъ предоставили бы такое дѣйствіе себѣ.

Польша еще существовала какъ государство, но уже всѣ говорили и видѣли, что она не можетъ существовать. Сочиненіе графа Морица Саксонскаго, сразу получившее громкую извѣстность, вышло еще задолго до раздѣла Польши (1756 г.) и читалось всѣми военными людьми Европы; но истина была до того вѣрна и для всѣхъ очевидна, что она не поразила никого. Войны семилѣтняя и турецкая воспрепятствовали сосѣдямъ завоевать Польшу, а 20 лѣтъ спустя, она уже до того обезсилѣла, что ее уже не зачѣмъ было завоевать, а можно было прямо дѣлить. Поэтому то и можно сказать, что Польша была бы завоевана, еслибъ не была раздѣлена. *В. Комаровъ.*

(Еж. пр. къ Р. И. N. 41.)

1-е МАЯ 1863 И 17-е АПРѢЛЯ 1865 ГОДА.

Оба эти дня будутъ записаны въ исторію: въ первый изъ нихъ генералъ отъ инфантеріи (нынѣ Графъ) Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ Высочайшимъ указомъ былъ опредѣленъ въ должность начальника сѣверо-западнаго края Россіи, въ послѣдній—былъ уволенъ отъ этой должности, согласно неоднократной просьбѣ и въ слѣдствіе совершеннаго разстройства здоровья, происшедшаго отъ непрерывныхъ и усиленныхъ занятій. Зная энергію и патріотизмъ графа Муравьева, русскіе люди невыразимо были обрадованы этимъ назначеніемъ, и радость ихъ не была напрасна и преждевременна; результаты дѣятельности графа Муравьева превзошли самыя широкія надежды русскихъ патріотовъ: событія доказали, что умомъ Царя русскаго руководилъ умъ Божій, что онъ указалъ своему Помазаннику человѣка „потребнаго" для православной Россіи, что лучшаго выбора сдѣлать было не возможно.

Здѣсь мы должны бы сдѣлать очеркъ дѣятельности графа Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи; для „Вѣстника" западной Россіи эта обязанность даже священнѣй и неотложнѣе, чѣмъ для всякаго другаго общерусскаго органа; но мы не такъ смѣлы, чтобъ отважиться на это великое предпріятіе и не такъ не логичны, чтобы повторять варіанты на эту тему счастливѣйшихъ собратій „Вѣстника," имѣющихъ больше возможности слѣдить и ловить интересъ текущаго дня. Но, съ другой стороны, и полное молчаніе наше о громкиихъ заслугахъ историческаго нашего дѣятеля, было бы равносильно преступленію. Далѣе, подвиги графа Мураеьева совершались предъ нами; мы объ нихъ не слыхали, не читали только: мы ихъ видѣли, чувствовали, осязали; мы имѣли даже счастіе принимать въ нихъ свою долю посильнаго участія,—вотъ что даетъ намъ право сказать хоть кое что о томъ

отрадномъ метаморфозѣ, который совершился съ западною Россіей, подъ вліяніемъ на нее ума и воли графа Муравьева. Быть можетъ, мы будемъ такъ счастливы, что пополнимъ даже кое какіе пробѣлы тѣхъ собратій нашихъ, которые имѣли счастіе говорить о его заслугахъ прежде насъ, но которые не имѣютъ счастія знать эти заслуги лучше насъ.

Нужно видѣть, знать сѣверо-западную Россію 1863 и 1865 гг., чтобъ изумиться громадности того превращенія, какое испыталъ этотъ край въ теченіи двухъ только лѣтъ. Смѣло можно сказать, что этотъ край пережилъ въ эти два года болѣе трехъ вѣковъ, что въ 1865 году онъ едва—едва не явился, въ отношеніи политическомъ, такимъ, какимъ былъ до 16 вѣка. Назадъ тому два—три года сѣверо-западный край Россіи былъ русскимъ, только по названію. Земля, интеллигенція, языкъ, администрація—все было польское, или ополячившееся. Русскій народъ былъ обезличенъ, обезгласенъ, замученъ, ограбленъ; онъ былъ вещь, а не лице. Православное духовенство, за весьма небольшими исключеніями, раздѣляло съ народомъ его недолю, его униженіе и бѣдность. Оно представлялось такимъ мизернымъ, пригнутымъ, ошеломленнымъ въ сопоставленіи съ ксендзовствомъ,—такимъ велико-свѣтскимъ, ловкимъ, дрессированнымъ, богатымъ, великолѣпнымъ! Русскій человѣкъ долженъ былъ или корчить пана, болтать по польски, креститься въ костелѣ лапой, порой затянуть революціонный мотивецъ, или изолироваться, терпѣть разнообразныя, повсюдныя, внушаемыя разными катехизисами и іезуитскими инструкціями, оскорбленія, прижимки, насилія, или бѣжать въ глубь Россіи. Самыя сильныя натуры предавались бѣгству съ поля этой неравной борьбы, самые лучшіе люди русскіе сбивались съ такта, тянули фальшивыя ноты. Племя израильское, явно или тайно, аккомпанировало милостивымъ ясневельможнымъ, съ которыми сроднили ихъ вѣка,

общность интересовъ, общность участи и пороковъ разсѣянныхъ народовъ, общность зависти и ненависти къ преобладающей силѣ, общность торговли правосудіемъ, трудомъ холопа и всевозможныхъ спекуляцій. Правда, край управлялся русскимъ закономъ, но исповѣдники „польскаго катехизиса" умѣли придавать ему такую гибкость, эластичность, въ слѣдствіе которыхъ, въ тяжбѣ русскаго съ паномъ или жидомъ, вѣсы Ѳемиды всегда склонялись на сторону послѣднихъ, и никогда почти на сторону перваго. Эпизодическіе аргументы, на которыхъ опирается несомнѣнность всего вышесказаннаго— въ буквальномъ смыслѣ безчисленны и неописанны.

Когда, по мнѣнію ксендзовъ и шляхты, польскій элементъ въ краѣ окрѣпъ на столько, что могъ проявить себя во внѣшней силѣ; когда фанатизмъ и умоизступленіе объяли всѣхъ отъ пана до пролетарія, отъ ксендза до женщины,— открылась извѣстная всѣмъ, небывалая въ мірѣ катастрофа буйствъ и душегубствъ. Лучшіе люди, граждане и христіане были приговорены къ смерти самозванымъ ржондомъ. Герои лѣсовъ конкуррировали въ звѣрствѣ съ знаменитѣйшими изъ бандитовъ Испаніи,— Италіи (обѣ латинскаго закона). Петля и кинжалъ не щадили старца и младенца, священника и беременной женщины, плѣннаго воина и невиннаго крестьянина...

Въ эту то грустную эпоху явился, въ самомъ центрѣ буйства, человѣкъ истинно-русскій, человѣкъ великаго ума и непреклонной воли,—человѣкъ, проникнутый безграничною любовію къ Россіи и православію. Одно появленіе его въ Вильнѣ ободрило русскихъ, угнало крамольниковъ въ глубь лѣсныхъ чащъ и островов болотныхъ. Но русская пуля и штыкъ нашли и въ этихъ трущобахъ пановъ уцѣкинеровъ... Число ихъ съ каждымъ днемъ сокращалось; преступники получали, сообразную винѣ своей, законную кару; терроръ обузданъ рядомъ геніальныхъ мѣръ,—крамола уничтожена...

Но тутъ, можно сказать, подвиги графа Муравьева только начинаются. Побѣдитель явился достойнымъ героя администраторомъ. Раны, причиненныя крамолой, быстро врачуются, русскій въ краѣ элементъ крѣпнетъ, польскій блѣднѣетъ, православіе дѣлается религіею господствующею на дѣлѣ; ксендзы и шляхта въ одинъ голосъ завопили: do nóg padam! Мѣры, предпринятыя графомъ Муравьевымъ для полученія этихъ блистательныхъ результатовъ,—единственны. Всякая изъ нихъ попада въ самый чуткій нервъ, въ самую главную пружину ксендзо-шляхетской затѣи; всѣ онѣ обличаютъ безошибочный тактъ, великій умъ, ничѣмъ и никѣмъ непоколебимую энергію въ примѣненіи мысли къ дѣлу. Будучи увѣренъ, что всякая революція прежде всего и больше всего поддерживается матеріальными средствами,—графъ Муравьевъ конфискуетъ, секвеструетъ имѣнія политическихъ преступниковъ, облагаетъ контрибуціей имѣнія всѣхъ пановъ, такъ какъ всѣ они, болѣе или менѣе, такъ или иначе, принимали участіе въ недавней крамолѣ. Такимъ образомъ деньги, которыя доставили бы богатое подспорье революціи, и которыя выжаты когда-то паномъ изъ русскаго человѣка, награблены на русской службѣ, добыты путемъ жидовскихъ аферъ, панскихъ монополій и привиллегій, возвратились къ своимъ источникамъ и въ тоже время дали средства къ смиренію крамолы, къ пораженію врага его собственнымъ оружіемъ, къ улучшенію быта духовенства, русскихъ чиновниковъ, народа, къ поднятію православія, словомъ: къ превращенію края ополяченнаго въ прежній русскій. Зная, что главными агитаторами недавней катастрофы было латинское духовенство, графъ Муравьевъ зорко прослѣдилъ поведеніе каждаго изъ нихъ, безошибочно отдѣлилъ достойныхъ служителей Христовыхъ отъ интригантовъ политическихъ, упразднилъ излишніе и преступные кляшторы и другія учрежденія, служившія притонами революціи и тѣмъ положилъ бла-

годѣтельную инициативу закрытію монастырей латинскихъ въ Царствѣ-Польскомъ. Зная, что народъ русскій не можетъ быть вполнѣ русскимъ, не можетъ, по неволѣ, не способствовать пользамъ пана, пока находится въ какой либо отъ него зависимости,— графъ Муравьевъ ускорилъ обязательный выкупъ крестьянской земли и тѣмъ окончательно разсѣкъ тотъ гордіевъ узелъ, который, въ теченіи столькихъ вѣковъ, такъ сильно, сжималъ душу и тѣло русскаго человѣка. Зная, что враждебная Россіи и православію пропаганда всего болѣе хлопотала объ униженіи православнаго духовенства, обнищаніи и истребленіи церквей, умноженіи мѣтокъ польскости края,—графъ Муравьевъ не щадилъ средствъ къ устройству, украшенію и возстановленію изъ давно забытыхъ, поруганныхъ развалинъ храмовъ православныхъ, къ поднятію значенія, къ извлеченію изъ бѣдности и униженія русскаго чиновника, православнаго духовенства всей западной Россіи, къ изгнанію изъ литературы, изъ шлокъ, театра, присутственныхъ и публилныхъ мѣстъ, общественныхъ собраній польской рѣчи, и въ такой же мѣрѣ къ усиленію, распространенію и поднятію русскаго языка, русскаго говора въ учебныхъ заведеніяхъ, въ быту житейскотъ и общественномъ. Зная, что обрусѣніе западной Россіи всего болѣе тормозилось польскими чиновниками, волостными писарями, учителями въ сельскихъ школахъ, переобладаніемъ польскаго или ополячившагося населенія,— графъ Муравьевъ, по возможности, очистилъ присутственныя мѣста отъ служителей польскому дѣлу, поголовно изгналъ ихъ изъ болѣе опасныхъ постовъ общественнаго служенія, изъ сельской управы, изъ школъ, морально и матеріально содѣйствовалъ умственному и нравственно-религіозному развитію народа, заселилъ цѣлыя колоніи людьми русскими, вызвалъ изъ центральной Россіи тысячи разнородныхъ дѣятелей, способствующихъ, по мѣрѣ своихъ силъ, возве-

денію прочнаго русскаго зданія на развалинахъ польскаго столпотворенія.

Но не въ этомъ летучемъ очеркѣ обрисовать историческіе подвиги графа Муравьева,— громадность услугъ, оказанныхъ имъ нашей вѣрѣ и отечеству!...

И нашлись же, не только заграницей, но и у насъ—дома, люди, которые осмѣлились порицать или не одобрять мѣръ, предпринятыхъ графомъ Муравьевымъ къ подавленію мятежа и возрожденію западной Россіи!... Чувства, водившія, при оцѣнкѣ его дѣятельности, перомъ западниковъ, для насъ понятны и извѣстны безъ названія. Но равнодушіе къ подвигамъ умиротворителя и преобразователя западной Россіи людей, которые называются русскими, а особенно порицаніе мѣръ, употребленныхъ имъ для достиженія столь блистательныхъ результатовъ,—для насъ рѣшительно непостижимы. Если умъ и сердце этихъ людей не парализовано космополитизмомъ, апатіей ко всему, что составляетъ жизнь и счастіе Россіи, то своеобразною измѣной. Иначе мы не можемъ объяснить сомнительныхъ или враждебныхъ отношеній этихъ людей къ той русской силѣ, тому русскому Генію, той неодолимой энергіи и безпримѣрной работѣ русскаго человѣка, которыя усвоили графу Муравьеву имя русскаго „архистратига;“ растоптали гидру крамолы, вдохнули дыханіе новой-русской жизни въ страну полуживую, истерзанную, изкалѣченную вѣковыми насиліями враждебной Россіи и православію силы...

Но намъ не хотѣлось бы вѣрить, чтобы приговоры этихъ псевдорусскихъ исходили изъ сердца: намъ бы хотѣлось думать, что онѣ порожденіе заблуждающагося ума, или напускнаго чувства. Мы думаемъ, что эти люди не имѣютъ отчетистаго понятія о дѣлѣ, въ которомъ хотятъ быть судьями, что они судьи—не компетентные, не призванные, слѣпые. Мы думаемъ, что они видятъ одни только средства, не обращая вниманія на вызвавшую ихъ

необходимость, на получаемые ими результаты, на исключительное соотвѣтствіе ихъ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ можно было достигнуть только такъ, а не иначе. Мы думаемъ, что эти зрители слишкомъ издали смотрѣли на сцену дѣйствія, что ихъ бинокли были слишкомъ слабы для того, чтобъ оцѣнить какъ слѣдуетъ выполненіе роли героемъ пьэсы, что они одинокіе шикали тому, что вызывало изъ среды людей истинно русскихъ, зрячихъ единодушные, громогласные апплодисмены. А весьма быть-можетъ и то, что эти люди судили о незабвенныхъ для Россіи подвигахъ графа Муравьева съ языка знакомыхъ намъ przyjacieli, взвѣшивали ихъ по комментаріямъ западныхъ друзей нашихъ, по шипѣнію придавленной, не могущей насъ жалить, змѣи польской. Все это быть можетъ, особенно, если допустить то предположеніе, что возвратныя лихорадки бываютъ и политическія, что прижатые на мѣстѣ преступленія jegomości метнулись въ сторону, затянули гдѣ слѣдуетъ, гдѣ внимали и вѣрили ихъ воплямъ, хоровыя іеремiады, что содержаніе этихъ іеремiадъ принято на вѣру, безъ критическаго отношенія къ его нелѣпости, къ вызвавшимъ іеремiаду обстоятельствамъ. При томъ же эти jegomości такъ милы, ловки, эластичны, въ такихъ безукоризненныхъ перчаткахъ, съ такимъ парижскимъ прононсомъ,— смотрятъ такими агнцами, такъ искусно исполняютъ внушенную разными катехизисами, затверженную вѣками миссію, что не повѣрить имъ былобъ и неделикатно и жестоко. Все это можетъ быть.

За то люди истинно русскіе всегда цѣнили по достоинству рѣдкія заслуги графа Муравьева. Послѣ Минина и Пожарскаго, которыхъ совмѣстилъ онъ въ одной своей особѣ, никто не пользовался большею чѣмъ онъ любовью, популярностію. Не было ни одного знаменательнаго дня и событія въ жизни графа Муравьева, въ который онъ не встрѣтилъ бы сочувствія, привѣта, признательности,

летѣвшихъ къ нему со всѣхъ концевъ Россіи, — и чѣмъ ближе къ сердцу Россіи — Москвѣ, горячо прочувствовавшей недавнія скорби наши и радости, тѣмъ эти заявленія благоговѣйныхъ къ смирителю крамолы и обновителю западной Россіи чувствъ являлись чаще, задушевнѣе, торжественнѣе. Во имя Архистратига Михаила много воздвигнуто храмовъ, къ графу Муравьеву представлялись депутаціи отъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ Россіи, онъ получилъ не мало самыхъ священныхъ и драгоцѣнныхъ залоговъ той внутренной связи, какая установилась между нимъ и признательною душею русскихъ, къ нему сыпались отовсюду значительныя пожертвованія на поднятіе въ управляемой имъ области русской вѣры и народности, объ немъ возсылались къ небу облагодѣтельствованнымъ имъ духовенствомъ и народомъ самыя теплыя мольбы не только въ созданныхъ, обновленныхъ, украшенныхъ имъ храмахъ, но и повсюду, гдѣ любятъ Россію и православіе. Мы вѣримъ, что, если когда либо угодно будетъ Начальнику живота и смерти воззвать Умиротворителя западной Россіи въ міръ лучшій, Вильна украсится памятникомъ, достойнымъ Россіи, достойнымъ того, чью память увѣковѣчитъ онъ въ признательномъ потомствѣ.

Но, если „гласъ народа—гласъ Божій,“ то и с е р д ц е Ц а р е в о в ъ р у ц ѣ Б о ж і и. Оно чуждо тѣхъ мелкихъ движеній, увлеченій, которыя сквернятъ душу обыкновенныхъ смертныхъ... И русскій Царь ущедрилъ обильно своею милостію доблести и труды обновителя западной Россіи и тѣмъ поощрилъ самыя задушевныя симпатіи Своего народа (1) и освятилъ начала, на которыхъ зиждется цѣлость и счастіе единой Россіи и утвержденіе въ ней святаго православія.

Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ литературныхъ орга-

---

(1) Доселѣ графъ Муравьевъ получилъ около 200 привѣтствій съ Монаршею милостью.

нахъ русскихъ, которые прошли сомнительнымъ молчаніемъ и дѣятельность и уклоненіе отъ нея графа Муравьева; но во всякомъ случаѣ думаемъ, что это молчаніе не есть знакъ согласія... Тѣмъ хуже для подобныхъ органовъ и тѣмъ безразличнѣе для графа Муравьева!... Ихъ отзывы не прибавилибъ и одного листика къ томъ вѣнцу, которымъ украсила чело его рука признательнаго Монарха, приговоръ современниковъ, и который не увянетъ въ самомъ отдаленномъ потомствѣ. За то съ особымъ удовольствіемъ мы украсимъ и дополнимъ нашу картину воспроизведеніемъ на страницахъ „Вѣстника" отзыва о заслугахъ графа Муравьева того честнаго органа, который имѣетъ счастіе быть выраженіемъ симпатій и убѣжденій русскихъ патріотовъ, и котораго мотивы ни разу не были въ разладѣ съ истиной (1).

„Тѣ изъ иностранныхъ журналовъ, которые не перестаютъ еще служить органами враждебныхъ для Россіи видовъ,—какъ и слѣдовало ожидать,—рукоплещутъ увольненію графа М. Н. Муравьева отъ управленія сѣверо-западнымъ краемъ. „Муравьевъ," пишетъ извѣстный петербургскій корреспондентъ *Independance belge*, „Муравьевъ, этотъ свирѣпный проконсулъ Вильны *(le farouche „proconsul de Vilna)*, рѣшительно оставляетъ свою долж-

---

(1) Одна газета, довольно честно отзываясь о подвигахъ графа Муравьева и системѣ его управленія, въ тоже время предполагаетъ въ ней какіе то „недостатки." Недостатки эти — воображаемы; недостатка въ этой системѣ не было ровно ни одного. Недостатки эти не представлялись ли такими кому либо или по толкамъ jegomości, или отъ дальности перспективы? Такъ, когда движется на далекомъ разстояніи какое либо бѣлое животное, оно весьма часто кажется намъ чернымъ. Мы замѣтили въ графѣ Муравьевѣ одинъ только, но за то весьма важный для Россіи, недостатокъ,—это недостатокъ силъ физическихъ, разстроенныхъ безпримѣрными и не вѣроятными трудами, подъятыми на пользу Россіи и православія. И отъ чего голословно намекать на недостатки, не называя ихъ по имени! Укажите намъ эти недостатки, и мы смѣло поднимемъ вашу перчатку и докажемъ, что эти воображаемые недостатки едвали не составляли лучшихъ преимуществъ въ системѣ управленія графа Муравьева.

„ность, и давно бы пора...“ „Извѣстіе объ увольненіи Муравьева,“ пишутъ въ *Темпѣ*, „можетъ быть встрѣчено „европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ не иначе какъ „съ радостью; извѣстно, какую мрачную славу пріобрѣлъ „себѣ этотъ человѣкъ замѣчательнымъ содѣйствіемъ къ „подавленію недавняго польскаго возстанія.“ Радость партій, внутреннихъ и заграничныхъ, преданныхъ польской идеѣ, умаляется, какъ видно изъ ихъ заявленій, только тѣмъ, что М. Н. Муравьевъ не отставленъ отъ должности, а уволенъ, какъ сказано въ высочайшемъ рескриптѣ, „съ сожалѣніемъ,“ и что Государь Императоръ, признавая его заслуги предъ Престоломъ и Отечествомъ и желая увѣковѣчить память о нихъ, возвелъ его въ графское Россійской Имперіи достоинство. Впрочемъ; петербургскій корреспондентъ *Indépendance belge*, сообщая о замѣщеніи генерала Муравьева генераломъ фонъ-Кауфманомъ, лицомъ, по словамъ его, мало извѣстнымъ, утѣшаетъ свою партію и недоброжелательную къ Россіи иностранную публику предположеніемъ, будто бы самое это назначеніе доказываетъ, что русское правительство рѣшилось не давать болѣе главнымъ начальникамъ прежнихъ польскихъ областей того „страшнаго всемогущества,“ которымъ пользовался генералъ Муравьевъ. Какъ видно, назначеніе генерала фонъ Кауфмана въ сѣверо-западный край пришлось не совсѣмъ по вкусу нашимъ внутреннимъ корреспондентамъ, и они желали бы, чтобъ онъ былъ связанъ въ своей новой дѣятельности и лишенъ возможности со всею энергіей, поддерживаемою сознаніемъ личной отвѣтственности предъ современниками и потомствомъ, продолжать дѣло, достославно начатое графомъ М. Н. Муравьевымъ.“

„Россія никогда не забудетъ заслугъ этого человѣка въ трудную, мрачную минуту, и безпристрастный судъ исторіи высоко оцѣнитъ его подвигъ, нынѣ Монархомъ Россіи „вполнѣ оцѣненный.“ Вспомнимъ ту мрачную минуту, — хотя бы и не желалось вспоминать ее,—которая призвала

графа Муравьева въ дѣятельности посреди объятаго мятежомъ края; вспомнимъ ее, для того—чтобъ оцѣнить то историческое значеніе, которое навсегда остается за его именемъ. Мы не имѣемъ намеренія исчислять всѣ его заслуги или обсуживать тѣ мѣры, которыя принималъ онъ по управленію ввѣреннымъ ему краемъ; мы хотимъ указать только на то, какую цѣну имѣетъ его дѣятельность по отношенію къ тѣмъ обстоятельствамъ, среди которыхъ она развивалась, по отношенію къ тѣмъ трудностямъ, которыя могли бы заставить его уклониться отъ призыва, по отношенію къ тѣмъ препятствіямъ, съ которыми онъ долженъ былъ бороться для того, чтобъ исполнять свой долгъ передъ отечествомъ. Только два года прошло съ тѣхъ поръ, но надобно сдѣлать усиліе, чтобы перенестись мыслію въ то время. Теперь, посреди русскаго общества, никто не осмѣлится сказать открыто, что Русское государство не должно быть русскимъ въ той или другой части своей территоріи, что русская политика внутри или внѣ не должна быть національною; теперь даже злоумышленники и негодяи стараются поддѣлываться подъ патріотическій тонъ. За два года предъ симъ, защищать русскіе интересы, отстаивать единство, цѣлость и національность Русскаго государства, казалось дѣломъ безумнымъ, отчаяннымъ, невозможнымъ; молвить слово противъ измѣны и мятежа, грозившаго раздробленіемъ Россіи, значило вооружить противъ себя всѣ стихіи. (1) Въ то время все русское было поражено безсиліемъ и уныніемъ, все враждебное Россіи заранѣе торжествовало побѣду, и Европа ожидала съ-часу-на-часъ, что Россія исчезнетъ съ горизонта какъ марево. Минута была критическая! Мало было людей въ Россіи, которые рѣшились бы въ то время взгля-

---

(1) Впрочемъ,—скажемъ безъ самохвальства, „Вѣстникъ юго-западной Россіи" не устрашился этихъ стихій, а первый смѣло вступилъ въ борбу со всѣми врагами православія, русской народности, единства и цѣлости русскаго государства. Ред.

нуть прямо въ лицо задачѣ, предстоявшей государственному человѣку, призванному верховною властью къ борьбѣ съ измѣной, встрѣчавшею себѣ повсюду сочувствіе и поддержку, къ возстановленію достоинства русскаго государства въ краѣ, гдѣ оно было поругано, къ возстановленію русской національности въ краѣ, гдѣ она была доведена до послѣдняго издыханія. Повторимъ, для того, чтобъ оцѣнить значеніе дѣятельности графа Муравьева въ Вильнѣ, надобно сообразить тѣ обстоятельства, среди которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать, надобно представить себѣ, въ какомъ положеніи находилось бы теперь русское дѣло, если бы не явилось государственнаго дѣятеля, способнаго среди хаоса, который окружалъ насъ въ ту пору, возымѣть рѣшимость исполнить во всей силѣ Монаршее рѣшеніе, состоявшее въ томъ, что западный край, эта коренная, историческая часть Россіи, эта колыбель Русскаго государства, долженъ быть отнынѣ и на вѣки краемъ непререкаемо русскимъ. Представимъ себѣ, что произошло бы, если бы въ тѣ дни, когда на насъ наступала вся Европа, когда внутренняя организованная измѣна казалась непобѣдимою и заранѣе торжествовала свою побѣду, если бы въ то время рука дѣйствовавшая въ Вильнѣ дрогнула хоть на минуту, подъ градомъ ругательствъ и проклятій, которыя со всѣхъ сторонъ сыпались на всякаго русскаго дѣятеля, не отступавшаго предъ своимъ долгомъ, или не измѣнявшаго ему, и которыя съ такимъ страшнымъ обиліемъ сыпались особенно на виленскаго генералъ-губернатора? Не велика ли заслуга въ одномъ томъ, что графъ Муравьевъ принялъ на себя всю ненависть, всю злобу какъ внутреннихъ, такъ и заграничныхъ враговъ единства и цѣлости Россіи?"

„Дѣятельность его была проникнута неизмѣннымъ сознаніемъ, что Литва и Бѣлоруссія могутъ быть только русскимъ краемъ. При немъ впервые, послѣ долгаго времени, почувствовалось тамъ присутствіе русской силы: за-

гнанное русское племя встрепенулось и пріободрилось; все русское, бывшее доселѣ въ уничтоженіи, вошло въ почетъ; сами поляки начали, повидимому, сознавать необходимость отречься отъ несбыточныхъ мечтаній и обратиться въ гражданъ земли русской, и даже евреи стали охотно посылать своихъ дѣтей въ школы русской грамотности. Недоброжелательные къ Россіи публицисты видятъ во всѣхъ дѣйствіяхъ генерала Муравьева только намѣреніе подавить польскую національность, но мы, русскіе, не можемъ не чествовать въ немъ человѣка, положившаго тѣми мѣрами, которыя были ему сподручны, начало возрожденію русской народности, до того времени забитой и загнанной въ западномъ краѣ Россіи, начало вступленію ея въ законно-принадлежащія ей права.“ (*Моск. Вѣд.*)

ГРАФУ МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ МУРАВЬЕВУ (1).

Благодаримъ тебя, архистратигъ Россіи,
За всѣ твои труды, за блага вѣковыя,
Какими надѣлилъ ты бѣдную страну,
Такъ долго бывшую въ томительномъ плѣну!
Забитая нуждой, запуганная панствомъ,
Она дрожала вся передъ шляхетскимъ чванствомъ,
И позабыла ужь достоинство свое.
Послалъ тебя Господь, и поднялъ ты ее,—
И Бѣлоруссія, томимая три вѣка,
Познала наконецъ названье человѣка.
Изъ праха поднялъ ты, на поученье намъ,
Забросанный сметьемъ и посрамленный храмъ,
Издревле царившей тамъ вѣры православной;
И, направляемый десницею державной,
Всѣмъ мѣсто указалъ—законному жильцу,
И преступившему порогъ нашъ пришлецу.

---

(1) Пользуемся случаемъ присовокупить къ вышесказанному стихотвореніе г. Аскоченскаго. Домаш. Бесѣда, Вып. 19, стр. 598, 99.

Измѣну и мятежъ сдавивъ рукою сильной,
Ты *Вильно* называть намъ заповѣдалъ *Вильной*,
И русскую семью на почвѣ родовой
Поставилъ ты стоять ужъ твердою ногой.
Въ годину тяжкаго Россіи искушенья,
Отвсюду понеслись къ тебѣ благословенья,
И русскій человѣкъ названье *Михаилъ*,
Крестясь предъ образомъ, съ любовію твердилъ...

Что нужды, что въ тебя бросали издали
Злословья камнями изверженцы земли,—
Земли, отринувшей ихъ гнусныя затѣи!
Вѣдь змѣи всё шипятъ,—на то они и змѣи....
Тебя самъ Государь достойно оцѣнилъ
И царской милостью богато наградилъ.
Тебѣ привѣты шлетъ и бьетъ челомъ Россія,
За всѣ твои труды, за подвиги святые,
И имя славное изъ рода въ дальній родъ
Она съ молитвою усердной пронесетъ.....

В. Аскоченскій.

Совершенное разстройство здоровья графа Муравьева, какъ слѣдствіе энергичной и въ буквальномъ смыслѣ неусыпной его дѣятельности, поставило его въ невозможность продолжать свое доблестное служеніе престолу и отечеству,— окончить великое дѣло возсозданія западной Россіи и повергло всѣхъ друзей Россіи и православія въ непритворную скорбь. Мы были бы неутѣшны, если бы Тотъ, Кто руководилъ русскаго Монарха при назначеніи графа Муравьева начальникомъ сѣверо-западнаго края Россіи, не указалъ Ему достойнаго его преемника,—который, какъ мы имѣемъ право надѣяться, доблестно продолжитъ и окончитъ планъ дѣйствій своего предшественника. Обоюдная скромность не позволяетъ намъ указать здѣсь основанія этихъ надеждъ и заявить судъ обще-

ственнаго мнѣнія о дѣятелѣ, только лишь вступившемъ на поприще своего высокаго служенія; но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи помѣстить здѣсь отзывъ г. военнаго министра о новомъ начальникѣ сѣверо-западной Россіи тѣмъ болѣе, что въ этомъ отзывѣ мы видимъ, между прочимъ, и основаніе нашихъ надеждъ и осуществленіе предчувствій.

„Высочайшимъ приказомъ 17 апрѣля, директоръ канцеляріи военнаго министерства, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ получилъ новое назначеніе: Монаршее довѣріе призвало его къ управленію сѣверо-западнымъ краемъ и командованію войсками виленскаго военнаго округа.“

„Съ искреннимъ сожалѣніемъ разставаясь съ такимъ достойнымъ сотрудникомъ, считаю священною своею обязанностію выразить предъ всѣми сослуживцами душевную мою признательность генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману за неутомимые труды его по многотрудной должности, которую онъ занималъ почти четыре года.—Въ продолженіе этого времени, я находилъ въ немъ надежнаго и ревностнаго помощника во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, предпринятыхъ по военному министерству; разумному содѣйствію его обязанъ я успѣхомъ многихъ изъ тѣхъ мѣръ, которыя заслужили полное одобреніе Его Императорскаго Величества. Ему принадлежитъ неотъемлемое право на мою сердечную благодарность, а личныя качества его, испытанныя каждымъ, кто имѣлъ съ нимъ сношеніе, пріобрѣли ему навсегда общее узаженіе.“

Подписалъ: Военный министръ, генералъ-адъютантъ *Милютинъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ

„СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВЪ.“

Въ редакціи „Вѣстника западной Россіи“ составленъ и поступилъ въ продажу „**Сборникъ**“ документовъ, особенно компрометирующихъ латино-польскую пропаганду, поражающихъ ее собственнымъ оружіемъ и потому изданныхъ съ эпиграфомъ: *„твоими устами буду судить тебя.“* Сборникъ заключаетъ въ себѣ около 12 печатныхъ листовъ, въ 8-ю долю листа; изданіе будетъ вполнѣ безукоризненно.

Желая сообщить этому важному и необходимому въ западной Россіи Сборнику возможно — большую популярность, редакція „Вѣстника“ почла себя обязанною назначить этому изданію возможно-доступныя для большинства цѣны, съ пересылкой на счетъ редакціи, именно:

1). Випысывающіе отъ 1—10 экз. плятятъ 60 к. за каждый экземпляръ.

2). Выписывающіе отъ 10—25 экз. платятъ по 55 к.

3). Выписывающіе отъ 25—50 экз. платятъ по 50 к.

4). Выписывающіе отъ 50—100 экз. платятъ 40 к.

5). Выписывающіе отъ 100—500 экз. платятъ по 30 коп.

6). Выписывающіе отъ 500—1000 экз. платятъ по 25 коп.

7). Выписывающіе же болѣе 1000 экз. платятъ по 20 коп.

Примѣчаніе 1-е. За пересылку не прилагается.

Примѣчаніе 2-е. Книгопродавцамъ, выписывающимъ Сборникъ, уступается 5-о съ обыкновенной цѣны.

Желающихъ выписать Сборникъ редакція проситъ поторопиться съ своими требованіями, пока наборъ типографскій не разобранъ. Послѣ разлома этого набора едва ли можно будетъ пріобрѣсти „Сборникъ" и за двойную цѣну: извѣстно всякому, что расходъ изданія находится въ неразрывной связи съ его цѣной, что первый всегда обусловливаетъ послѣднюю.

Желающіе выписать „Сборникъ" съ требованіями свои благоволятъ относиться въ *Вильну*, въ *редакцію* Вѣстника западной Россіи и въ книжный магазинъ г. *Сенковскаго;* въ *С.-Петербургъ*, въ книжный магазинъ *А. Ѳ. Базунова;* въ *Москву*, въ книжный магазинъ *А. Н. Ферапонтова;* въ *Кіевъ*, въ книжный магазинъ *С. И. Литова.*

Содержаніе 8-й книжки „Вѣстника западной Россіи“ за $18\frac{64}{65}$ г.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.